

уральский

следопыт

№10 *** 1974

в номере:

Л. Вакуловская КОЛЮЧИЕ ЗВЕЗДЫ	2
А. Моторин У СВОЕГО ПАМЯТНИКА	12
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	13
Г. Устюжанин НАСТАВНИК	14
П. Деркач КАМЕННОЕ ДИВО УРАЛА	17
Ю. Липатников ОБЪЯВЛЯЮ СВОИМ ДЕЛОМ	21
А. Моисеев ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ	25
В. Морозов ЗОЛОТОЙ ВЕК МИАССКОЙ ДОЛИНЫ	29
А. Тер-Акопян ПЕСЕНКИ	30
М. Поповский ПРОЧНО СТОЯТЬ НА ГЛОБУСЕ	32
С. Слепынин ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК. Фантастический роман.	42
А. Шамаков К «БИРЮКОВСКИМ ЧТЕНИЯМ»	65
И. Шакинко БИБЛИОТЕКА ТАТИЩЕВА	66
Л. Большаков ЕХАЛ ПОЭТ ИЗ ССЫЛКИ	69
И. Токарев ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК. Рассказ	71
В. Баталов РЕЧНАЯ МЕЛОДИЯ	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 27/VI 1974 г.
НС 31239.
Подписано к печати
13/VIII 1974 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских
листов 9,7
Тираж 270 000
Заказ 391
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
Н. Павлова
2-я стр. обложки — фото
А. Нагибина

© Уральский следопыт, 1974 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№10 * 1974

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

КОЛЮЧИЕ

Рассказ

Лидия
БАКУЛОВСКАЯ

Рисунки
В. Сыслова

В понедельник в библиотеке выходной. Аренто проснулся в этот день рано. Сунул ноги в валенки, накинул на себя полушубок и вышел на крыльцо взглянуть на погоду.

Село еще спало, в окнах нигде не светилось. Густая синева плотно кутала дома, слегка белевшие заснеженными крышами, и звезды горели по-ночному ярко. Мороз был невелик — градусов двадцать, небо — чисто, луна — глазаста, и все это, при полном безветрии, обещало хороший день.

Аренто повеселел. Мигом слетели остатки сна, он пошел одеваться. Потом, насвистывая, принялся не спеша хозяйничать по дому. Куда торопиться? В путь он отправится по рассвету, а светает теперь к одиннадцати.

Аренто с приятной ленцой колот во дворе лед, наполнял им ведра, с той же неторопливостью готовил себе завтрак. Когда лед растопился на плите, Аренто вымыл теплой водой полы в своей комнатенке и в библиотеке. И пыль смахнул он с полок, и полил крепенький кактус, росший в большой жестяной банке из-под джема. Из техникума Аренто вынес святое правило: в библиотеке должно быть так же чисто, как в больнице, и ревниво следовал ему.

Правда, в другие дни печками и наведением порядка занималась Омрангут, или Полставки, как прозвал ее Аренто: девчонка работала уборщицей в сельсовете и еще полставки получала за уборку библиотеки. Но вчера он сказал этой своей Полставке, чтоб она не приходила сегодня, не маячила у него перед глазами.

Честно говоря, Омрангут надоела ему хуже

назойливой мошки. Она по уши втрескалась в него и готова была для него что угодно сделать.

— Слушай, Полставки, сбегай в магазин за папиросами! — небрежно бросал он ей, и девчонка немедленно исполняла его приказание.

— Эх, надо было две пачки взять! Как не сообразил? Сбегай еще одну купи, — нарочно говорил он, когда она возвращалась. И Полставки спясть бежала в магазин.

Как-то она притащила ему отличную лисью шапку — видела, что его шапка стара и облезла. Он обрадовался.

— Ты где достала? — спросил. — Сколько я за нее должен?

— Ничего не должен, — ответила она блестя черноугольными глазами. — Я сама лисицу капканом поймала, сама шила. Это подарок.

Потом принесла ему пыжиковые рукавицы. Потом — торбаса с шелковой цветной шнуровкой.

Сперва все это забавляло Аренто: вот так Полставки, вот так дура! Кстати сказать, он действительно считал ее глупее глупой нерпы: в семнадцать лет одолела всего пять классов, теперь бегает по вечерам в шестой! О чем говорить с нею при такой ее грамотёшке? Потому и разговаривал он с Омрангут снисходительно, с сознанием большого превосходства. И на все ее вопросы-расспросы отвечал насмешливо. Да и как иначе отвечать, если неразумны вопросы? Например, ткнет Омрангут пальцем в толстую книжку и спросит:

— Ты такую большую тоже читал?

— Конечно, читал! — насмешничает он. — Я все эти книжки прочитал.

ЗВЕЗДЫ

— О-о-о!.. Так много? — тарачит она глаза на полки с книгами.

Конечно, он бахвалился — так много он не читал, хотя и кончил библиотечный техникум. Но почему не подразнить девчонку? Почему не посмотреть, как она стоит с открытым ртом и гуще прежнего плясает на него?

Но так было сперва. А теперь Аренто не придумает, как избавиться от своей Полставки. Целыми днями она торчит в библиотеке. Затопит утром пени, вымоет полы, усядется за стол и давай листать журналы. Час листает, два листает, может до вечера листать. И здесь же свои уроки делает. И все время исподтишка следит за ним. Он ее домой отсылает — она не идет.

— Что мне дома делать? Здесь лучше, — говорит.

Просто мука с нею! Куда ни ступи, что ни скажи и ни сделай, Полставка все видит и слышит. И до того она ему надоела, до того он не влюбил ее, что взял да и пошел к председателю сельсовета Какле сказать, чтоб заменили ему уборщицу.

— Как это — заменить? — удивился председатель Какля. — Разве Омрангут плохо уборку делает? Посмотри, какая чистота у меня, — показал он рукой на свой кабинет. — Еще все село спит, а Омрангут уже печки у меня топит, пол мрет. Потом к тебе бежит. Я это хорошо в окно вижу.

Аренто, ничуть не смутясь, сказал Какле:

— Не в этом дело. Она мне работать мешает: целый день в библиотеке без дела сидит.

— Почему без дела? Она уроки учит, журналы смотрит, — ответил Какля, хмурия седенькие

брови. Был он низенький и щупленький, председатель Какля, похожий на старинка-подростка. И голосок у него был, как комариный писк.

— Уроки надо дома учить, — возразил Аренто — И журналы пусть домой берет. Я ей сто раз говорил.

— Нет, Аренто, так вопрос ставить нельзя, — покачал маленькой белой головой Какля. — Библиотека не твой личный дом, а наш общий. Пускай каждый приходит и сидит, сколько хочет.

Такой ответ никак не устраивал Аренто, и он решил поспорить с председателем. Но тот, не дав ему рта открыться, сильно наморщился и строго сказал своим тоненьким голосом:

— Ты мне, Аренто, Омрангут не обижай, она сирота. Она долго в тундре жила, оленей смотрела, училась мало. Теперь учиться хочет. Ты у нас работник новый и наших людей плохо знаешь. Почему ты, например, не знаешь, что Омрангут у тетки живет, а там детей малых много, целых пять? Понесет домой твои журналы — дети тебе одни клочки оставят. А библиотека на балансе сельсовета находится. Значит за эти клочки я и ты отвечать будем. Видишь, какая плохая картина получается?..

Словом, ни с чем ушел Аренто от председателя сельсовета. И еще больше озлился на Омрангут. Так озлился, что просто возненавидел ее...

«Сирота! — передразнил он про себя Каклю, бросая недобрые взгляды на Омрангут, когда та, скособочась, пыхтела за столом над уроками. — А что мне за дело? Иди к Какле в сельсовет и сиди там!..»

Меж тем утро помалу открывало глаза: окна окрасились в серое. «Пора собираться!» — подумал Аренто. Он внес из сеней лыжи, хорошенько смазал их. И стал переодеваться в дорогу. Что надеть — обдумал заранее. Телогрейка и торбаса сегодня не годились. Сегодня он отправлялся в гости к девушке. Ее звали Леной, и она была так красива, что когда Аренто вспоминал о ней, у него останавливалось сердце и в груди все обрывалось. Впервые в жизни, а ему уже было двадцать четыре года, встретил он такую девушку, и впервые в жизни у него стало что-то непонятное твориться с сердцем, лишь стоило ему подумать о ней.

Аренто надел ворсистые лыжные брюки, нейлоновую рубашку и галстук. Поверх рубашки — толстый вишневый свитер с белыми оленями на груди, поверх оленей — лыжную куртку, а на ноги — лыжные ботинки на шерстяные носки. Одежда как раз по погоде. При таком малом морозе да на лыжах ему не замерзнуть. Наст хороший, крепкий. Двадцать пять километров он пробежит за три часа. Даже быстрее.

Аренто взял из тумбочки ручные часы. Ого, без четверти одиннадцать! Пора, пора!.. К двум часам дня он будет на месте. Как раз успеет до того, как навалится полная темнота...

Он приложил к руке часы, туго стянул ремешок на запястье. Подошел к большому стенно-

му зеркалу, помещавшемуся возле фикуса и придававшему библиотеке нарядный вид. Вот он, значит, какой, Аренто! Лицо кирпичное, глаза узкие, скулы крутые. Меж скулами широко разлегся короткий, приплюснутый нос. И в плечах Аренто широк, и ноги у него крепкие, чуть выгнуты полукругло наружу. В общем, видный он парень, недаром Полставки втрескалась!..

Он пригладил рукой смольные волосы, надел лисью шапку. В шапке стал выглядеть внушительней и старше. Отошел от зеркала, закурил перед дорогой. И как раз в это время в сенях кто-то затопал, дверь отворилась, и на пороге появилась окутанная морозным облаком Полставки, с неизменной нерпичьей сумкой, в которой носила свои тетрадки и книги.

Увидев ее, Аренто хмыкнул: хе, нарядилась! То таскала торбаса и кухлянку, и вдруг — пальто с песцовым воротником и фетровые валенки, а на голове голубая шапочка из пуха! Даже симпатична Полставки в этой шапочке. Щеки огнем горят, глаза блестят, широкие брови в белом инее. Не брови, а два беленьких песцовых хвостика распушились над черными глазами. Только зеленая линия татуировки портит правую щеку. Эта глупая привычка — украшать лица маленьких девочек татуировкой — давным-давно улетучилась, а тут — пожалуйста! Видать, совсем отсталыми людьми были родители Омранаут.

— Здравствуй, — сказала Омранаут, топчась у порога и вытирая об оленью шкуру-половик свои белые валенки.

— Здравствуй, — буркнул Аренто, и спросил: — Ты зачем пришла? Я тебе сказал, чтоб ты по выходным не приходила. Видишь, я сам уборку сделал?

— Уроки буду учить, — сообщила она и смело улыбнулась ему.

— Уроки учить! — снова буркнул он. — В сельсовете бы учила. Что, там хуже?

— Там хуже. Я здесь привыкла, — серьезно сказала она и, как ни в чем не бывало, прошла к столу, где постоянно сидела.

Но у Аренто все-таки было очень хорошее настроение, и он решил:

— Ладно, оставайся. Как догорит, трубы закроешь. А будешь уходить, замок не забудь повесить. Я пошел. — Он взял лыжи.

Омранаут вскинула голову и тревожно спросила:

— Куда ты?

— К полярникам. Меня там девушка ждет, — ответил он. И оглянулся от двери посмотреть: все ли поняла эта глупая Полставки?

Оказывается, поняла. Лицо ее испуганно вытянулось.

— Не ходи, пурга будет, — жалким голосом сказала она.

— А что мне пурга? Пусть будет, — весело ответил он и захлопнул за собою дверь.

Он-то знал, что никакой пурги не будет: утром районное радио передало на сегодня хорошую погоду.

Чем дальше убегал Аренто от села, тем сильнее охватывало его волнение близкого свидания с Леной.

В прошлом месяце, уже когда взялись морозы и задубел нартовый путь, Аренто ездил за книгами в райцентр. Когда все было получено, увязано и уложено в мешок, когда Аренто уже укладывал мешок на нарты, за его спиной вдруг раздался звонкий голос:

— Здравствуйте. Вы откуда? Может, нам по пути?

Он оглянулся. Рядом стояла невысокая девушка в черном овчинном тулупчике, в черных валенках и в черной меховой шапке с торчавшими в стороны ушами. Вся она была в черном, а лицо ее и выбившиеся на лоб волосы были белыми-пребелыми. Лишь брови чуть темнели над синими глазами. Девушка смотрела на Аренто и ждала ответа.

Он назвал свое село.

— Как хорошо! — обрадовалась девушка и быстро заговорила: — Возьмите меня с собой, мне только до полярной станции. Вас как зовут? Меня Леной. Давайте познакомимся, — она стянула с руки шерстяную варежку. — Я радистка, но на мне еще и наша библиотека. Хотела задержаться до завтра, да передумала. А книги у меня уже отобраны.

Она протянула Аренто белую, украшенную колечком руку, а он отчего-то вдруг растерялся и не сразу сообразил, что ему тоже следует снять рукавицу и пожать руку девушки, чтобы таким образом скрепить знакомство. А потом, еще больше смутясь, исправил свою оплошность, говоря при этом, что возьмет с собой Лену.

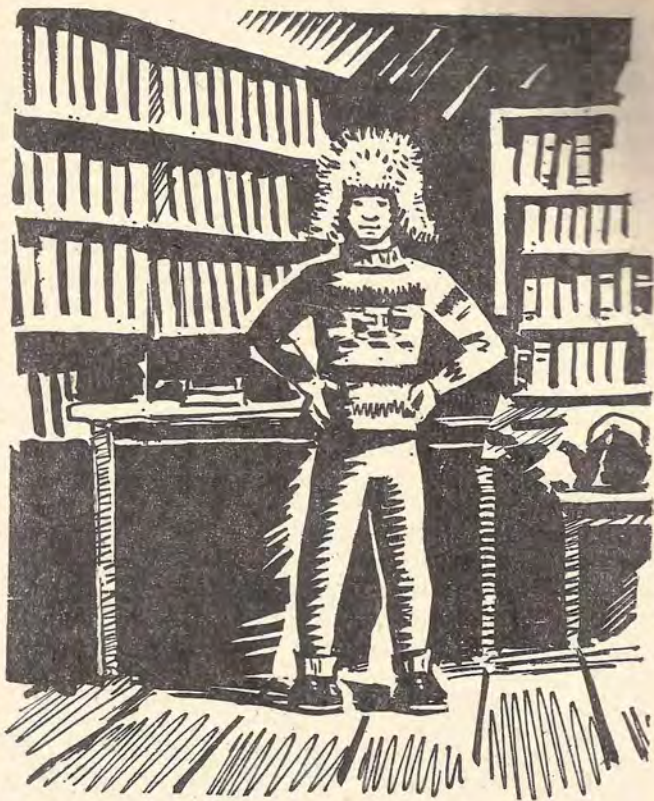
— Вот здорово! Я знала, что мне повезет! — сказала Лена и убежала в книжный магазин.

Она быстро вернулась с двумя пачками книг, увязанных в рогожу.

А потом была дорога. Был вечер. Звезды зелеными колючками дрожали в небе. Голубым снегом светилась тундра. Раскачивались нарты. Вперед, вперед бежали собачки. Лена тоже бежала рядом с нартами. У нее слетела с головы шапка. «Ой, шапка!» — вскрикнула она, и Аренто тут же остановил упряжку, а Лена, смеясь, побежала за шапкой. Подняла ее и все еще продолжала смеяться, нахлобучивая шапку по самые глаза.

Они почти не разговаривали в дороге — просто ехали под светлой луной и колючими звездами. И путь в пятнадцать километров показался Аренто необычайно коротким. Домик полярной станции, лепившийся к подножью невысокой двуглавой сопки, встретил их огнями в окнах и горластым лаем запертых в сарае собак.

— Вот я и дома! — сказала Лена и кивнула

на домик: — Вон мое окно, самое крайнее, видите? Приезжайте ко мне в гости, хорошо?

Аренто не успел ответить, и она снова сказала:

— Обязательно приезжайте! Я буду ждать. Приедете?

— Приеду, — промямлил он, смущенный ее приглашением.

Она взяла свои книги и быстро пошла по утопанной тропке, бегущей от ограды метеостанции к домику.

С той минуты и случилось с ним что-то странное.

Он лихо взмахнул тогда остолом над спинами собак, чтоб ветром летели. И заорал, запрокинув голову к небу:

— Э-эй, Луна, белый пузырь, смотри на меня! Это я еду — Аренто!..

— Э-эй, Звезды!.. Светите, светите, зеленые колючки! Это Аренто едет!.. Аре-е-енто-о-о!..

И сейчас, скользя на лыжах и вспоминая все это, Аренто чувствовал, что и теперь, в эти минуты, душа его полна тем же светлым звоном.

Он сильно разогрелся от быстрого бега и остановился покурить и охладиться. Потом пошел медленнее. И не переставал думать о тех первых словах, какие он скажет, когда увидит Лену. «А вот и я!» — скажет он, как подобает мужчине: коротко и ясно. Она, конечно, спросит, почему

его так долго не было, и он ей честно ответит, что раньше не мог выбраться, потому что до него в библиотеке был полный развал и ему пришлось начинать с нуля: составлять каталог, заводить карточки, собирать по селу взятые и невозвращенные книги. И так пролетел месяц. Он признается ей, что весь этот месяц он думал о ней. Но это будет уже после, когда они будут сидеть вдвоем в ее комнате, с окном на метеоплощадку, на которое она тогда ему указала и откуда падала на снег широкая полоса розового света. С Леной он и о книгах поговорит. Спросит, что она прочитала за это время, и сам расскажет. Он, например, Карела Чапека за это время прочитал. Раньше не читал Чапека, только слышал, что есть такой писатель, а тут получил вместе с новыми книгами одну его книжку — и сразу прочитал. «Как вам нравится пьеса Чапека «Белая болельница»? — спросит он Лену. Когда она ответит, он скажет: «Все это фантастика. Такой эпидемии на самом деле не было...»

И многое другое рисовалось Аренто в их встрече. Правда, рисовалось как-то расплывчато и путано...

А день, так и не расцветший, снова стал погружаться в сумерки. Темнота сгущалась по сторонам, быстро сужая границы видимости. Легкий ветер прошелся поверху и улетел. Снова дунул, приятно остудив потное лицо Аренто.

С холма Аренто увидел одинокую двуглавую сопку и слабые очертания домика полярной станции. Светились все окна и били огнями два прожектора: на крыше домика и на метеоплощадке. До этих огней было не больше километра. Аренто оттолкнулся палками и понесся с холма. Ветер ударил снизу, взбил перед ним облако снега. Аренто проскочил сквозь рыхлое облако и увидел, как по земле вдруг заметались белые вьюнки. Это был явный признак начинавшейся пурги.

«Как так? Откуда пурге быть?» — удивился он, помня, что радио обещало хорошую погоду.

К домику он подъехал весь осыпанный снегом. Уже сотни вьюнков прыгали и вертелись у его ног, оплетали колени. Он снял лыжи и поднялся на крыльцо. Потом тяжело перевел дыхание, вошел в освещенные холодные сени и постучал в обитую войлоком дверь.

— Мороз Иванович, свои! Ступай, ступай, — спокойно сказал усатый мужчина огромному псу, с рыком рванувшемуся к Аренто.

Пес, похожий на матерого волка, послушно спрятал клыки и важно удалился от двери. А мужчина, точно он сто лет знал Аренто, сказал ему:

— Опять задуло! Пойдем отряхну тебя. — Он снял с крюка большую полукруглую щетку. — Лыжи тоже в сени носи... Ты совсем, парень, поюжному! Лыжник!.. Все форсите, — говорил муж-

чина в сенях, обметая щеткой снег с Аренто. — Вчера вот тоже парочка таких туристов из райцентра заскочила. Зуб на зуб не попадал. Полный самовар в десять минут уходили... Ну, готово! Пойдем за стол, у нас торжество сегодня.

Этот пожилой, рыжеусый мужчина в толстом вязаном пулсвере как-то сразу спутал все планы Аренто. Мужчина все время говорил сам, и Аренто никак не мог сказать ему, зачем явился.

Они снова вернулись в дом. Аренто едва ли не вплотную столкнулся в коридоре с высокой полной женщиной, вышедшей из кухни с блюдом жареной оленины.

— Отец, ну что ж ты? Пора садиться, — сказала она мужчине.

— Идем, мать, идем!.. Вот лыжника встречал...

— Заходите, заходите в кают-компанию, — приветливо кивнула женщина Аренто и ушла с блюдом вперед, скрылась за тяжелой портьерой.

В этом добром приеме не было ничего удивительного. В тундре любое жилье открывает двери путнику, его накормят и дадут ночлег, не вдаваясь в особые расспросы. Но к полярникам Аренто попал впервые, и потому, войдя в просторную комнату, называемую кают-компанией, он совсем потерялся: незнакомые парни, бородатые и бритые, незнакомые женщины; здесь же бегают мальчик лет пяти, другой ребенок — на руках у матери. И все сразу говорят, все шумят, усаживаются за длинный стол, уставленный едой. Один из парней продолжает играть на пианино. Возле пианино кружит на одном месте, как заведенный, пес со странной кличкой Мороз Иванович, и пес этот явно из волчьей породы.

— Бетховен, кончай прелюдии!..

— Садитесь, садитесь!..

— Мороз Иванович, брысь на место!..

— Парень, ты сюда... Как тебя звать-то?.. Аренто? Садись, Аренто, возле Миши. А я на свое законное, к жене поближе.

Пожилой усач усаживает Аренто, сам садится во главе стола. Он здесь старше всех летами, и Аренто догадывается, что он и есть начальник станции, а полная женщина — его жена. Аренто ерзает на стуле, потерянно глядит по сторонам — Лены нет. Нет ее, сколько не гляди. А вокруг него шумят голоса:

— Ну, что они там?..

— Вика, зови!..

— Мадам, просим на выход!..

— Мада-ам, уже па-адают листья!.. — тянет кто-то басом.

Неожиданно дверь, у которой стоит пианино, открылась, и вошла Лена. В таком красивом черном платье и сама такая красивая, что Аренто даже зажмурился на миг. За Леной появился долговязый бородатый парень с белоголовой девочкой, сидевшей у него на шее. Лена и парень разом вскинули головы, смешно надули щеки и разом поклонились, как бы здороваясь со всеми.

И сразу все заплодировали, засмеялись: и начальник, и его жена, и сама Лена. Аренто понял, что в том, как появилась Лена, в ее выходе, кроется какая-то шутка, веселая игра, и ему тоже, как и всем, стало весело.

Быстро наполнили рюмки, все поднялись, стали выкрикивать:

— Поздравляем, поздравляем!..

— За юную полярницу!..

— Ирочка, будь здорова!..

Бородатый парень высоко поднял девочку, подбросил ее к потолку и поймал. Девочка радостно завизжала. Жене начальника замахала руками:

— Гоша, Гоша, не смей, упустишь! — И забрала девочку: — Иди ко мне, Ирочка! Иди, моя доченька!..

За столом не утихали. Все ели, разговаривали, перебивали друг друга, смеялись, произносили тосты, обращаясь к девочке, сидевшей на руках у полной женщины. Проголодавшийся Аренто тоже ел, а сосед Миша наливал ему закрашенный голубикой спирт. И Лена пила спирт, смеялась и разговаривала то с полной женщиной, то с бородатым Гошей, сидевшими по бокам от нее.

«Почему она не подойдет ко мне? Почему ничего не скажет? — недоумевал Аренто. — Может, я сам должен подойти?..»

Из-за стола все время кто-то выходил. Кто-то возвращался. Уходили и возвращались с шутками:

— Братцы, я на связь. Поимейте совесть насчет пиров!..

— Бетховен, а, товарищ Бетховен! Оторвитесь от тарелки, вам зонд пора запускать!..

— Вася, как там за дверью?

— Слегка метет. А вы все, извиняюсь, жрете?..

Вдруг Лена поднялась из-за стола и направилась к Аренто. Он повернулся к ней всем корпусом и, когда она поравнялась с его стулом, привстал. Все напряглось в нем, дыхание перехватило.

— Здравствуй, — сказал он ей, почти не разжимая оцепеневших губ.

— Здравствуй, — удивленно протянула она. Удивленно посмотрела на него, смешливо повела плечом и ушла в свою комнату.

Аренто бросило в жар.

«Не узнала!.. Она меня не узнала!.. — пронеслось у него. — Ну да, ну да!.. Тогда я был в кухлянке и малахее... Что же делать?!»

Лена снова вышла из комнаты и снова прошла мимо него. Но теперь он сидел спиной к ней, сгорая от стыда и неловкости, не смея шевельнуться и поднять голову.

«Напомнить ей?.. Сказать?.. — безотчетно соображал он. — Ведь она говорила: «Обязательно, обязательно!..» «Я буду ждать, буду ждать!..»

И все мысли его, все до единой, оборвались, когда он услышал звонкий голос Лены:

— Ирочка, иди к маме! Ты надоела тете Оле! Лена взяла у полной женщины девочку. Девочка накуксилась и заплакала.

— Ну, ну, ну!.. Что случилось, что такое? Ай, как нехорошо плакать имениннице!.. Хочешь к папе? Ну, иди... Гоша, возьми ее...

— Ты чего скис? — сосед Миша тронул Аренто за локоть. — Плеснуть граммешку?

— Нет, — хрипло сказал Аренто и боком, вполуклон стал подниматься со стула. — Нет, — повторил он и слегка качнулся. У него дергались и кривились губы.

— Знаешь, куда идти? — сочувственно спросил Миша.

Аренто кивнул и быстро вышел.

Шапка его висела в коридоре, лыжи стояли в сенях. Лжавший на войлочной подстилке Мороз Иванович дремотно рыкнул на него и умолк.

До чего же жарко в доме, духотище! Грудь сдавило — недохнуть, а в голове будто камни ворочаются... А на дворе здорово... Проекторы рубят темноту... поземка пляшет... ветерок. И колючие звезды опять столпились... Хохочут зеленые колючки — ха-ха-ха!.. На них нельзя смотреть. Ух, как колет, щиплет зеленью глаза!..

От метеоплощадки двигалась навстречу чья-то темная фигура.

— Парень, ты куда? — крикнула фигура.

Не получив ответа, снова крикнула:

— Эй, лыжник, не дури!..

Аренто быстро убежал от огней в темноту.

Сперва ему было жарко. Потом — как раз в пору. Потом он стал промерзать.

Нет, пурги не было. Просто немного мело. И если бы не ветер... Ветер дул в треть силы, в нем не было ни крепости, ни злости. Но мороз усилился, изморозил ветер, и ветер принялся набивать куртку и брюки Аренто холодом. Как ни быстро бежал он на лыжах, морозный ветер делал свое подлое дело: стали замерзать кисти рук, и подошвы ног, и плечи, и поясница. У Аренто мелькнула мысль повернуть назад, возвратиться на полярную станцию, в тепло дома. Но душившая его обида, и ревность, и сознание собственной незначительности, и злость от того, что она его не узнала, что он был унижен, — вся эта мешанина чувств кипела в нем, и он упрямо двигался дальше.

«Пусть замерзну!.. Пусть она узнает!..» — отчаянно думал он.

И тут же другая мысль:

«А как узнает, кто скажет? Она меня не помнит!.. У нее муж, у нее Ирочка... Ей все равно...»

Ему, действительно, было не жаль себя. Лучше погибнуть! Зачем жить?..

Руки его совсем задубели, не хотели держать палки. Ноги, казалось, напрочь примерзли к ботинкам, ступни прожигало холодом.

«Может, бросить лыжи и идти пешком?» — подумал Аренто, считая, что при ходьбе ступни разогреются.

Он остановился, бросил палки, стал отстегивать правую лыжу. Ремни смерзлись и не поддавались, рукавицы мешали ему. Озлившись, он скинул обе рукавицы, зажал их меж коленей, взялся голыми руками за ремни. Пальцы не гнулись, не могли ухватить конец ремешка. Аренто вспомнил о ноже. Быстро, насколько позволяли окоченевшие руки, достал из кармана складной нож и, с трудом открыв его, перерезал острым лезвием ремень. Теперь нужно было надеть рукавицы и таким же образом освободиться от другой лыжи. Он разжал колени, но наскочивший вихрь тотчас же выхватил у него одну рукавицу. Аренто поковылял за рукавицей с одной лыжей на ноге, поднял рукавицу, натянул на онемевшую кисть. Сжимая обеими руками нож, норовивший все время выскользнуть на снег, он в конце концов освободился от другой лыжи и, бросив лыжи, пошел дальше. Но тело его уже насквозь промерзло, руки не сгибались.

Тогда на Аренто нашел страх. Он ясно понял, что гибнет, и заметался. Заметались ошпаренные страхом мысли: зачем он ушел со станции, зачем не вернулся, зачем бросил лыжи?..

Аренто четко представил свой конец: он лежит, скрюченный, съеденный морозом, среди этой белой тундры, и поземка наматает над ним сугроб. Так в его родном селе, за много верст отсюда, погиб старик Ильяш. Тридцать зим возил Ильяш на нартах почту: из села — в райцентр, из райцентра — в село, и ничего с ним не случилось. А однажды вез он в село радиста, посланного в их колхоз устанавливать новую рацию, и не доехали оба. Оборвалась упряжь, унеслись в тундру собаки, оставили Ильяша с нартами и напарником среди торосов. А тут — пурга на три дня задула. Кончилась — самолет на поиски вышел. Только на пятый день обнаружили. Радист у тороса лежал: колени к лицу подтянуты, голые руки к подмышкам примерзли — согреть их хотел. А старик — на спине. Вытянулся во весь рост и глаза открыты. А рядом — остол в снег воткнут, на нем шапка Ильяша...

Все говорили, что если бы чуть раньше, то спасли бы Ильяша. Старик пережил пургу. Он и остол воткнул, и шапку повесил, зная, что будут искать самолетом. И глаза потому были открыты к небу — все ждал.

Нет, Аренто не хотел для себя такой же участи. Все в нем кричало и сопротивлялось. Он понимал, что нужно что-то предпринять, что-то сделать для спасения. Но что, что сделать?.. Лучше всего зарыться бы в сугроб и согреться. Но вокруг ни одного холмика. Вокруг гладкий наст, по которому ветер тянет поземку.

«Рыть!!.. Нужно рыть!!.. лихорадочно соображал Аренто.— Вырыть яму и согреться!..»

Но рыть было нечем. Нет, можно было рыть лыжей! Ах, черт, зачем он бросил лыжи?! Переломить бы одну лыжу и рыть этим куском дерева!.. Что делать с ногами?.. Надо сесть... Вот так... спиной к ветру... Скорей снять ботинки и растереть снегом ноги...

Шнурки на ботинках смерзлись. Аренто, весь изогнувшись, пробовал схватить их зубами, но у него ничего не получалось. А нож он потерял.

— А-а-а!..— дико закричал Аренто, пытаюсь подняться и понимая, что ноги больше не подчиняются ему.

Он упал на грудь, уперся локтями в снег и с остервенением стал локтями пробивать смерзшийся наст, желая вырыть себе укрытие. И вдруг увидел огромный снежный холм, почувствовал, как влазит в его мягкое нутро, где наконец-то можно согреться. Это ветер взбил снежное облако, швырнул его в Аренто, осыпав его наждачным снегом.

— А-а-а!..— снова закричал Аренто страшным голосом гибнущего.

И что-то случилось в темной, дымящей снегом тундре. Что-то заскрипело, залаяло, крикнуло человеческим голосом:

— Эй, сюда!..

Заскрежетал снег, заворчали собаки.

— Вот он, здесь!.. Парень, ты жив?..

— Жив, он жив!..

— Давай-ка разотрем его... Эй, слышишь, приподымись!.. Ну-ну, ворочайся!..

— Постой, дай разотру как следует... А ты руки ему три... Тут, понимаешь, за столом сидел — тут нет его!

— Я думала, догоню его... Пока упряжку нашла... Я думала, пурга идет. Я всегда пургу угадываю.

— Она и шла, да встречный циклон на восток увел... Сунь-ка сюда ногу... Ты что молчишь, язык отморозил?

В ответ Аренто стучал зубами. После того, как его растерли снегом и натянули на него меха, его начал бить страшный озноб.

— Давай в кукуль его и на нарты. Подтяни-ка сюда немного свои нарты... А может, к нам вернешься? Переночуете.

— Нет, мы домой. Спасибо вам, Гоша.

— Не за что. Бывает.

— У вас упряжка быстрая. Мои собачки чуть поспевали.

— У меня вожак золото, Мороз Иванович. В Москве в особом питомнике раздобыл... Ну, Мороз Иванович, подъем... Пока, Омрангут. Счастливой тебе дороги...

Упряжка с бородатым Гошей растворилась во тьме. Аренто, по шею упрятанный в меховой кукуль, сидел на нартах и мало что соображал. Ворчанье собак, голос Омрангут, Гоша, казавшийся огромным в собачьей дохе и унтах,— все виделось и слышалось, как во сне. Озноб не от-

пускал его: тело колотило, голова тряслась, и сам он слышал, как громко стучат его зубы.

— Ложись, Аренко. Поедем... Ты согрелся? — склонилась над ним Омранаут.

Но Аренко только клал зубы и тряс головой, не в силах вымолвить ни слова. Ему было холоднее, чем прежде, и ему казалось, что он уже никогда не согреется.

— Сейчас, сейчас... Я тебя согрею.— Омранаут стала укладывать его на нарты.— Сейчас, Аренко...

Они лежали оба в тесном кукуле, закрывшись с головой. Омранаут согревала своим дыханием его лицо и шею. Она отводила ворот его куртки и дышала, дышала горячим воздухом ему на грудь, подносила к своим губам его руки, мяла его руки своими жаркими руками, тормошила его.

— Грейся, грейся!..— шептала она ему.— Грейся, Аренко!..

А он, согреваясь и чувствуя, как тепло Омранаут капля за каплей вливается в него, растекается по телу и погружает его в полудрему, сбивчиво и торопливо бормотал:

— Ты любишь меня, любишь!.. Я знаю, давно знаю...

— Жалею тебя, жалею,— шептала она жарким голосом.— Ты один здесь... Одному плохо... Когда мамы нет, отца нет,— всегда плохо... Я знаю...

Поздно ночью Омранаут пригнала упряжку в село и повезла Аренко прямо в медпункт.

Десять дней пролежал Аренко с воспалением легких. Он лежал один в шестиместной палате, и весь персонал медпункта — фельдшерница, сестра и санитарка — из-за отсутствия других больных ухаживал за ним с повышенным усердием. Библиотека в это время не работала. На дверях висело объявление: «Аренко нет. Аренко в медпункте».

Он много спал в эти дни и много повидал кошмарных снов. То видел себя мертвым, замерзшим под торосом. Видел воткнутую в снег лыжу с лисьей шапкой на ней. Самолет кружил над ним и улетал прочь. То он превращался в волка — Мороза Ивановича, и острыми клыками в клочья раздирал свои ботинки. То покойная мать заталкивала его, маленького, в кукуле, кричала: «Грейся, грейся!», и он задыхался в кукуле и умирал. Тогда его подхватывала пурга, качала на белых крыльях, швыряла на землю, и звезды лавиной падали с неба, набрасывались на него, больно кололи его длинными зелеными ножами.

В первые дни в палату несколько раз заходила Омранаут. Тогда у Аренко держался сильный жар, он часто бредил и потому смутно сознавал ее присутствие. Она возникала перед ним из какой-то туманной пелены и, постояв, окутанная

туманом, уплывала в туман. Потом Омранаут перестала приходить. Зато зачастил к нему председатель сельсовета Какля.

— Как дела? — спросил он тоненьким голоском в свой первый приход.

— Хорошо,— ответил Аренко.

У него уже спала температура, и фельдшерница разрешила ему ходить по палате.

— А кормят как? — деловито интересовался Какля, хмурия седенькие брови.

— Хорошо кормят.

— Я тебе тоже вкусного принес.— Какля извлек из кожаного мешка и поставил на тумбочку трехлитровую банку консервированных персиков, затем такую же банку консервированного винограда, и серьезно пояснил: — Это тебе от сельсовета. У нас для больных специальный фонд есть, а мы его плохо используем: народ в этом году плохо болеет. Так что ты все съешь, а завтра я опять принесу.

И, сказав все это, Какля собрался уходить.

— Поправляйся,— пожелал он Аренко.— А я пойду в школу, в шахматы с директором играть.— Под рукой у него была зажата шахматная доска.

— Давайте с вами сыграем,— предложил Аренко. Ему не хотелось, чтобы председатель так быстро ушел и он вновь остался бы в одиночестве.

— Вот не знал, что ты играешь! — обрадовался Какля и сразу стал суетливо устраиваться для игры.

Он ушел от Аренко поздно вечером, получив два мата. А две партии закончились вничью.

— Ты лучше директора играешь. У него я всегда выигрываю. Завтра опять приду,— пообещал ему Какля.

И стал приходить каждый вечер. Приносил Аренко консервированные компоты в трехлитровых банках. Они играли в шахматы и пили эти самые компоты.

Каждый день Аренко ждал, что придет Омранаут. Ждал день, ждал два, три дня. Но ее не было. Он тосковал по ней, хотел ее видеть и бился в догадках, отчего она не приходит.

«Почему перестала ходить? — думал он.— Может, потому, что я сказал, что у меня есть девушка? Вот придет, объясню ей, что пошутил. Только бы пришла сегодня...»

Все его мысли были теперь связаны с Омранаут. Самой красивой, самой лучшей представлялась она ему теперь. И Аренко недоумевал: как он раньше не понимал этого?

Не раз он хотел спросить о ней у председателя сельсовета и не решался. Помнил, как просил его убрать из библиотеки Омранаут. Ему казалось, что заговори он о ней с Каклей, тот сразу обо всем догадается. А он — мужчина, не должен вести себя так, чтобы каждый мог догадаться о его чувстве.

Так он боролся с собою несколько дней. И решил спросить. Но не прямо, а поведя разговор издалека.

— Меня через два дня домой отпускают,— сказал Аренко, когда они с Каклей закончили вторую ничейную партию и вновь расставляли на доске фигуры.— Надо хорошо уборку сделать. Пусть Омранaut ко мне придет, я ей скажу, чтоб книги в одном месте переставила.

— Ты мне скажи, я переставлю,— ответил Какля, отхлебывая виноградный компот из чашки.— А за уборку не беспокойся. Анкана каждое утро полы моет и печки хорошо топит.

— Какая Анкана. А где Омранaut? — насторожился Аренко.

— Омранaut в Олу к Косте Тымкилену уехала, теперь Анкана вместо нее,— объяснил тоненьким голоском Какля.— Но Анкана тоже хорошо уборку делает. Она раньше в школе убирала, потом в колхозе. Теперь она пенсию получает...

— К какому Косте? — прервал его Аренко, вовсе не желая слушать про Анкану.

— Как это к какому? — удивился Какля, приподняв седенькие брови.— Он скоро к нам придет зоотехником работать. Теперь пока учится. Он летом на практику приезжал, в бригаду, где Омранaut оленей пасла. Теперь она в гости к нему поехала. А на Новый год Тымкилен приедет, свадьба будет. Ты у нас совсем новый, совсем мало наших людей знаешь,— с сочувствием заключил председатель.

Аренко, слушая его, стал торопливо и беспорядочно переставлять на доске фигуры. Потом и вовсе начал снимать их с доски и складывать себе на колени.

— Не хочешь играть? — спросил Какля, видя, что Аренко убирает фигуры.

— Да... не могу... Голова разболелась,— скрикнул Аренко. Какие-то странные зеленые звездочки запрыгали у него в глазах.

Примерно через неделю отворилась дверь и вместе с клубами мороза в библиотеку вошла Омранaut: в пальто с песцовым воротником, в белых фетровых валенках, в голубой шапочке из пуха, с нерпичьей сумкой, в которой носила свои тетрадки и книжки. Было еще рано — десятый час, посетителей не было.

— Здравствуй, Аренко,— сказала ему Омранaut, направляясь к столу с разложенными на нем журналами.

— Здравствуй,— у Аренко дрогнул голос.— Уроки пришла делать?

— Уроки пришла делать,— ответила она, снимая шапочку.

— Долго тебя не было. Может, болела? — спросил Аренко, стараясь казаться равнодушным.

Угольные глаза взблеснули, румянец на щеках стал гуще, тоненькая линия татуировки дрогнула от улыбки, и Омранaut сказала:

— Я в Олу ездила. Там Костя Тымкелен учится. Я за него скоро замуж пойду.

— А-а-а,— кисло улыбнулся Аренко.— Поздравляю...

— Спасибо,— тихо сказала Омранaut. И спросила:— Может, тебе в магазин надо? Папиросы купить, еду купить? Я пойду.

— Нет, ничего не надо,— снова кисло улыбнулся Аренко.

Омранaut прошла к столу, села на свое место в уголке, стала выкладывать из сумки тетрадки и книжки.

И опять в глазах Аренко запрыгали зеленые колючки, мелкие, как мошка, злые и щипливые. Аренко поскорее ушел в свою боковушку. Он боялся, что заплачет и Омранaut увидит. А это стыдно для мужчины.

У СВОЕГО ПАМЯТНИКА

**Анатолий
МОТОРИН**

Необычна судьба этого солдата.. В семнадцать мальчишеских лет Гриша Блюденов пошел воевать. Первое боевое крещение получил на Орловско-Курской дуге. С противотанковым ружьем прошагал из центра России до Берлина. Богата событиями солдатская биография.

В числе первых переправился он на правый берег Днепра. На «пятачок», где высадились смельчаки, двинулись фашистские танки, а под их прикрытием пошла в атаку пехота. Разгорелся ожесточенный бой. Григорий Прокопьевич вел прицельный огонь. На его окопчик полз тяжелый танк. Блюденов выстрелил. Машина вспыхнула факелом. А потом Григорий вместе со всеми шел в наступление, расширяя плацдарм для высадки наших войск. За этот бой ему вручили орден Красной Звезды.

Второй раз Блюденов отличился при форсировании Десны. Когда саперы навели понтонный мост и по нему пошли войска, на переправу налетели немецкие бомбардировщики. Укрепив ружье поудобнее, он начал бить по стервятникам. И надо же быть такому редкому случаю — Григорий сбил самолет. Через несколько дней на груди Блюденова засиял второй орден — Отечественной войны.

И вот — тяжкий бой за освобождение села Ручаевки Лоевского района Гомельской области.. Из части на имя его отца, Прокопия Семеновича, пришла похоронная: «Ваш сын при защите Родины погиб смертью храбрых».

Следопыты Прошкинской восьмилетней школы составили карту боевого пути земляка — гвардии сержанта Григория Прокопьевича Блюденова. Жива память о солдате и в Ручаевке, где был тот тяжкий бой. Там установлен памятник, на котором высечено имя Блюденова. В про-

шлом году в зауральское село Прошкино пришло письмо от следопытов Ручаевской школы. Ребята писали отцу Григория Блюденова: «Мы знаем, что Ваш сын воевал и геройски погиб. Просим выслать материал о нем и фотографию...»

Ответил следопытам... сам Григорий Блюденов. Под Ручаевкой он был тяжело ранен. Его посчитали убитым. А он выжил. После четырех месяцев госпиталя вернулся в свою часть. Участвовал в освобождении польских городов, получил много наград, имеет десять благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

От имени жителей села Ручаевка следопыты пригласили уральца в гости. Он побывал на месте боя и поклонился памятнику, который установлен там в честь его товарищей и его самого...

● ИЗБЕ — 200 ЛЕТ

● ДЮМА В КАЛМЫЦКОМ СТАНЕ

● БЕЛАЯ ХОЛУНИЦА — ГДР

● ИДЕМ В МЕЗОЗОЙСКУЮ ЭРУ

● НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН

В городе Далматово Курганской области сохранилась изба, которой более двух веков. Она срублена из могучих сосен, расщепленных пополам. Предание рассказывает: перед штурмом монастырской крепости в ней останавливались пугачевцы.

Ныне историческая изба перенесена во двор Народного краеведческого музея имени А. Н. Зырянова. Юные следопыты восстановили в ней обстановку крестьянской избы XVIII века. Здесь экспонируется одежда, предметы быта, орудия труда.

Автор «Трех мушкетеров» А. Дюма, сочувствующий декабристам, смог попасть в Россию только после смерти Николая I. Он совершил путешествие от Петербурга до Астрахани. Свои астраханские впечатления писатель передал в стостраничном географическом романе «От Парижа до Астрахани», а также в обширном письме к сыну. За время пребывания в калмыцком стане, где он был почетным гостем, Дюма-отец написал стихотворение «Распоряжается господь судьбою каждой».

Дюма, Тарас Шевченко, Лариса Рейснер, Николай Чернышевский, Федор Гладков — все они бывали в Астрахани. О пребывании

этих и других писателей в городе на Волге собрали интересные сведения ученики астраханской школы № 10. Ребята создали литературный кабинет, выпустили устный журнал «Астрахань литературная».

Учащиеся школы № 2 города Белая Холуница Кировской области приняты в Общество германо-советской дружбы. Здесь активно работает клуб Интернациональной дружбы. Белохолуницкие школьники переписываются с пионерами города Берга и рабочими Дрездена, кировцы собрали репродукции картин Дрезденской галереи. В пионерских отрядах школы проведены сборы, посвященные пионерской организации имени Эрнста Тельмана, а также юному трубочу Германии Фрицу Вайнеку. Пионеры участвовали в викторине «Знаешь ли ты ГДР!»

В руках мальчишек тяжелые камни, но это совсем не камни — куски дерева... Коллекцию семян древних растений, окаменевшие хвощи и папоротники с берегов Камы можно увидеть

в школе № 54 Казани. Вооружившись минимумом знаний по полевой геологии, взяв задание в геологическом музее Казанского университета, учащиеся этой школы отправляются... в мезозойскую эру. Искать исчезнувшие леса — остатки секвой, кипарисов, араукарий. Надо спешить: ископаемые растения могут погибнуть под гусеницами бульдозера, их затопляют новые водохранилища.

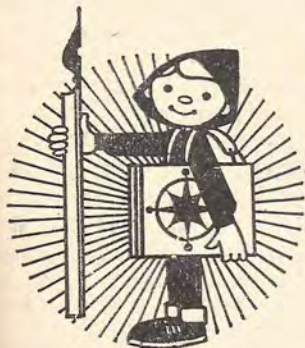
Ольхон — самый большой остров на Байкале. Обойти его можно за двое суток, если не останавливаться на отдых...

Над Ольхоном проносятся могучие и переменчивые ветры. В ненастье сюда не летят самолеты и вертолеты, не плывут катера. Опаздывает почта, нарушается связь с Большой землей. Зимой на остров доставляют продукты, почту и все необходимое по ледовой дороге.

Точные прогнозы погоды на Ольхоне особо ценны. Потому ребята Хужирской средней школы уже много лет помогают синоптикам, ведут на своем островке метеорологические наблюдения. Измеряют температуру, толщину дивно прозрачного в этих местах льда и глубину снега, которая достигает здесь полутора метров.

следопытская

ХРОНИКА

НАСТАВНИК

**Геннадий
УСТЮЖАНИН**

...Люди словно не замечали палящей жары. Все село вышло проводить земляков, первыми уходивших на фронт.

— Куда я с ними, с семерыми-то, Рома? Да как я одна-то буду? — голосила женщина, крепко вцепившись мужу в полу пиджака.

Муж говорил ей что-то, гладил рукой по лицу. Заревели моторы, машины медленно стали трогаться, а женщина все не могла разжать пальцев. Роман уже на ходу прыгнул в кузов «полуторки». А женщина долго бежала вслед с распростертыми руками.

В тот же день Александр Исаков явился в военкомат:

— Возьмите меня на фронт, товарищ военный комиссар, вместо много-семейного возьмите! Ведь у меня только дочь, я добровольцем пойду.

— Не можем. Вы пока в совхозе нужны, — был ответ.

Вскоре вызвал его к себе директор совхоза:

— Давай-ка набирай бригаду из женщин да учи их на тракторах работать. Хлеб убирать надо, а машины стоят.

— Какой же я учитель? Да я лучше на фронт...

Директор вспылил:

— Когда надо будет, Исаков, и на фронт пошлют, а сейчас тебе приказ — трактористок учить. Вот и действуй. Считай, что это боевой приказ.

Первой пришла в бригаду сестра Александра — Лена, потом Катя Селищева, Агаша Мельникова, Варя Еланцева, Дуся Александрова.

Хватил с ними горя Александр. Сидит за рулем такая механизаторша, руки словно влипли в железо, в глазах — страх. Силенок не хватает, чтобы мотор завести. Заглох двигатель — бежит к механику:

— Дядя Саша, трактор встал...

И он целыми днями мотался от трактора к трактору.

Со временем женщины заработали смелее, но старенькие колесники то и дело ломались. Их только и приходилось что латать да клепать. И всюду требовались мужские руки.

Осенью Александр Варфоломеевич убирал хлеб сцепом из двух комбайнов. Зимними днями в шубе и валенках стоял он у молотилки. Промерзший до костей, уставший и оглохший за день от шума машин, мертвецки засыпал, едва добравшись до постели. Только в конце марта заканчивалась молотьба, а в мастерской уже ждали его тракторы, которые надо было отремонтировать к посевной.

С первыми грачами бригада выезжала на полевой стан. Потом снова уборка, снова молотьба, ремонт тракторов, сев, уборка...

И вот декабрьским вечером 1943 года вызвали, наконец, его в военкомат.

Боевое крещение механик-водитель танка Александр Варфоломеевич Исаков получил в Польше, штурмуя Сандомирский плацдарм.

Первый бой и вправду походил на крещение: пришлось не раз искупаться в Висле. Трое суток пытались танкисты прорваться за реку, но только саперы и танкисты наведут переправу — тут же налетят фашистские стервятники и разнесут ее в щепки. Приходилось все начинать сначала.

Выручила смекалка: решили связать сваи поперечными балками ниже уровня воды. И немцы не заметили подводного моста, тем более, что для маскировки бойцы одного подразделения продолжали стучать топорами на старой переправе. Когда советские танки устремились через реку, казалось, что они несутся прямо по воде, как амфибии. Первой форсировала Вислу «тридцатьчетверка» Александра Исакова.

93-я прорывная танковая бригада со стороны обрушилась на оборону немцев. Здесь Александр Исаков впервые лицом к лицу столкнулся со смертью. Вражескому наводчику не хватило нескольких секунд, чтобы в упор поразить его танк снарядом — весь расчет гитлеровцев исчез вместе с пушкой под гусеницами машины. Немцы бросили в контратаку свои танки, надеясь столкнуть русских обратно в Вислу. Но не выдержали напора: оставив несколько машин, отступили.

Орденом Славы 3-й степени был награжден за героизм в этом бою механик-водитель Александр Исаков.

А 28 августа у деревни Бордо сгорел его танк: фашисты из засады расстреляли его в упор. Чудом остался в живых Александр. Зато в январе 1945 года в боях за город Петроков экипаж Исакова сжег четыре немецких танка и сокрушил немало другой военной техники. Еще один орден появился у него на груди — орден Славы 2-й степени.

Потом снова горел он в танке.

Последний бой принял в марте у пограничного с Германией города Равича. Фашисты яростно сопротивлялись, превратив каждый дом в крепость. Пелена огня, дыма и кирпичной пыли взметнулась над городом. Танк, управляемый Исаковым, одним из первых прорвался к окраине Равича. Но здесь его поджидала целая группа фашистских танков. Экипаж вступил с ними в неравный бой. От прямого попадания вспыхнула одна вражеская машина, другая, третья с перебитой гусеницей завертелась на месте.

В азарте боя, преследуя врага, Исаков вывел свою машину на центральную площадь города. Но здесь от прямого попадания тяжелого снаряда с танка сорвало башню. Командир роты и наводчик погибли, водитель от контузии потерял сознание.

Когда Исаков пришел в себя, то удивился тишине. Приник к смотровой щели. Немецкие артиллеристы вели огонь по нашим танкам. Офицер размахивал рукой. Но все было как в немом кинофильме. Немцы, видимо, считали, что с советским танком покончено и не обращали на него внимания.

— Значит, в покойники меня за-

числили, сволочи! — прошептал Александр Варфоломеевич. — Ну, я вам сейчас покажу!

Нога привычно коснулась стартера, руки сжали рычаги управления. Машина вздрогнула и рванулась вперед.

Гитлеровцы заметили безбашенный танк, засуетились, пытаются развернуть орудия, но было уже поздно. Он утюжил и утюжил их гусеницами, кромсал и рушил фашистскую технику...

Друзья вытащили его из горячей машины, залитого кровью, без чувств. Ноги, рука, лицо были изувечены. Но сердце билось. Санитарная машина отвезла его в госпиталь.

Там и пришел в себя Александр Варфоломеевич. Открыл глаза и удивился: тишина, все как в белом саване, а сам словно закован в латы. Повел глазами — больничная палата...

Он еще не знал, что его смертельная схватка с фашистскими артиллеристами обеспечила успех всей операции. Используя замешательство немцев, наши танки прорвались через опасную зону и добились врага. И уже после победы, в мае, газеты напечатали Указ о присвоении Александру Варфоломеевичу Исакову звания Героя Советского Союза.

...Директор совхоза полусхотел поговорить:

— Ну, задал ты мне, Александр Варфоломеевич, задачу. Который день думаю, какой тебе портфель дать.

— А мне бы сумку с инструментом в самый аккурат, — улыбнулся Исаков, — да к машинам поближе.

Пока сражались солдаты на фронте, война кренила избы, безоградными оставляла дворы, по льну всходила на пашнях. А мальчишки, одетые в обноски с солдатских плеч, в десять-пятнадцать лет считали себя уже взрослыми. Нередко бросали школу, курили табак и матерно ругались для пущей «самостоятельности». И все надо было ставить на свое место.

Как-то под вечер в мастерскую, где работал механиком Александр Варфоломеевич, заявился парнишка из ремесленного училища.

— Я к вам, слесарем.

— На работу, значит? Это хорошо. Здешний?

— Не... Я из Частоозерья.

Перед Александром Варфоломеевичем стоял Колька Шешуков, заводила ребятшек и отъявленный хулиган, попортивший немало нервов частоозерским учителям. За плохое поведение его исключили из пятого класса школы.

— Ну что ж, рабочий класс, пошли к тете Марусе на квартиру проситься. Только переступили порог дома, Александр Варфоломеевич кивнул жене:

— Вот, мать, постояльца привел, слесарничать в мастерской будет. Может, определить его у нас?

— Так ведь своих трое, Варфоломеевич!

— Где трое, там и для четвертого места хватит.

Утром парни спрашивали в мастерской у Кольки, где он обосновался на житье.

— У Исаковых.

— Это у каких? У Героя, что ли?

— У какого Героя? У механика нашей мастерской.

— Так он же — Герой Советского Союза!

— Да ну! — У Кольки округлились глаза. Потом он целый день новыми глазами потихоньку наблюдал за Варфоломеевичем. Механик советовал что-то парням, разбиравшим двигатель трактора, работал за жестянщика, ковал, часто подходил и к Кольке, помогая ему доработать деталь.

В воскресенье Колька уехал домой, в Частоозерье, и там, дома, с восторгом рассказывал, какой у них хороший механик. Герой Советского Союза, и что он, Колька, живет у Героя на квартире.

В совхоз приезжал Колькин отец, и два фронтовика долго о чем-то говорили весь вечер.

А осенью Исаков взял Кольку штурвальным к себе на комбайн. Для парнишки поначалу все здесь было необычно и интересно.

Они молотили целый день и еще долго ночью, пока не пала роса. Спать легли на стану. Кольке показалось, что у него только сомкнулись веки, как он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Открыл глаза — дядя Саша:

— Вставай, Николай, комбайн надо обиходить. Смажем, гайки подтянем.

Вставать не хотелось. Но Колька оделся быстро. Светало. У кромки земли румянилось небо. Александр Варфоломеевич шагал размашисто. На росной поляне за ним оставался темный след.

Они долго и старательно работали шприцем и гаечным ключом. А потом снова работали до темноты.

Так прошла неделя, другая.

И вот однажды, когда уставшие они возвращались поздно вечером на стан, Николай со вздохом обронил:

— Опять без нас кино посмотрели.

— Ничего, Коля, — сказал ему Александр Варфоломеевич. — Зато у нас с тобой красный флажок над штурвалом. Это тоже что-нибудь да значит.

— Подумаешь... Из-за флажка что ли вы вкалываете?

Александр Варфоломеевич даже остановился.

— Я работаю, Николай, а не вкалываю. И не из-за флажка. Хлеб мы с тобой убираем, вот что.

— Ну пусть — хлеб! В деревне всю жизнь так, то хлеб сеют, то убирают. А людям-то что теперь — кино не смотреть?

— А ты откуда знаешь, как было всю жизнь?

— Знаю.

Варфоломеевич долго шагал молча.

— Да, брось, — с усмешкой взглянул на него Варфоломеевич. — Если и знаешь, то разве что самую малость. А я... В двадцать шестом году, когда наша семья пухла с голоду, меня за мешок муки да за Серуху на три года кулаку в работники отдали. Мать сказывала, что муку ты на слезах замешивала...

— Так это когда было!

— При Советской уже власти, брат, правда, еще до колхозов. Так что про все времена ты мне не заливай.

Александр Варфоломеевич долго шагал молча, потом опять заговорил:

— А еще я видел, как такие же, как ты, парнишки на заводе по две смены у станков стояли, чтобы больше танков фронту дать. И знамя, которое мы, танкисты, им вручили, они, парнишки-то, целовали, стоя на коленях.

— То война была, — вздохнул Колька. — Танки фронту нужны были. Я бы тоже...

— Ты, видно, считаешь, что после войны человек без хлеба жить может? Нет, брат, всегда людям хлебец-то нужен... А тебя, смотрю, ненадолго хватило... — Варфоломеевич с удрученным видом махнул рукой и, еще немного помолчав, негромко сказал: — Если уж тебе так в кино охота — завтра валяй. Я один поработаю.

Больше они не говорили в тот вечер. Но когда на зорьке Варфоломеевич проснулся, Колька уже одетый ждал его у порога.

Они вышли. С полдороги Колька начал:

— Дядя Саша, вы на меня не сердитесь... А почто вас за лошадь и муку отдали?

— По то, Колька, — улыбнулся Варфоломеевич, — что жизнь еще не направилась. Навалилась вдруг сибирская язва на скот. Богатеев обошла — у них же ограды, что крепость, никого не впускали, не выпускали, а у бедноты всю живность покосило. В нашем дворе корова да лошаденка были — подохли. И осталось у отца с матерью в хозяйстве нас восемь душ да топор: отец-то

мастер по плотницкому делу был. А кому в этакий-то год его ремесло нужно? Прикидывали они с матерью и так и этак, ну и решились.

Отвел меня отец да еще и шапку перед мироедом снял: «Возьми, сделай милость, Шурку, Василий Захарович».

В семье потом Серуху так и прозвали: Шуркина лошадь. А я, как тень, в кулацком дому и жил. Все боялся: а вдруг что не так сделаю — взашей вытолкнут тогда со двора, а у отца заберут лошадь. Ну и ворочал все по хозяйству, как Бурко. Серухе той, наверное, столько не доставалось, сколько на мою долю выпало.

— Ну, а потом?

— Потом колхоз у нас организовался, на тракториста я выучился, Человека в себе почувствовал, узнал, что такое радость настоящая. Она ведь с работой в обнимку ходит. Любимая работа делает жизнь праздником. Вот я с двадцать девятого года механизатором и работаю, как совесть велит.

И воевали мы не ради славы, Николай. Ты у отца об этом спроси. И уж коли там не струсил, так что нам на родной-то земле от трудностей бегать. Да и делов-то: еще неделю-другую плотно поработаю, а после уборки хоть каждый день в кино бегай.

В ту осень они больше всех намолотили зерна, и Колька получил первую в своей жизни Почетную грамоту.

Страдовали вместе они еще два сезона сряду. Потом возмужавшего Кольку Шешукова призвали на службу в армию. Уже там вручил ему командир части медаль «За трудовую доблесть», заработанную им на совхозных полях.

«Спасибо Вам, дядя Саша, за все, — писал Колька из армии. — Хороший Вы человек, правильный, а для меня — и второй отец».

Но больше Николая радовался, наверное, этой награде старый механизатор. Ведь это не кто-нибудь, а Колька, тот хулиганистый Колька медаль за труд получил. Значит, вышел из него настоящий человек. Варфоломеевич целый вечер только об этом и говорил в семье. А когда жена спросила его, кого же еще наградили в совхозе, кроме Кольки, он, спохватившись, ответил:

— Меня, мать. Разве я тебе не сказал? Орденом Трудового Красного Знамени. Вот ведь штука...

К 160-летию
со дня рождения
М. Ю. Лермонтова

РИСУНКИ
ПАВЛА БУНИНА

МЦЫРИ

БЭЛА

ДУЭЛЬ

ПЕСНЯ ПРО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

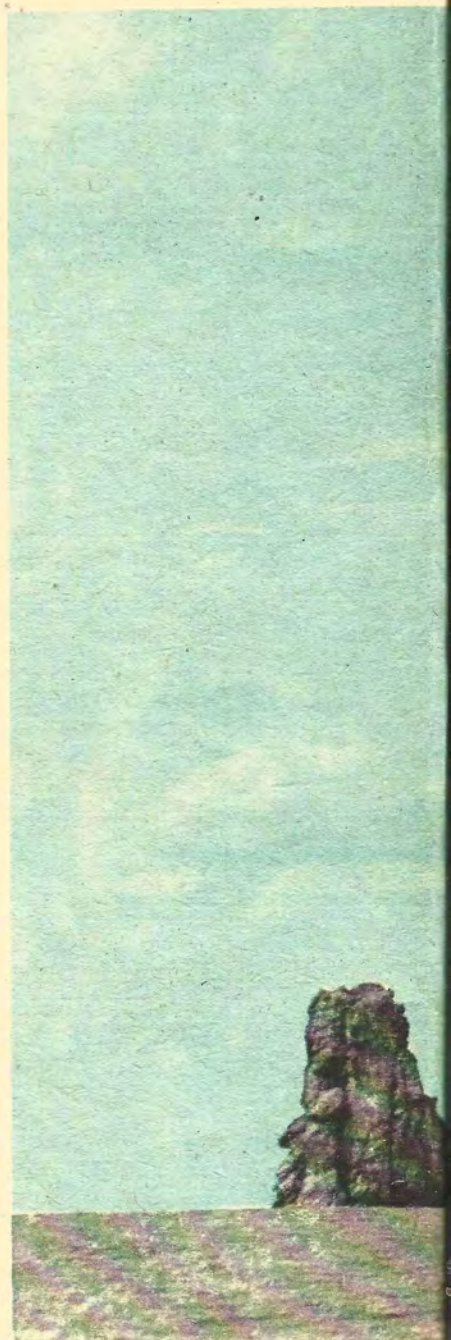
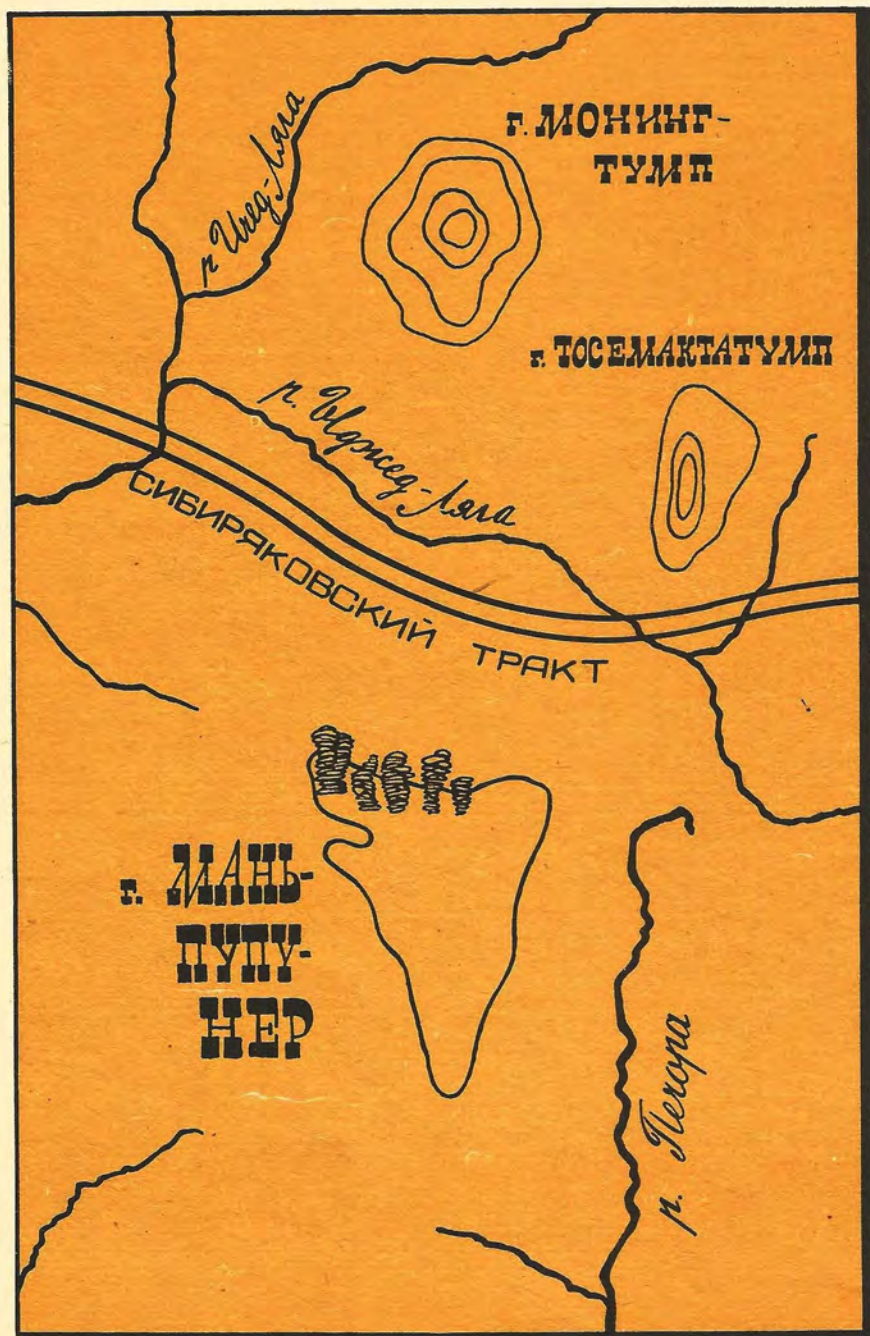
КАМЕННОЕ

**Петр
ДЕРКАЧ**

Фото автора

На территории Печоро-Ильчского государственного заповедника, там, где берет свое начало Печора, среди нехоженой тайги, в радиусе около двадцати километров, располо-

жены три сказочных вершины — Мань-Пупу-Нер, Тосемактатумп и Монинг-Тумп. Транскрипция географических названий принята по работам профессора В. А. Варсанофье-

ДИВО УРАЛА

вой и Г. А. Чернова. Здесь и далее
примечания автора.

С востока эту сказочную страну
охраняет горная гряда, служащая
водоразделом между Печорой и Се-

верной Сосьвой. Это и есть поясо-
вый хребет, протекая вдоль которого,
стремительно набирает мощь Печо-
ра. Плавный поворот ее к западу
вокруг Койпа очерчивает южную

границу этих мест. На севере про-
зрачная Ичед-Ляга, огибая Монинг-
Тумп, выписывает красивые узоры
на темном фоне тайги. А к западу,
сразу же за Мань-Пупу-Нером, на-

чинается долина Илыча, одного из крупных притоков Печоры.

Смена температур, влага, ветер — создали удивительные картины и ансамбли, поражающие воображение.

Мань-Пупу-Нер — ритмичный строй гигантских столбов. Монинг-Тумп — это буйство и размах, неудержимая фантазия сил природы. А между ними совсем иное — простые и ров-

ные линии скального выхода на площадке Тосемактатумпа.

Своеобразная красота этих мест задержала нас здесь на целых две недели.

Мань-Пупу-Нер¹

Уже вторые сутки мы ищем эту вершину. Об ориентирах говорить всерьез не приходится: над головой и вокруг одно и то же — тайга. Под ногами переплетения упавших стволов, покрытые густой травой, доходящей до пояса. Тяжелые рюкзаки постепенно дают о себе знать — переходы становятся короче, а привалы длиннее.

Через день мы узнаем, что все это время уходили от Мань-Пупу-Нера. Вышли к безымянному ручью. Через несколько часов он вывел нас к горной речке. Разбиваем лагерь, и на следующее утро две разведки уходят на поиск. Одна — вниз по реке, другая — в тайгу на юго-запад. Последняя и принесла известие, что мы уклонились к северу.

Подъем начинается сразу, как только кончается лес. Густой, цепкий стланник не дает оторвать глаз от земли. И когда, остановившись передохнуть, поднимаешь голову, то вдруг видишь каменные исполины — грозные и величественные.

Скоро солнце скроется за хребтом. Сухо и ветрено. Низкие облака на севере быстро перемещаются. На их фоне «болваны» оживают, и кажется, что не облака, а эти каменные глыбы движутся жутко и молчаливо.

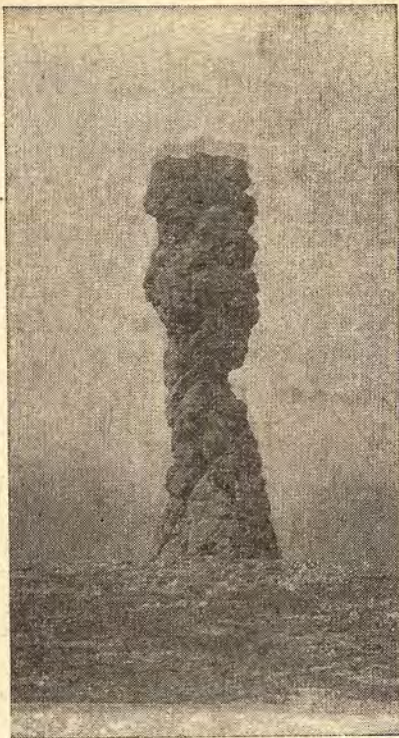
Спрятавшись от ветра, следим за медленно изменяющейся окраской камней. В какие-то моменты низкое солнце золотит их, и кажется, что перед нами легендарная Золотая Баба.

Среди великого покоя и тишины появляются звезды. Тьма сразу окутывает нас.

Утро будит холодом. Кругом все покрыто инеем. Долина Илыча в лучах восходящего солнца кажется большим блюдцем с поднятыми краями. Кое-где светлой полоской блестит река. Все замерло. Даже вчерашние облака застыли причудливо и величаво. Проходим в последний раз мимо «болванов».

Спускаемся вниз по лощине в тай-

¹ Коми называют эту вершину Ичед-Болвано-Из. Отсюда и камни иногда зовут «болванами». На русский оба названия переводятся как Малая Гора Идолов (богов).

гу. И долго, дольше других, самый восточный камень с поднятой рукой прощается с нами. Потом мы еще не раз увидим Мань-Пупу-Нер с других вершин.

Под ровный шум переката у огня вспоминаем поэтичную легенду. Воинственное соседнее племя хотело похитить мансийскую красавицу. Девушка убежала в ночь, призывая на помощь своих родственников, ушедших на охоту. Под утро преследователи почти настигли беглянку, но к ней уже спешили воины ее племени. И едва лишь первый луч солнца, как повествует легенда, достиг земли, он отразился от священного бубна и превратил красавицу в камень. Увидев это, брат девушки в отчаянии кинул бубен. По ночам ветер, попадая в трещины между камней, жалобно плачет и воет. Но это только кажется, что ветер, а на самом деле это манси оплакивают судьбу погибшей девушки.

Тосемактатумп¹

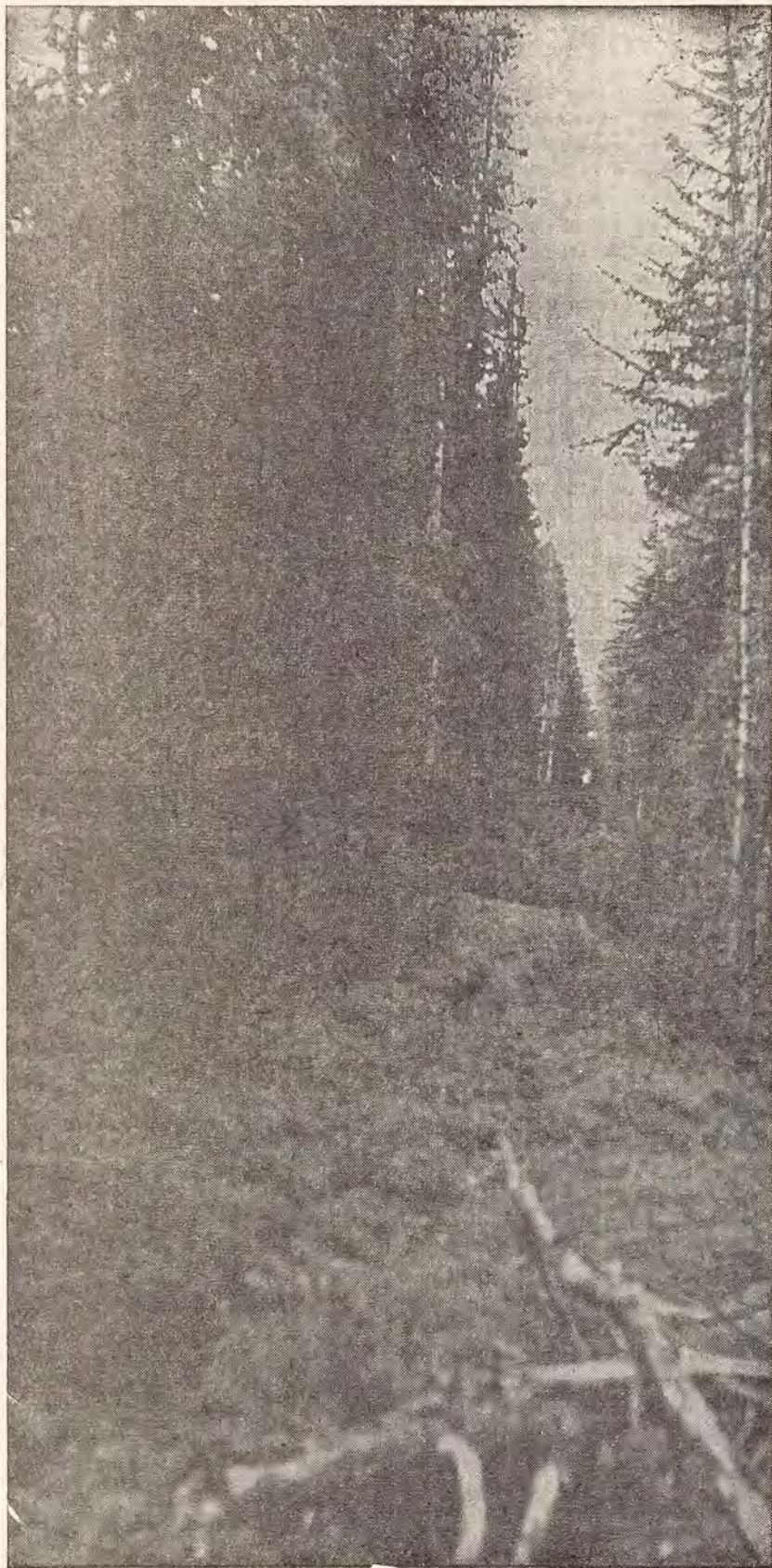
Старая визирка протянулась сквозь лес еле заметной ниточкой затесов на стволах. По зарубкам на деревьях продвигаемся медленно вперед. Нудно моросит дождь. Он не настолько сильный, чтобы разогнать гнус, но и не такой уж мелкий, чтобы не промочить одежду. Иногда пересекаем широтные визирки. Здесь, как правило, стоят квартальные столбы. Записываем их номера и снова идем на север.

Угрюма и бесконечна тайга.

Выходим на просеку. На ней — еле заметная тропа. Замерзшими руками разглаживаем карту, достаем компас. Кажется, это — Сибиряковский тракт.

Да, он и есть! На этом месте, немного к востоку, между Поясовым Камнем и хребтом Мань-Квот-Нер находится небольшая вершина Манья-Тальях-Тумп, окруженная глубокой,

¹ Сухая гора, или Сухой Камень. Название коми этой вершины Кос-Из. Несколько лет назад группа свердловских туристов, посетив эту вершину, назвала ее пиком «Уральского следопыта» (см. журнал «Уральский следопыт» за 1962 год № 12), но в Географическом обществе заявка не была оформлена.

сильно заболоченной долиной. Из этих болот на запад в Ыджед-Лягу течет речка Келы-Я, а на восток — Манья, приток Северной Сосьвы. Здесь наиболее низкий перевал через Уральский хребет. В этом месте когда-то хотели провести железную дорогу — с Печоры в Сибирь. И хотел это сделать Александр Михайлович Сибиряков — сибирский золотопромышленник, исследователь Сибири. Его собственные научные работы и печатные труды невелики, но Сибирь многим обязана ему.

Железную дорогу в то время, естественно, не построили, но Сибиряковским трактом пользовались. Потом эта дорога пришла в запустение, заросла и заболотилась. И только совсем недавно ее стали расчищать, чтобы приспособить для хозяйственных нужд.

Рядом протекает речка. Через два часа около десятка хариусов, холодных и темных, лежат у костра. Двух из них натираем солью и откладываем в сторону — надоели крупа и тушенка, а сырой хариус хорош. Иногда по дороге собираем грибы. Но крупные моховики настолько пропитаны водой, что к привалу они превращаются в бесформенную темную массу, которую приходится выбрасывать.

Правый берег Большой Ляги болотист. Подъем становится все круче. Цепляясь за ветки и корни деревьев, движемся вверх. На склоне попадаются заболоченные места, иногда достаточно глубокие. Выходим к вершине. Длинная, высокая, остроконечная гряда из валунов, украшенных разноцветными лишайниками, вытянулась с севера на юг. На вершине угадывается тур. Вокруг ровная площадка, покрытая густым мхом. Кое-где стелющийся можжевельник напоминает декоративные вазы, разбросанные между темных елей. Ниже по склону видны корявые закрученные стволы берез. Тихо и монотонно шуршит дождь по листьям и гаснет в толстом покрове мха. И вдруг, словно пушечный выстрел, — из-под ног взлетает глухарь. Через несколько шагов другая птица, такая же шумная и крупная, взрывает тишину. Идет линька, и глухари отсиживаются в самых укромных уголках. Заповедные это места!

Утро следующего дня встретило нас солнцем. На юге видны совсем крошечные «болваны», на севере желтеет Монинг-Тумп...

Гора столбов

Монинг-Тумп¹ — звучное мансийское название.

«Хребет вытянут в меридиональном направлении. Вершина его плоская и на ней поднимаются живописные руины, созданные выветриванием по диаклазам меридионального и широтного направления. Эти фигуры выветривания напоминают собой развалины древнего города с широкими меридионально вытянутыми улицами. Бродя по улицам этого фантастического города, можно найти замечательные примеры качающихся камней, массивных башен четырехугольных очертаний, как бы вырезанных по диаклазам, и живописных столбов выветривания»².

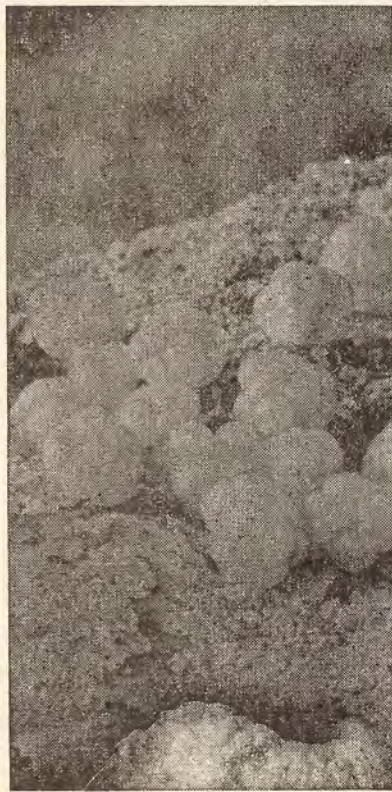
Прислонившись к камням, молча следим, как тихо гаснут горы в вечерней сырости. Скромные северные краски, ненавязчивые и печальные, плавно сменяли друг друга.

Тысячелетия прошли, и ничто здесь не изменилось. Время струилось мимо — неуловимо и бесстрастно.

Земля у нас под ногами покрыта мхом, в котором, к нашему удивлению, оказалось много морошки. Нетронутая, перезревшая, за несколько теплых дней ставшая хмельной, она явилась ниточкой, связавшей фантастику с земной явью.

¹ Среди туристов, а иногда и в литературе бытует коми название этой вершины — Торре-Порре-Из.

² В. А. Варсонофьева. Геологическое строение территории Печорско-Ыльчского государственного заповедника. (Труды Печорско-Ыльчского государственного заповедника, Выпуск 1, Москва, 1940 г.).

Объявляю своим делом...

Профессия (от лат. *profiteor* — объявляю своим делом). БСЭ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Рисунки
В. Бубеницкова

В Свердловске, на плотинке (а, может, еще где, не суть важно), проходя, услышал летучий диалог по сезону (были как раз дни, когда одни выпускники школ стали студентами, другие пошли работать на заводы).

- Ну как ты?
- Поступил на завод.
- А ты?
- Провалился... в институт...
- И что теперь?
- Не знаю... Мне все равно...

Подумалось тогда: вот этот, который теперь всеравношный, уже «проиграл» свою юность. Ведь на что нам, извините, юность дана, как не на то, чтобы закончить школу, выбрать профессию. А потом опять же учиться, но уже делу своей жизни. Психологи сформулировали: подросток — это возраст самоопределения. И тот, кто не определил себя, иногда подводит итог юности с меньшей глубиной переживания, чем тот, кто итожит неудавшуюся жизнь. А убиваться сильно-то не стоит — все еще впереди. Ошибки молодости поправимы. Хотя... хотя все же горько, конечно, сознавать свою всеравношность в семнадцать лет. Ибо счастлив тот, кто в молодости нашел свое призвание. Большого добьется!

И я решил рассказать о встречах с московскими учеными-педагогами из академического Института трудового обучения и профориентации, о разговоре с ленинградским профессором, членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР Евгением Александровичем Климовым. Профессор прилетел в Москву на первое собрание недавно созданного Отделения психологии и физиологии АПН СССР. Климов — видный в стране специалист по профессиональной ориентации. Я знал его книги, мне рассказывали о его научных идеях. И вот я слушаю его выступление на собрании Отделения в старинном доме на улице Большая Полянка, беседую с ним, и он предлагает из-за неотъемлемости проблем сделать лишь несколько срезов, этюды о профориентации.

Так сразу наметились три направления в рассказе о проблемах профориентации. Первое: что надо делать при выборе профессии? Второе: как оценивать профессию? И третье: как познать самого себя?

Выбор профессии — это труд

Профессий ныне — за тысячу. Специальностей — в сорок раз больше. Как звезд на небе... Запоминать, где созвездие Льва или Вега, Сириус или Орион... Большинство же знает лишь Большую Медведицу да царственно блистающую Венеру. Интересы многих молодых людей также обращены чаще всего к ярким профессиям — киноактер, летчик, журналист.

От точного выбора жизненного пути зависит общественная ценность человека, физическое и нервно-психологическое здоровье, радость и счастье. Будут ли счастливы неудавшийся журналист за прилавком овощного магазина, несостоявшийся киноартист у сверляльного станка? Они узнали смысл истины: красна ягодка, да на вкус горька. Потому что хороша профессия, да не по плечу. Ясно, не будут они счастливы и за прилавком и у станка, если стали на эти рабочие места нехотя, если их приткнула к этим специальностям круговерть случайностей, слепой, а не сознательный выбор.

Когда же появляется сознательность в выборе профессии, в решении одной из самых ответственных жизненных задач (ошибись — и последствия могут обнаружиться только через несколько лет)? Последний этап — выпускной класс. Но самостоятельность и инициатива в выборе своего дела должны крепнуть не позже девятого класса. А росткам этих качеств следует появиться у ребят уже в 5—6-х классах...

Вопрос «Кем быть?» — это и «Среди кого быть?», «Каким быть?». Это вопрос и об образе жизни в будущем. Тут не стоит с лихвой уверенностью думать: если я сейчас здоровым и привычками не соответствую профессии летчика, то над собой поработаю и еще как стану соответствовать! Без сомнения, твердая воля творит чудеса, и многое можно перестроить в себе. Но стоит крепко помнить и о том, что личные качества обладают стойкостью гранита, этим гранитом вымощены дороги и в поражению,

и к славе. Так что самостоятельность может стать упрямством, если пренебречь рекомендацией врача, не учесть опыта старших, отмахнуться от того, что говорят о тебе сверстники. Подлинно свободный выбор профессии — это выбор со знанием дела. Да, это значит учитывать и потребности города или области, где ты живешь, в тех или других специалистах; это значит осведомиться о требованиях профессии к твоим личным качествам (здоровье, способности), и не забыть о своих требованиях к профессии (размер зарплаты, возможность преуспевания). Словом, надо действовать, не боясь промахов. Нисколько не стыдно в молодости менять мнения (хуже потом менять места работы!) при выборе милого сердцу и достойного уму дела.

Вот история самоопределения...

Был в одной школе энергичный комсорг. Мероприятия проводил четко. Организатор по призванию, считали сверстники да и педагоги. Ему советовали поступить на экономический факультет: мол, в руководители выйдешь, в директоры. И он будто бы тоже таким видел себя в будущем. А потом у парня появляется сомнение. Уже иным высверкивает будущее. Каким? Иным — и все. Как-то в его семье случается интересный гость — инженер по автоматике, рассказывает о передаче радиокоманд, как о музыке, программированные станки для него, как живые люди.

Через два года после визита артистичного инженера наш герой уже студент «политеха», учится по специальности «автоматика и телемеханика». Не только лекции впитывает, а выполняет научные задания кафедр,

работает по вечерам лаборантом. Юноша безоглядно отдался профессии, полон энергии, счастлив. Почему не послушался школьных советчиков? Отчего вял художественному рассказу инженера (кстати, который так и не знает, что мимоходом перерешил судьбу молодого человека)? Потому и оттого, что в комсомольской работе его увлекала ритуальная, внешняя сторона — построения, собрания, команды, рапорты. Механика событий, а не человек. И в телемеханике рациональный ум его развернулся, заработал освобожденно. Ну, а став дельным специалистом, он, возможно, станет и руководителем, и это будет, скорее всего, хороший руководитель.

Какая же это была бы свобода выбора профессии, если бы парень (вопреки своей склонности к технике) поступил на экономфак? Он ошибся бы в выборе профессии, и далее совершал бы вынужденные поступки, а это уж чистая несвобода. Итак, нужна работа мысли, гибкость. Слушай других и свой внутренний голос — тоже. Действуй, но размышляй. Мечтай, но и работай над собой.

А какие же основные ошибки в поиске своего «я»?

Первая: профессия — удобное, неизменяющееся пристанище. Раз так, сразу выбирай благодатное место, высшую квалификацию. Но меньшего успеха добивается тот, кто не прошел начальные ступени. Лучший руководитель всегда был когда-то хорошим исполнителем.

Вторая: выбор профессии «за компанию». Тут комментарии излишни, не мороженое выбираем!

Третья: перенос отношения к специалисту на самое специальность. Сосед — водолаз. Он белоzubый, сильный и веселый, как дельфин. И я хочу нырять и плавать в голубых глубинах. А ты хорошо представляешь, как работает водолаз? Он не ходит по дну, а осторожно передвигается, он не ныряет, а обдуманно погружается. Прочувствовав это, посягай на тяжелейшее дело ступить по дну морскому и тянуть ниточку жизни (шланг с воздухом) за собой, которая может и оборваться...

Четвертая: школьный предмет отождествляется с профессией. Люблю литературу — буду писателем, люблю географию — стану путешественником. Хорошо, но мир профессий — шире учебных предметов. Литературу любят и корректоры, и наборщики, и редакторы — не только писатели. Возможно, ты в будущем —

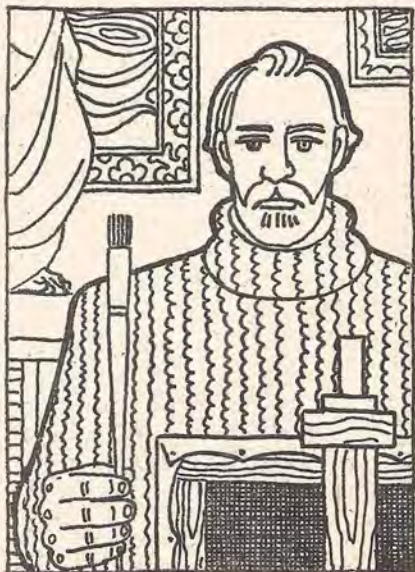
корректор, перед которым склонит голову златокузнец русского слова, талантливый поэт, увидев твой бесценный дар улавливать и крохотную фальшивинку в переливах поэтических строк.

Пятая: устарелые представления о профессиях. Бойся их. Ведь случается о современных портовых грузчиках рассказывают замшелые байки. А грузчик ныне управляет не телом своим, балансируя с тугим мешком на хлипком трапе, а как оператор управляет подъемными механизмами. Стремись хотя бы главное узнать о современном облике профессии.

Узнать — вот это и есть труд при выборе профессии; узнать — поработать в геологической экспедиции, если мечтаешь быть первопроходцем; узнать — читать книги о птицах и мастерить скворечники, коли видишь себя орнитологом, узнать — собрать транзисторный радиоприемник, раз волнует воображение всемогущая кибернетика. Один человек в старости вышучивал себя, рассказывая, что смолodu делал планеры, и не чуял: этим самым он выбирает профессию авиаконструктора. Будем считать, это — редкий случай счастливого неведения. Все-таки лучше в юности ведать, что творишь, ведь творишь себя, а это и есть сознательный выбор профессии.

Юноша и сорок тысяч дорoi

Да простится вот такое сопоставление... Биологи давно классифицировали сотни тысяч разных насекомых,

ных, у каждого из них своя специализация в добычании пищи. Описания «профессий» жучков и муравьев исчерпывающе составлены учеными. Но что касается самого человека... тут сапожник, как всегда, без сапог. Себя человек знает хуже, чем природу. Лишь недавно наука предприняла попытку систематизировать соток тысяч профессий и специальностей. И сразу появилась вот такая практическая рекомендация. Чтобы выбрать профессию, человек прежде должен найти тип, класс, группу подходящих ему специальностей. И лишь затем решать вопрос о конкретном рабочем месте. Например, что роднит профессии официанта и офицера, тренера и библиотекаря? Все это работа с людьми. Если ты деликатен, легко устанавливаешь контакт, ты можешь быть и тренером и официантом. В принципе — можешь. Если же конкретная из этих профессий не по тебе, рано или поздно услышишь от людей нечто такое: на личико пригожа, да по нраву негожа...

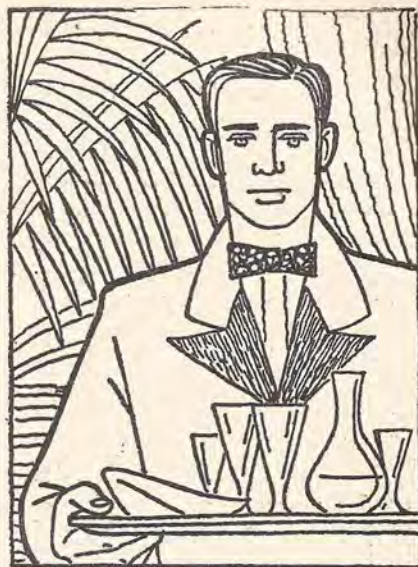
Профессий — пять типов.

Тип «человек — природа» (полевод, животновод, лесоустроитель). У кого из подростков больше шансов войти в круг этих профессий? Да у того, кто занимается в юннатских кружках, ухаживает за животными, работает на пришкольном участке. Тип «человек — техника» (токарь, радиомеханик, инженер). Мальчик, умеющий без затруднений отремонтировать утюг, разумеется, ближе к этому типу, чем мальчик, что панически боится тока, но зато бережно наложит шину на сломанную лапку воробья. Тип «человек — человек» (медсестра, воспитатель, продавец). Лю-

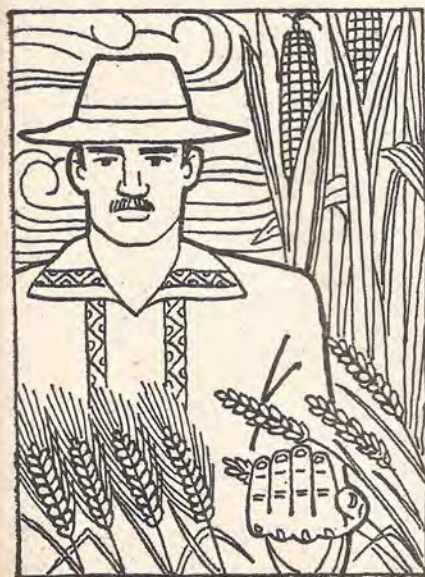
бить литературу, уважать личность, не страшиться организаторской работы. И еще два типа: «человек — знаковая система» и «человек — художественный образ». Две цепочки интересных профессий. Ученый-теоретик, наборщик, стенографистка. Все они всю жизнь «играют» буквами, цифрами, условными обозначениями. Маляр, писатель, композитор — вторая цепочка. У этих ведущих предмет труда — художественные образы или их элементы (например, маляр по трафарету наносит на стенку лишь части орнамента). Как обнаружить у себя склонность к этому типу профессий? Петь, рисовать, играть в спектакле, оформить стенгазету... И птицы учатся летать. А талант — это и труд.

Итак, мы выбрали тип профессий. Дальше — специальность. У нее есть признаки, которые не зависят от того, кто трудится на данном рабочем месте. Это основные признаки. От них-то и проистекают требования к работнику. Например, корректор плох, невнимательный к знакам, и уже совершенно не важно, что у него тонкий музыкальный слух. А водоплаву нужна физическая закалка. Воспитатель хорош спокойный и находчивый — он всегда в кругу неутомимых переселенцев. И тут пора сказать о профессиограммах (описаниях профессий и специальностей). Зачем они нужны? Ведь всяк может посмотреть на работу крановщика и сделать для себя такое «описание». Но век наш многоумный все усложнил бесконечно и здесь. Труд все более становится интеллектуальным, это приводит к тому, что в профессиях все труднее наблюдать их «внутреннее содержание». Можно смотреть во время экскурсии на оператора, что сидит у пульта управления ГЭС, но не увидеть, как повинуется ему в этот миг ненаблюдаемая система механизмов. Можно видеть мигание лампочек на пульте и не заметить смены глубоких переживаний у оператора, вызванных реакцией на сигнальные лампочки. Чтобы понять, что за кнопкой пульта, люди долгое время учатся. И тренируют внимательность, волю. Не проста ныне работа оператора на ГЭС. Вот почему ученые изучают плохо поддающиеся летучему наблюдению профессии, ищут их формулы, чтобы разобраться в каждой специальности и знать пределы их разнообразия. А потом научить всему этому и школьников. Ведь изучение профессий будет в школе предметом не менее важным, чем ботаника или физика.

Откроем такой урок коротеньким рассказом об одной профессии. За-

дадим наивный вопрос: кто такой повар? От того, как он накормил летчика-испытателя, в какой-то мере зависит успех пилота и целого коллектива конструкторов, ибо вкусный обед — это повышенная работоспособность, настроение летчика. Повар — деятельный союзник врача в борьбе за здоровье людей. Повара улыбаются на белоснежных лайнерах в океан, мчатся в поездных ресторанах, несут вахту на мужском континенте, в Антарктиде. Повар — всегда среди людей. Это специалист, который постиг искусство из «равнодушных» продуктов сотворить красочный праздничный блюдец — разнообразную, безукоризненную, с точки зрения гигиены, красивую пищу. А приемы, кои улавливают все тонкости качества продуктов, раскрывают красоту и пользу их — это по-прежнему его изощренные органы чувств. У него должна быть богатая память на запахи, на вкусовые комплексы. Он обязан держать в уме многое — разные технологические процессы идут на кухне в разном темпе. Там не годится, чтобы перекипело, здесь недопустимо переохладение, там как бы не потерять витамины, здесь не переругать пирожки. Ко всему прочему, повар должен быть крепким, как сталевар, — у него горячее производство. И последняя «малость». Выучиться на повара можно, но подлинным кулинаром можно и не стать, если нет таланта. Хотя и верно это: что не едят, то не варят. Но верно и другое: то, что варят, не едят, коли не вкусно. Или еще так говорят в народе о плохом кашеваре: хороша мучка, да не те ручки. Вот сколько важного необходимо сказать о знакомом незнакомце, о поваре...

Дерзайте — вы талантливы!

Кто не читал газетных сообщений: ребенок попал в звериное логово, и животные вскормили его. А как ведет себя человек, возвращенный к людям? Воду — жакает, света — боится, на сырое мясо набрасывается... Тяжелое зрелище — зверь в образе человеческом. Так вот, никому никогда не удастся, открыв в джунглях дитя людское, увидеть, как он в логове (о чудо!) вырезает из куска дерева фигурку волка или, допустим, играет на губной гармонике, оброченной путешественниками в зарослях... Все в человеке человеческое — от людей. Или, как говорится, не с уменьем все родятся. Но ведь существует (напомнит дока) связь способностей с наследственностью! Конечно. Но примеры с разного рода маугли показывают, что наследственность, как и растение без солнца, не заветвится, не станет расти без света духа, мысли...

Одной из предпосылок способностей считают тип высшей нервной деятельности. Десятиклассникам дали задание нарисовать тропический пейзаж. Ученых интересовало не то, насколько художественны будут рисунки. Совсем другое. И вот две стопки картинок. В первой приметы тропиков точны. Будто авторы бродили с этюдниками по лазурным берегам. Пальмы — это пальмы. Кокосовый орех — это кокосовый орех. Вторая стопка — все иначе. Огромное солнце давит на вершину горы, и скалы трескаются — это закат. А тут роца под сатанинским ветром, и деревья, будто привязанные птицы, машут ветками-крыльями. Первые — «сфотографировали» тропики. Вторые размышляли с карандашом в руке. Кто более ценен? Так вопрос ставить вообще нельзя. «Мыслительный» тип склонен к рассуждениям, к яркому оформлению своих впечатлений, к обобщению. Но это не значит, что люди этого типа — проницательно мыслящие; они склонны к умствованию, но не обязательно умные. Уровень их умственных способностей может быть высоким, а может быть низким. Скажем завершающие слова: жесткой связи между типом нервной деятельности и уровнем способностей нет. У Кутузова, наверно, все-таки был практический ум (чем-то полководец напоминает великого баснописца Крылова — медлительностью?), но это были и невероятной редкости способности. Так что для профессий оба эти типа хороши. Разные люди могут быть равноценными для общества.

Каковы признаки общих типов нервной деятельности? Ученые дают

ориентиры в баснословном разнообразии характеров.

Первое. Выносливость по отношению к сильным и длительным воздействиям. Работа угнетает нескончаемым однообразием, а человек деятельен, не вянет, бодр, не разглядывает, сидя за рабочим столом, роскошные миражи непознанных профессий.

Второе. Надвигается ответственная ситуация, из которой надо выйти как профессионал с честью. И у человека нет и тени страха. Его нервная система сильна. Еще один признак: быстрота перехода от одного состояния к другому. Игра света и тени. Это подвижная нервная система. Жизнь играет характером. Плохо? Нет. Это чудесная способность привыкнуть к новым людям, испытывая к ним искренний интерес. Это счастливое умение быстро перейти от одного вида деятельности к другому. Не стынуть в вакууме скуки. А противоположное качество подвижности? Именно неторопливые люди в небольшом числе дошли до великих истин, впрочем, являя могучий темперамент. Страстным человеком был Маркс, но его «Капитал» — это тяжкий путь от идеи к идее, от тезиса к тезису. Научное деление характеров — не абсолют. Будем помнить и о волшебной смеси качеств в характерах. Сделаем вывод: познавая мир профессий, познай самого себя.

А как все же ответить себе на вопрос: «Насколько я способен?».

Лучший тест — жизнь. Она все утвет. Вот несколько условий: успешность работы, учебы, оригинальность при выполнении задания, умение преодолевать трудности. Пример. У тебя дома есть своя комната. Ты в тишине готовишь уроки и учишься на «пятерки». У твоего друга дома нет «рабочего кабинета», уроки он делает за одним столом со звонко-голосой сестренкой, а младший брат при этом деловито целится в него из лука... Но твой друг — тоже отличник. Кто из вас способнее? Он. Не от рождения способнее, а в развитии.

Теперь сгруппируем способности. Начнем с интерсоциальных. Это личные качества, которые обеспечивают успешное взаимодействие между людьми. Это склонность к организаторской работе. Второе — конструктивные способности. А это качества, необходимые в преобразовании мира — природы и общества, и их разделим на оперативно-исполнительские и познавательные. Первые применимы в реализации замыслов (тут нужны, как говорят, золотые, умные руки), вторые позволяют придумать нечто новое. У всех текли слюнки при виде чего-нибудь вкусенького, да лишь великому Павлову удалось

создать теорию об условных рефлексах. Ну, а общий закон развития личных качеств древний и всегда новый для новых поколений — это труд, самовоспитание, тренировка своих достоинств. В одном научно-популярном фильме показан волнующий сеанс гипноза. Гипнотизер (будто живой водой) воскрешал у людей способности словами: «Дерзайте, вы талантливы!» И те, что считали себя начисто лишенными музыкального слуха, начинали смело водить смычком по струнам скрипки, те, кого в обыкновенной жизни на аркане не затащишь и в хор, начинали уверенно петь соло, те, кто обычно ходил ссутулившись, ибо стеснялся своей нескладности, расправляли плечи, как олимпийские чемпионы... Слово гипнотизера исцелило их от страха, робости, стеснительности. Хороший гипноз.. Но есть и вредный. Это внушение себе, что ты человек маленький да серенький, ничего значительного сделать неспособен. Такой гипноз надо стряхнуть с себя, отбросить цепи чрезмерной стеснительности, переступить через них безвозвратно и шагать в свое будущее. Дерзайте — вы талантливы!

Представьте, что голоса юношей и девушек, обдумывающих житье, постоянно звучат в эфире, и, поворачивая ручку радиоприемника, можно ловить их и слушать. Такое придумалось, когда я перебирал пьесы, поступившие в центр профориентации при Свердловском областном управлении профтехобразования. Итак, поворот рукоятки: девчоночий голос издадека, из северной деревеньки: «Где выучиться на парикмахера и телефонистку?» Крутим дальше — юношеские баски: «Как стать таксистом?». «Где готовят сварщиков?». «Хочу стать крановщиком!» А вот звучит забавный вопрос, девочка спрашивает, впрочем, очень серьезно: «Может ли следователь быть в очках?» И вдруг грянул мужской хор: «Хотим быть машинистами тепловозов!» Эфир жизни полон молодых голосов. Школа задает вопросы училищам, заводам, институтам. Школьники обсуждают телепередачи о профессиях, читают книги, газеты, журналы — ищут, обдумывают дело своей жизни... И трижды молодец тот, кто скорее поймет, что сам выбор любимой работы — это уже работа, увлекательная и ответственная. Итог юности, всей жизни основа, на которую побегут разноцветные нити трудовых дней!

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

**Александр
МОИСЕЕВ**

Эта новая автострада станет кратчайшим путем из Европы в Азию. Асфальтовая лента, прошив горы, доли и болота, напрямик, строго по параллели, свяжет столицу Башкирии — Уфу с крупным промышленным центром Южного Урала Челябинском.

Работы на горной магистрали подходят к концу, и новый мост между Европой и Азией скоро будет открыт.

Найти хозяйство Владимира Банаса несложно. Как подъезжаешь к Юрюзани, справа на горе стоит его контора — белокаменный терем из силикатного кирпича. Здесь же — и столовая, и лаборатория, и общежитие.

Приписан к теремку звероподобный, но не исправимо добродушный пес Цыган. Инвалид он — лапы у него перебиты. Но нет у Цыгана злости к людям, — видно, добрых друзей у него больше. И потому Цыган, единственное живое существо, что встретил я в тереме, прижав в ласке уши, вышел навстречу, завилал хвостом. Понятно: все на рабочей площадке. А попробуй найди кого надо: на все тридцать три километра растянулась площадка.

Мимо снуют самосвалы. Туда порожняком, сюда с грунтом, значит — на трассу. Первой на мое голосование притормозила оранжевая громадина. Колеса в рост, двигатель спереди уютным — «Кировец». Невеселая личность с папирской в зубах неприветливо поинтересовалась: чего, мол, тебе? Объяснил. Папироска сердито передвинулась из одного угла рта в другой — дескать, все ясно, полезай в кабину.

В кабине обжито, все ладно подогнано. Хозяину в фуфаечке терпимо — обогрев отлажен. Чисто. В углу две кучки ремонтной одежды: почище и для самой грязной работы. Баранка обмотана хлорвиниловой изолентой — потные руки не скользят. На щитке приборов тюльпан пластмассовый: загорается, как тормозить. Без расспросов понятно: водитель бывалый, обстоятельный.

Подъехали к карьере, где грунт берут. Тут я понял, почему мой шофер, Анатолий Соловьев, ударник коммунистического труда, не в духе.

— Видал, что делается? — кивает он на очередь. — Только ездить начали, а уже... Дело, по-твоему?

Экскаваторщика он не обвиняет — лучший на участке. Взрывники удружили, бугор рас-

шевелили не по уму. Экскаватор пару ковшей скребанет — и зубами щелк. Вот и выдает в час по чайной ложке. А стоять «Кировцу» — это же не дело, он что КРАЗ, двенадцать тонн для него минимум.

Между тем очередь подоспела. Под экскаватор надо подавать машину задним ходом. Соловьеву это непросто: все-таки две тележки в прицепе. Но он, видно, мастер своего дела: баранку влево, баранку вправо — аккуратно пятится. Стоп! Тютелька в тютельку, под самый ковш.

«Бум!» — содрогнулся «Кировец». Это ковш пасть открыл. Камни полетели в тележку. Заводскую бы помяли, но Соловьев заметил промах конструкторов — самолично обварил свои тележки десятимиллиметровым железом.

Хороша машина! Двенадцать тонн, а выползла из карьера, как порожняя. И пошла считать километры. Соловьев на меня косится: как, мол? Нет, не создан шофер для простоя — для езды он. Стоял в очереди — я уж и не рад был, что в кабину залез. А тут, вроде, даже и улыбка обозначилась, и глаза поголубели.

Вначале Соловьев, конечно, машиной похвастался. Между прочим, «Кировец» — сельскохозяйственный трактор. Потому и управление справа: так удобнее через левое плечо за плугом следить. Но он и на такой работе, как у Соловьева, хорош — и скорость, и сила, и проходимость что надо.

Так ведь часовщик — без часов, сапожник — без сапог, ну, а дорожник — без дорог. Ирония профессии. За ними ложатся дороги — ровные да гладкие, легковушку хоть за ниточку води. А самим дорожникам приходится маяться без дорог.

Соловьев на трассе — от самого Челябинска. Знает, чего она стоила. В памяти его она выемками — что выгрызали, болотами — что засыпали, горами — что ни обойти, ни объехать.

Взять Уреньгу. Ущелье вырыли в гребне — сто тысяч кубов камня вынули. Да не камнем врезалась Уреньга в память — водой. Вот ведь гора — сочится водой с макушки до основания. И смех, и грех — на вершину уж забрались, а вода работать не дает. Думали зимой пройти — мороз высушит. Где там: минус тридцать, а вода хлещет. И рвать динамитом в воде непросто, и подъехать не подъедешь — наледь...

Одолели Уреньгу — новая маята. Речонка Куващ, вроде — так себе, а ни подойти, ни подъехать. Где там самосвалы — стосильные челябинские тракторы вязли в грязюке. «Кировцы», считай, и завалили урему: идут по болоту, как лоси.

Хребет за нами, укрытый колючим одеялом сосняка, и есть Каменная гора, на ней сейчас работают мало. Все силы на подступы — неблагоприятный участок, болота сплошняком.

Не засыпешь до снеготала — до осени увязнешь, та же куващинская урема.

Людей мы не встречаем. Все машины. Самосвалы. Бульдозер откосы утюжит. Грейдер земляное полотно приглаживает.

А вот и люди — трубачи. Трубу укладывают в земляное полотно. Ручей в нее пропускают. Нянчатся они с трубой, только пеленают. Сверхнего конца бетонируют оголовок — воронку для сбора паводковых вод. С нижнего — зуб в землю вгоняют. Иначе труба из тела дороги по склону выскользнет. Всего на неблагоприятном участке трубачи спрятали в трубы двадцать два ручья. Осталось еще четыре.

Собственно говоря, до Сильги земляное полотно уже отсыпано. В полотне этом осталось корыто нарезать, щебнем его засыпать. Ну и одеть дорогу. Нижняя одежда — два слоя черного щебня, пропитанного битумом. Верхняя одежда — асфальт.

На Сильге встречает нас земляной прораб — Владимир Михайлович Бородин. Он отвечает за формирование земляного полотна. Молодой специалист — год как из Омского автодорожного института. Полотно у моста через Сильгу, объясняет, решили расширить — узковато. С такой насыпи свалиться можно...

Объясняет мне прораб, а сам Соловьеву маячит, куда валить. Много вез Соловьев, а на откосе вроде и камушка не прибавилось — совсем незаметно. И много же земли приходится перелопатить, чтобы проложить ровный путь.

атланты небо держат на каменных плечах. Это — в песне. А у этих атлантов плечи бетонные. Железные мускулы их напряжены, налиты силой — им передавать с берега на берег автомобильные грузы. Держать этим атлантам на своих плечах мост через Юрюзань.

На обратном пути с Сильги Соловьев подбросил меня к атлантам. По ледяному мосту к мостостроителям — десять шагов. И смешно мне слушать их жалобы на десятишаговую речонку.

Мостовики не спорят: не река — речушка, воробью по брюшко, галке по щиколотку. Но уж больно она взбалмошна. Чуть дождишко — ревет диким потоком. А как спадет вода — за голову хватаются строители. Островок под опору насыплют — пятьсот кубометров, — а Юрюзань его как корова языком слизет.

Но теперь Юрюзань не страшна: шесть быков укротили ее. Мост интересен тем, что он сборный — по частям отлит в Челябинске и в подмосковном городе Дмитрове. Обычно опоры ставят на массивное основание — роют котлован, заполняют его бетоном. Здесь же опоры стоят на сваях. Хитроумная установка «Бенот» пробурила двенадцатиметровые скважины, забила их бетоном. На этих-то сваях монтажники Гордеева и сложили из бетонных кубиков опоры.

Надежны бетонные атланты. Давили на них грузом в шестьсот тонн — выстояли, из земли вырывали с силой в сто пятьдесят тонн — удержались.

Разговаривать с монтажниками — горло надорвешь. Я на земле, а они на высоте пятиэтажного дома. Забраться к ним нельзя (техника безопасности!) да и без меня там тесно.

На земле один Дима Низаметдинов. Он в бригаде вроде юнги. На подхвате Дима — что подать, поднести. Но Дима не обижается: понимает, что любое учение с азбуки начинается. Все ребята, что наверху — Анатолий Макаров, Григорий Степанов и остальные, — опытные монтажники, укладывают балки с помощью консольно-шлюзового крана. Для него настоящую железную дорогу внизу проложили. По ней-то и поедет ажурным поездом кран. Дойдет по рельсам кран до упора — и длинной своей рукой уложит тридцатитрехметровую балочку на тумбочку. Пять балок рядом — и готов центральный пролет.

Повиснет мост над Юрюзанью, и уйдет на новые реки бригада Гордеева. А как же Дима Низаметдинов — он ведь юрюзанский? Скорее всего, так он сам считает, юрюзанский мост, такой яркий эпизод в его биографии, станет началом его новой жизни — кочевой, неустроенной, но романтической жизни мостостроителя.

З аговорился я у мостовиков. Глянул на часы, а рабочее время на исходе. На попутную машину нечего и надеяться: согласно КЗОТу все шофера уехали в гараж. А до базы мне — семь верст, и все лесом... И пошел я. Но вдруг — машина. Повезло: испытатели ехали на семнадцатый резерв. Правда, мне в другую сторону, но полез в кузов — не одному же топтать по морозу.

Дорожники в одну смену работают, а испытатели светового дня не хватает. На семнадцатом резерве они испытывают Т-330 — мастодон-

та из богатырской семьи челябинских тракторов. Спешат, потому что готовят машину для Чебоксарского тракторного. Трактор принципиально нов, недоделок предостаточно, вот и вывляют их, спешат.

На семнадцатом резерве, где Т-330 должен был готовить фронт работ экскаваторам назавтра, нас встретила тишина. Что бы это значило? Воробьями споркнули испытатели из кузова. С высоты увидел я костер, возле пляшет, согреваясь древнейшим способом, тракторист. Огонь выхватывает из ночи желто-оранжевую машину. Приземистой стальной черепахой выглядит она, лишь стеклянная скворещья кабины торчит над ней.

Спешим к машине. Тракторист, кареглазый красавец Андрей Абдурахманов, уловил подозрительный стук в двигателе, приглушил его — решил подождать испытателей.

Запустил Андрей дизель: слушайте, мол, если не верите.

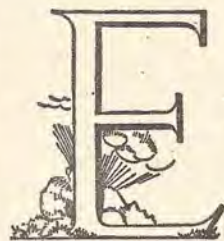
Поджарый брונет Максим Левитанус — главный среди испытателей, старший инженер Борис Николаевич Лобановский, молоденький еще, большеглазый Анатолий Кобелев, коренастый, неторопливый Иван Иванович Жаворонков — все стали слушать, как работает двигатель. Откуда стук? Вкладыши? Нет. Пальцы? Не похоже. Клапаны? Не так они стучат. Круг предположений сузился на коробке привода агрегатов. Здесь — шестеренок хоровод.

Пока испытатели разбирали коробку, я поинтересовался у Андрея — как новый трактор в работе?

Как появились Т-330 на участке, взрывники не выполняют план. Раньше как было? Чуть бугорок — бегут к взрывникам: рваните, мол, не берет бульдозер. А челябинские мастодонты бугры без помощи взрывчатки стесывают. Не берет бульдозерный нож — рыхлителем пащут. В общем, Т-100 рядом с ним все равно, что ребенок с игрушечной лопаткой возле взрослого землекопа.

Взять хотя бы этот участок. Без аммонита ущелье выгрызли. Хорош Т-330 в работе!

Открутили корпус коробки: трех зубьев на шестерне как не бывало.

Е сли участок Банаса — передо-вая, то семнадцатый резерв, где трудится челябинский мастодонт, — третий эшелон.

Передовая — на тридцать километров западнее, по гребню Каменной горы проходит. Уперлась здесь трасса в трехгорбую скалу. В проекте именуется она

прозаично — выемка № 19. Это пятьдесят пять тысяч кубов монолитного кварцита.

На выемку № 19 меня привел мастер взрывников Александр Яковлев. Вскарабкались на гору, и дух захватило от красоты. Зеленые волны хребтов накатывались на горизонт. Облака белым прибоем бились о голубую твердь небесного берега. И в море том, на горе, совсем как на чудо-юдо рыбе-кит, плыл куда-то городок Юрюзань.

Но Яковлеву красоту заслонила работа — как быстрее расколоть третью скалу?

Сегодня добурят последние скважины. Взрыв — это одно мгновение. А вот прелюдия к нему растянулась на два месяца.

К вечеру скважины будут готовы. Яковлев поставил на них самого расторопного буровика — Юрия Власова.

Возле бурового станка Власова — метелица. Белым-бела скала, не от снега — от кварцитовой пыли.

А у Яковлева свои заботы — надо аммонит поднять наверх. Только трактором можно это сделать. Есть договоренность с начальником участка — взять ближайший трактор на лесоповале, где прорубают просеку под трассу. Туда мы и направились по тракторной колее, потому что дорога обрывается у скалы, а дальше — снежная целина.

У кого песенная работа, так это у ребят, которые жгут костры, очищая трассу от мелколесья. Пока я любовался костром, Яковлев нашел главного романтика — Дмитрия Александровича Панова. Он отчитывал лесорубов. В сторону они зарубились, а за такое лесник штраф преподносит. Эмоционально, до многоточий все это Панов лесорубам объяснял. Яковлев дипломатично подождал, когда тот выскажется. Но Панов ему и рта не дал раскрыть — отказал в тракторе: у него тоже, дескать, план.

Но потом Панов подобрел. И уезжали мы с лесоповала на тракторных санях-волокунах. До вечера уступил их Панов.

Набили скважины взрывчаткой и — со скалы. Одному остается работа — взрывнику Рафкату Мухамедьяровичу Сагитову. Остальным — в оцепление. Томимся ожиданием, пока ловкие руки Сагитова не соединят заряды скважин шнуром, не подключат шнур к взрывной станции.

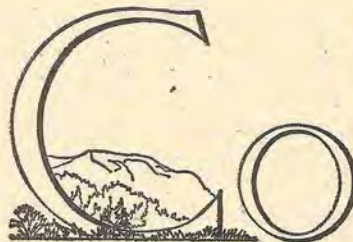
В четыре с минутами заметили, как Сагитов, до того неторопливо копошившийся, прыжками стал уходить в укрытие. Понятно: запустил Сагитов свою адскую машинку. И хотя знал каждый, что все у него рассчитано с запасом, взглядом своим помогал бежать ему, чтобы не запнулся. А как юркнул он за камень, все облегченно вздохнули.

А там, на обреченной скале, все шло своим чередом. Через расчетные секунды рвануло!

Выемку № 19 вспучило темным бугром и опустило.

«Все ли ладно?» — засомневался я. Но по лучезарному лицу Яковлева понял — лучше некуда. Дорожники заказали, чтобы камень остался на месте — так удобнее развезить его потом по трассе.

Стер Яковлев восторг с лица и пот со лба: только что ругал мороз, а тут пот на ладонях...

многими я разговаривал на участке, а вот с самим начальником не пришлось — так и не повстречался. Но о нем узнал кое-что от рабочих.

— Банас — хитрый

мужик. Он что усвоил: если человек спокоен за обед, ночью и прочее — вкалывает на все сто. До Банаса что ни обед — скандал. У поварихи один был ответ: «Скажите спасибо, что и так кормлю. Сама ведь достаю продукты». Банас продукты на себя взял. Как уж он изворачивается, его дело, а у столовских отговорок теперь нет. Хотя и не разносол, а сытно у нас теперь. Конечно, лучше при Банасе работаем, хотя он за нами не ходит, больше времени на бытовые мелочи тратит. (Это говорит Анатолий Соловьев, между прочим, едкий человек).

— Владимир Антонович не любит шумного разговора. А до него модно кричать было. Вроде за план, за работу глотки драли. А ты нам фронт работ обеспечить, а мы уж как-нибудь и без погонщиков обойдемся. Банас и старается не лезть на глаза, а обеспечивать, чтоб задержек в работе не было. И, в общем-то, я не припомню, чтобы мы при нем план не выполняли. (Это говорит Андрей Абдурахманов, тракторист).

— С Банасом всегда можно договориться. Конечно, польза от Т-330 ему большая. А честно, так мороки с ними хватает. Работают круглосуточно, но ремонту сколько... Не делит он на наше и ваше, понимает: и стройка, и испытание трактора дело общее. (Это говорит Максим Левитанус, старший среди испытателей).

Банас не любит громко говорить. Не гремит рекордами участок Банаса. Но нет зато таких стихийных бедствий, аварийных ситуаций, что сорвали бы у него выполнение плана. Люди Банаса не работают на пределе своих возможностей, и он не принуждает их к этому. Зато люди Банаса имеют тот запас моральной и физической силы, что помогает им в работе. И так ли уж он неправ, когда время, отведенное на совещание, тратит на ремонт дизеля.

Рабочему помогает начальник. Не с этого ли начинается ответственность каждого в общем деле коллектива?

От микроклимата коллектива, как считают социологи, в первую очередь зависит успех дела. Так не прав ли Банас, что занимается не руководством из кабинета, а созданием в коллективе дорожного участка микроклимата, способствующего высокому трудовому настрою?

участка Банаса я выбирался на попутной машине. И по достоинству оценил, что такое автомагистраль, которую уже столько трудных лет прокладывают строители.

От Юрюзани до Сатки ехали проселком. От грязи и пыли спасла нас зима, зато натрясло на ухабах — до одури.

Дальше — как в сказке. Полетели над путеводной лентой дороги. Такая скорость! И ведь не равнина — горы! Усыпляет дорога, и лишь на вершине понимаешь, на какую высоту взлетел.

От Урал-тау вынеслись к Миассу. Но город остался слева по ходу: не вязнет трасса в городах — пронесется мимо, не тормозит на перекрестках — проскакивает по путепроводам, не сбавляет скорости на крутых поворотах...

Через год скорый удобный путь будет готов! Разве не волшебники — строители дорог? Привычное дело для них болота засыпать, горы сдвигать. Лишь бы дождь не сверх меры, лишь бы мороз до рабочего предела, лишь бы техника терпела, лишь бы... Совсем не просто быть дорожником...

Золотой век Миасской долины

**Василий
МОРОЗОВ**

Это было летом 1797 года. Поисковая партия под руководством Евграфа Мечникова, посланная горным департаментом в Оренбургскую губернию, вела разведку руд благородных металлов в долине реки Миасс. Вскоре в русле ее притока Большой Ирмель было открыто коренное месторождение золота, названное Перво-Павловским. 9 июля 1797 года в канцелярии департамента было начато «Дело о заведении Мияских золотых приисков». Так 1797 год вошел в историю горного дела как дата открытия первого рудного золота на Южном Урале.

Яркую страницу в историю не только Миасских золотых промыслов, но и всей России, вписал, спустя почти полвека, крепостной рабочий Никифор Сюткин. 26 октября 1842 года в неглубокой закопушке Царево-Александровского рудника он добыл крупнейший в России самородок золота весом 2 пуда 7 фунтов 92 золотника — 36 килограммов 21 грамм! Этот золотой исполин — ныне самый большой в мире. Названный «Большим треугольником», он хранится как величайшая ценность в Алмазном фонде СССР.

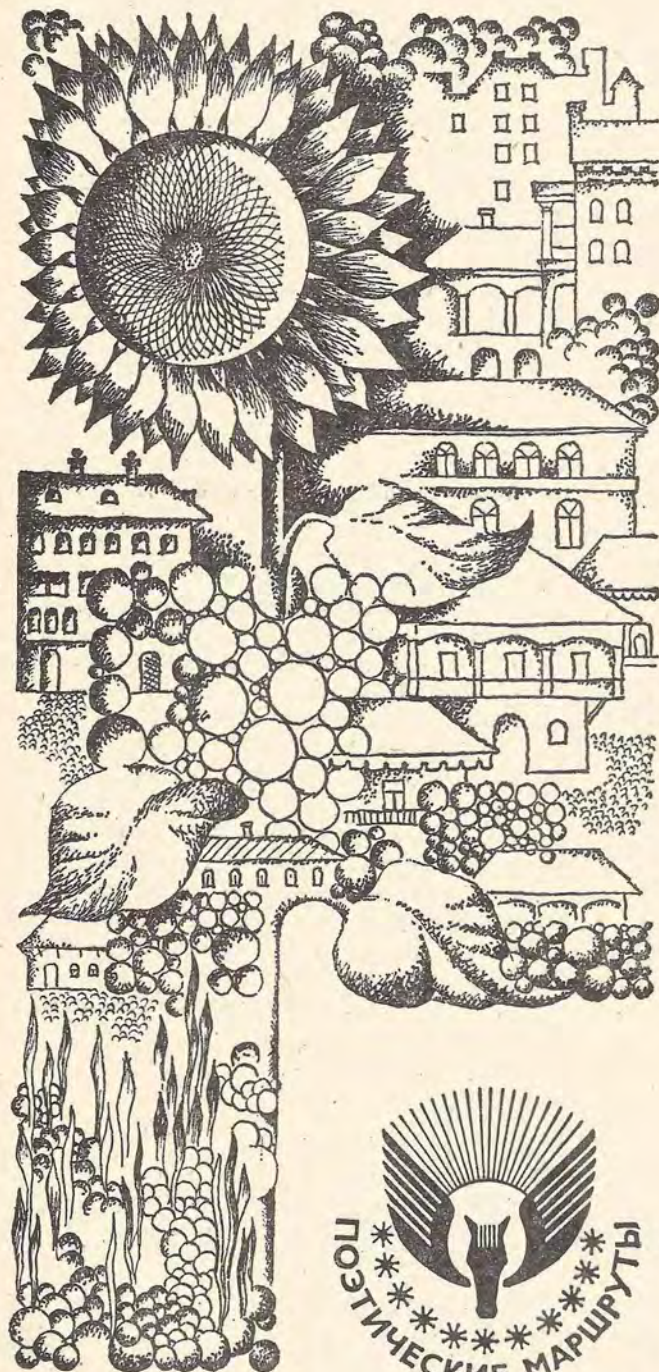
Там, где был Царево-Александровский рудник, сейчас находится Ленинский прииск. Здесь решено увековечить имена первых золотодобытчиков Миасской долины. Клубная улица Ленинского поселка переименована в улицу Евграфа Мечникова, а улица 2-я Ключевая теперь носит имя Никифора Сюткина.

Песенки

Алла
ТЕР-АКОПЯН

Рисунки
В. Меринова

...О пятнадцатилетнем капитане

У капитана корабля пока что нет.
У капитана нет пока что океана.
Капитану пятнадцать лет,
и сто веснушек на носу у капитана.

Во сне встречает он отряды марсиан.
Он тренирует свои мускулы, проснувшись.
И под краном капитан
умывает натошак свои веснушки.

Он океан прикрыл мальчишеской рукой.
Байкал, как синий крокодил, лежит на карте.
Атлантида живею живей
так хорошо ему видна с последней парты.

О чем задумался, курносый капитан!
Куда ты выплывешь из выросшего детства!
Всюду в жизни — океан!
Нужно только пометать и присмотреться!

...О коне

Отважные наездники
летят сквозь времена.
А вы, мои ровесники,
забыли скакуна.

Но конь достоин почестей
сегодняшнего дня.
Как встарь мне крикнуть хочется,
как встарь мне крикнуть хочется:
«Полцарства за коня!»

Героев красной конницы
спасал он из огня.
Пусть каждый низко склонится
пред мужеством коня.

Ведь конь достоин почестей
сегодняшнего дня.
Как встарь мне крикнуть хочется,
как встарь мне крикнуть хочется:
«Полцарства за коня!»

Пусть сильными машинами
земля теперь полна,
а сила лошадиная
в коне всего одна.

Но конь достоин почестей
сегодняшнего дня.
Как встарь мне крикнуть хочется,
как встарь мне крикнуть хочется:
«Полцарства за коня!»

...О подсолнухе

Вырос в городе подсолнух
с круглой детской головой —
среди оград, глухих и сонных,
удивительно живой.

Он стоит такой лучистый
под поблекшей синевой,
размышляя золотистой
и неглупой головой:

«Отчего я так тоскую,
весь какой-то не такой!
Врос я в землю городскую
деревенскую ногой...»

...О ереванских питьевых фонтанчиках

Тут растет из чаши каменной
серебристый стебелек.
Лист осенний неприкаянный
в чаше каменной прилеп.

А вода — в блестящих яблоках,
ожививших синеву,

то ли в солнечных кораблицах,
на которых я плыву.

На земле — последней осени
золотистые следы.
Город весело подносит мне
мой глоток живой воды.

...О самой грустной девочке

Здравствуй, самая грустная девочка.
Здравствуй, самая грустная девочка.
Может быть, ты такой родилась —
с этой карей обидою глаз!
Но девчонкам даются глаза,
чтобы в них пролились небеса,
чтоб апрелем, что светел и тих,
отражались любимые в них.

Знаю, самая грустная девочка,
знаю, самая грустная девочка:
в непроглядный осенний туман
ты споткнулась о чей-то обман.
Кто-то в сердце внезапно возник,
притворившись хорошим на миг.
Но туманам приходит конец,
и обманам приходит конец.

Слушай, самая грустная девочка,
слушай, самая грустная девочка:
пересиль ты осеннюю боль —
ничего не случилось с тобой!
Просто лист, оторвавшись, упал
и на мокром асфальте пропал.
Это значит — во мраке ночном
сто бессонниц твоих ни о чем.
Сто бессонниц твоих ни о чем...

ПРОЧНО

Марк
ПОПОВСКИЙ

1. Здание в лесах

«Мне, так же, вероятно, многим из вас, Советский Союз в настоящее время рисуется в виде грандиозной стройки... Мы только начинаем возводить леса... Еще многие не видят контуров этого будущего здания, его видят только те, кто строит его. Кругом много беспорядков, мусора, кое-где непролазная грязь. Так бывает на всякой стройке. Из-за мусора кое-кому не видно величия будущего грандиозного здания».

Н. И. Вавилов. Из речи на VI съезде Советов СССР, март 1931 года.

В Ленинграде, в архиве Академии наук хранятся старые записные книжки Николая Ивановича, те, что зовутся академическими. Потертые, прожившие долгую «карманную» жизнь, они содержат адреса и телефоны институтов, списки академиков и членов-корреспондентов. В самой старой из них можно прочитать, что доктор биологических и агрономических наук Н. И. Вавилов избран в действительные члены Академии наук СССР в январе 1929 года и что возглавляемый им Институт прикладной ботаники и новых культур помещается в Ленинграде на улице Герцена, 44. Но главный интерес для историка представляет, очевидно, не официальная часть, а те календарные листки в конце, что предназначены для записок. Вавилов имел обыкновение щедро, вдоль и поперек, исписывать эти странички.

Вся жизнь его — личная, научная, общественная — возникает в скупых неразборчивых записях. Заседания многочисленных комиссий Академии наук — присутствовать; ответить немцам и чехам: Академия наук в Галле (Германия) и Академия сельскохозяйственных наук Чехословакии

СТОЯТЬ НА ГЛОБУСЕ

Рассказы об академике Н. И. Вавилов

избрали его своим членом-корреспондентом.

«23 января — выступление в ЦИКе». Ничего особенного: девять лет, с 1926 по 1935 год, беспартийный профессор оставался бессменным членом центрального исполнительного органа страны, участником самых ответственных совещаний и встреч в верхах.

А на соседней странице — нетвердой детской рукой заказ сына-школьника: «Олегу привезти «Путеводитель по Кавказу» Анисимова».

Со старшим сыном (в 1928 году родился второй — Юрий) у Николая Ивановича большая дружба. Переписка между ними не прерывается даже тогда, когда отец пересекает океаны и материк. Летом отец и сын вместе ездят по опытным станциям и институтам, которые инспектирует Вавилов. Не каждому мальчику так везет: объехать на машине весь Кавказ, Крым, Среднюю Азию, побывать в гостях у садовода Мичурина! В 1929 году, однако, совместную поездку пришлось отложить: директор института готовится в экспедицию на Дальний Восток. В записной книжке — длинный список книг по сельскому хозяйству и экономике Маньчжурии и Японии. «Как живут дунгане?» — вопрошает ученый, очевидно, надеясь почерпнуть ответ в какой-нибудь монографии.

Листаем странички календаря: перед отъездом надо отослать письма друзьям — их по-прежнему много и за рубежом и на родине — Дарлингтону, Бауру, Писареву, Воронову, Боссе... А ниже дважды подчеркнутое слово: «Завещание». Что поделаешь, путешественнику по дальним странам надо предусмотреть все.

С точки зрения личных успехов, 1929 год был для Николая Ивановича годом поистине феерическим. Над головой ученого, которому не исполнилось и сорока двух лет, разразилась золотой ливень почета, славы, признания. За один год он стал членом четырех Академий наук, членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК); Правительство СССР назначило его Президентом ВАСХНИЛ и членом Коллегии Нар-

комзема, Римский международный аграрный институт избрал членом Международного совета экспертов, а Британская ассоциация биологов — своим почетным членом. Вавилову устраивают оvatione две тысячи делегатов Всесоюзного съезда генетиков и селекционеров, его речи звучат на XVI партконференции и на пятом съезде Советов...

И тем не менее я позволю утверждать, что не многочисленные знаки общественного внимания и даже не великопечная по результатам экспедиция в Западный Китай, на Тайвань, в Японию и Корею были главными событиями внутренней жизни прославленного академика в 1929 году. О главном молчат записные книжки, о нем почти ничего не говорится в письмах. До предела загруженный, стремительно плывущий в потоке неотложных государственных дел, Николай Иванович лишь с самыми близкими друзьями, да и то урывками, говорит о проблеме, которая становится самой насущной, самой главной.

Еще в марте 1928 года в письме к селекционеру Т. А. Руневу он как бы мимоходом обронил: «Теперь поворот в политику. Будем изучать колхозы, совхозы. Была довольно бурная сессия Президиума Совета в январе. В результате решено усилить коммунизацию Института. По-прежнему она идет... Все события отрадные». Поворот в политику Вавилова отнюдь не пугает. Коммунизация? Отлично. Государство дает деньги на институт, на экспедиции. Не всегда достаточно, но дает. Один из представителей власти Николай Петрович Горбунов — председательствует в Совете Института. Другой, Сергей Миронович Киров, секретарь Ленинградского губкома, согласился выступить на съезде генетиков и селекционеров. Говорил умно, горячо. Обещал ученым поддержку.

Вавилова беспокоит другое: как наладить связи с крестьянством, с теми, для кого, собственно, и существует Институт растениеводства. Тут все куда сложнее. Русская сельскохозяйственная наука, которая и до революции стояла не ниже европейской, а теперь — и подавно, как-то не находит в селе большого

спроса на свои достижения. Николай Иванович знает, как жадно тянутся к новому американские фермеры. Даже немецкие, даже наиболее отсталые в Европе французские крестьяне и те после войны начали извлекаться понемногу от извечного равнодушия к научным новинкам. Как бы сделать так, чтобы интерес этот проник и в сознание отечественного земледельца?

Прежде всего надо, чтобы сами биологи не забывали о долге перед крестьянством. Огромный плакат перепоясывает стол президиума на съезде генетиков и селекционеров в январе 1929 года: «Шире в массы достижения науки!» Гостя съезда немецкого профессора Баура лозунг изумляет, но Вавилов пользуется правом председателя, чтобы и во вступительном и в заключительном слове снова повторить полюбившийся ему тезис.

Но в душе он понимает: одних усилий науки недостаточно. Надо, чтобы сам хлебороб заинтересовался выгодой от применения новых удобрений, сортов, машин. Есть, конечно, и у нас в деревне свои опытные любители. Около пяти тысяч таких умельцев ведут переписку с институтом в Ленинграде, высевают образцы сортовых семян, присылают отчеты о своих экспериментах. Но в целом, жалуется Вавилов друзьям, русское крестьянство обладает «низкой поглотительной способностью» по отношению к агрономической науке. Термин этот, заимствованный из почвоведения, по мнению Николая Ивановича, наилучшим образом отражает отношения, которые сложились в первое десятилетие после революции между научной агрономией и массой земледельцев.

Как одолеть бескультурие, заскорузлость, полученные в наследство от царизма? Вавилов полагает, что для этого нужно выпускать больше агрономов, печатать больше популярной сельскохозяйственной литературы. Обратиться за помощью к партии, к государству? В 1928-м, в начале 1929 года роль высших партийных и государственных органов на этом участке жизни видится ученому как роль распределителей кредитов.

Если бы удалось убедить Полит-

бюро, ЦИК, Наркомзем вложить больше средств в агрономическую науку?. С этой несколько наивной, но искренней идеей Вавилов выступает на дискуссии, посвященной повышению урожая в стране (1928 г.). Он ратует за то, чтобы увеличили выпуск агрономов и зоотехников, чтобы укрепили интендантскую часть науки — снабдили лаборатории и научно-исследовательские институты новейшим оборудованием. Говорит он и об едином плане подъема сельского хозяйства, об единстве командования, но для него речь идет в основном о научном плане, о командовании ученых. Как именно агрохимики, селекционеры и генетики станут управлять земледелием страны, Николай Иванович представлял себе, очевидно, туманно. Человек искренний, он так прямо во время дискуссии и сказал: «Мы, опытные, часто находимся в трудном положении, когда мы начинаем думать об организации масс».

Все это говорилось в 1928 году, за несколько месяцев до того, как партия выразила свою волю: советская деревня должна стать кооперативной. Многих деятелей агрономии, давно и искренне принявших революцию, предстоящий переворот в селе насторожил. Старые земские агрономы, опытные селекционеры, профессора с кафедр земледелия — те, кто знал и любил землю, понимали, насколько консервативно это древнейшее из человеческих производств, и были серьезно озабочены. Будет ли крестьянин, лишенный личной собственности на землю, относиться к ней так же любовно и заботливо, как прежде? Не забросит ли он поле, не покинет ли деревню?

В какой-то момент испытал беспокойство и Вавилов. Но его, привыкшего мыслить научными категориями, занимала в тот момент не столько позиция крестьянства, сколько общая перспектива отечественного земледелия. Сельское хозяйство в любой современной стране может процветать, только воспринимая научный подход, передовые научные идеи. Не беда, если часть крестьян уйдет в город. Мировая статистика знает немало подобных примеров. В Соединенных Штатах Америки, например, с 1910 по 1920 год в города ушло более семнадцати миллионов фермеров, а посевные площади возросли, производство сельскохозяйственных продуктов увеличилось. Значительно важнее другое: будет ли создание колхозов только организационным, политическим мероприятием или готовится преображе-

ние земли на истинно научных основах?

Речь Николая Ивановича в январе 1929 года на Всероссийском агрономическом съезде отражает настороженность русской научной интеллигенции перед грядущими переменами. Он, как всегда, стоит за самые тесные связи науки с деревней, призывает создать «приводные ремни» от институтов и опытных станций к сельскохозяйственному производству. Но каковы они эти «приводные ремни», как колхозники, в отличие от крестьян-единоличников, отнесутся к рекомендациям ученых — ему все еще не ясно. Слов о пользе науки за прошедшие годы было сказано больше чем достаточно. А ленинский завет об организации сельскохозяйственной академии все еще не выполнен. Оснащение агрономических и биологических лабораторий тоже отстает от Запада. Предстоит ли перемены? Собирается ли правительство всерьез помочь ученым? Берет ли оно сельскохозяйственную науку на вооружение, готовясь к коренным переменам в селе?

На размышления, однако, год 1929-й давал мало времени. События развивались стремительно. После агрономического и генетикоселекционного съездов, которые прошли в январе, в апреле открылась XVI партийная конференция, а в мае съезд Советов призвал к безотлагательному переустройству всего сельского хозяйства на кооперативных началах. Интересно проследить, как буквально за считанные недели изменился тон публичных выступлений Вавилова.

В январе — все зыбко. Неустойчиво. Единственная его твердыня — сама наука. В апреле группа ученых обращается к партийному руководству с предложением своих услуг. Они еще не знают, как отнесутся к их призыву, но убеждены: молчать дальше нельзя. «Пятилетний план, принятый конференцией, и тезисы, выдвинутые в докладе Михаила Ивановича Калинина, охватывают организационную (подчеркнуто мною. — М. П.) сторону проблемы, — говорил в своей речи на XVI партконференции академик Вавилов. — Мы пришли сегодня для того, чтобы обратить Ваше внимание на другой сильный рычаг, который не должен быть забыт в грандиозной работе, открывающейся перед нами. Этот рычаг — агрономическая наука».

Роль просителя не мешает Николаю Ивановичу откровенно заявить о том, что огромные задания пятилетки — освоение новых земель, создание зерновых фабрик — застали науку неподготовленной. Предстоит

многому поучиться за границей, многое постигать самим. Но прежде, чем послужить стране, наука сама потребует крупных капиталовложений. Надо строить новые институты, расширять старые, разворачивать сеть опытных станций, особенно на Дальнем Востоке, в Казахстане, на Урале, на Севере. Свое краткое обращение Вавилов завершил словами: «Мы пришли заявить о полной готовности научных работников всемерно содействовать реконструкции сельского хозяйства на новых началах».

Будут ли приняты предложения агрономов?

Ответ пришел очень быстро. Доклад Вавилова в мае на съезде Советов подтверждает это. На сцене Кремлевского Дворца вывешена большая, только что составленная карта земледелия СССР. Николай Иванович, вооружившись указкой, говорит о конкретных сортах и культурах, которые следовало бы ввести в обиход отечественного земледелия, о необходимости продвигать посевы на Север, укреплять пригородные хозяйства вокруг промышленных центров. Ученый деловит, он похож на учителя, ведущего очередной урок. Минувший месяц принес окончательное успокоение. И не только ему одному. Партийная конференция одобрила инициативу деятелей науки. Совнарком принял специальный декрет о всемерном расширении научно-агрономической работы в предстоящей пятилетке. И в довершение сам Михаил Иванович Калинин с трибуны съезда призвал ученых помогать стране строить социалистическое сельское хозяйство.

Кончилась пора сомнений. Новая колхозная деревня должна резко увеличить свою «поглотительную способность» по отношению к науке. Об этом заявляют официальные документы правительства, это публично гарантирует всесоюзный староста М. И. Калинин. Приводным ремнем между селом и наукой становится сама партийная политика коллективизации.

Полгода спустя от прежней тревоги не остается и следа. Письмо Вавилова командированному в Америку другу, молодому генетику Г. Д. Карпеченко дышит оптимизмом: «Верим и исповедуем, что жизнь построим, несмотря ни на что. Темп начинается по линии тракторизации, освоения площадей такой, что, пожалуй, и скептики скоро начнут верить. Трудностей до черта, но все в движении. Во всяком случае возвращался я из Японии с удовольствием».

2. Темпы

«С 1929 года... напряженность и динамичность его жизни достигла возможного для человека предела».

Проф. Е. Н. Синская. Воспоминания о Н. И. Вавилов. (Рукопись).

Темпы — любимое слово начала тридцатых годов. «Выше темпы индустриализации!», «Шире темпы коллективизации!» — зывали плакаты. На каждой газетной странице цифры с множественным нулем — планы выработки угля, выплавки стали, будущие пуды и центнеры пшеницы и ржи. Эти миллионы, миллиарды поражают, гипнотизируют.

Весной 1929 года Вавилов с удовлетворением признал на XVI партконференции, что по освоению земель взяты темпы «совершенно исключительные». За пятилетие намечено освоить 15 миллионов гектаров. Его беспокоило только, что научные работники недостаточно подготовлены к выполнению такой грандиозной программы. Но проходит год, и цифра 15 миллионов отброшена далеко назад.

Седьмого июня 1930 года в кабинете наркома земледелия СССР Яковлева происходит совещание представителей науки с руководителями Наркомзема. Обычное деловое совещание.

— Давайте поговорим о расширении площадей, — предлагает нарком и развертывает перед присутствующими свои заметки. — У нас сейчас должно быть по плану 131 миллион гектаров... На будущий год мы берем задание по расширению площадей на одиннадцать процентов, значит, примерно на 14 миллионов га. Следовательно, в будущем году мы будем иметь 145 миллионов га...

Присутствующие — директора научно-исследовательских институтов, опытных станций, ответственные работники наркомата — поддерживают Яковлева одобрительными репликами. Никого не удивляет, что план, недавно еще рассчитанный на пять лет, вдруг предлагается выполнить за год.

— Темп нарастания площадей, — продолжает Яковлев, — можно взять такой: 18 миллионов гектаров в 1931 году, в 1932 году — миллионов 20 и в 1933 году тоже миллионов 20. Это значит — примерно 50 миллионов прибавится посева за три года.

И опять никого не поражает, что страна, только недавно сменившая

соху на плуг, едва заложившая свои первые тракторные заводы, предполагает дополнительно запахать гигантскую площадь, равную половине пашни Соединенных Штатов Америки. Даже через двадцать с лишним лет, когда были построены десятки тысяч тракторов, комбайнов и грузовых машин, потребовались напряженные усилия всего народа, чтобы поднять 13 миллионов гектаров целины. Ветер энтузиазма сметает с пути любые «объективные трудности». И нарком и остальные участники беседы абсолютно уверены: какое бы задание ни последовало, они выполнят его. Выполнят, во-первых, потому, что это необходимо для экономики, обороны, жизни СССР, а во-вторых, потому, что трактора и комбайны для освоения новых земель, конечно же, будут созданы — ведь заводы сельскохозяйственных машин уже строятся. А строители — рабочие, инженеры, проектировщики — тоже горят неподдельным страстным энтузиазмом...

Одержимые мечтатели тридцатых годов! Их воспевали потом не раз. Но поэты и прозаики упорно искали своих героев лишь на строительных площадках Магнитки и Комсомольска. А между тем, мечтатели сидели в ту пору и в кабинетах наркомов, и в академических креслах.

Весной 1930 года народный комиссар земледелия СССР Яков Аркадьевич Яковлев прислал Николаю Ивановичу Вавилову просьбу... Нет, он не поручал академику разрабатывать очередной перспективный план растениеводства, не требовал дать заключение о мерах борьбы с суховеями. Нарком просил ученого пофантазировать, нарисовать картину будущего сельского хозяйства Советского Союза.

Николай Иванович был в это время занят, что называется, выше головы. В Москве заканчивались приготовления к первой сессии только что родившейся Академии сельскохозяйственных наук, в Ленинграде проходили заседания городского Совета, депутатом которого был Вавилов, в своем институте Николая Ивановича ждала большая научная и редакционная работа, а в сельскохозяйственном институте в Пушкино шел курс его лекций для студентов. К этому надо добавить, что Вавилову предстояло в недалеком будущем доклад на Международном ботаническом конгрессе в Лондоне и экспедиция в Центральную Америку.

И тем не менее ученый выкроил время для раздумья о будущем. «Ваша идея мне по душе», — пишет он Яковлеву и посылает несколько страничек, где излагает свои соображения. В этом удивительном доку-

менте нашлось место всему — размышлению о запашке новых земель в СССР, о «всемерной индустриализации земледелия», о расцвете агрономической науки в ближайшем будущем и даже о предстоящем духовном прогрессе крестьянина-коллективиста. «Сам хозяйствующий человек является важным фактором вершения ближайших судеб земледелия, — писал Вавилов, — Стремление к экспансии, колонизации, которое характерно для истории, ныне находит свой естественный выход. Объединенному в коллектив хозяйствующему человеку открывается почти беспредельный простор в смысле продвижения его инициативы, предприимчивости, «жадности к земле». То, что было недоступно даже сильной индивидуальности, может быть реализовано объединенными усилиями коллектива».

Темпы, темпы!..

В 1834 году сорокатрехлетний Михаил Фарадей публично объявил, что отныне, желая сохранить свое время и здоровье, он отказывается от всяких научных экспертиз и отклоняет любые приглашения на обед. Через год великий физик добавил, что он не станет также делать служебных физических и химических анализов. Еще год спустя последовал отказ сотрудничать в президиуме королевского института. А с 1838 года Фарадей установил правило, по которому три дня в неделю он никого у себя не принимал.

Как изменилась за сто лет жизнь ученого! В сорок три года Вавилов сообщает другу: «Я тут окончательно задавлен. По подсчету минимальному, имею восемнадцать должностей».

«С 1929 года, — пишет профессор Е. Н. Синская, — Николай Иванович стал жителем обеих столиц, и Ленинграда и Москвы... Напряженность и динамичность его жизни достигла возможного для человека предела. Одно за другим следуют совещания, съезды, бесконечные поездки, кроме экспедиционных, еще по всякого рода организационным делам, посещение многочисленных опытных станций и институтов в целях консультации...»

Тот же темп поддерживается через год и через два. В 1933 году Вавилов пишет профессору В. Н. Тимофееву-Ресовскому: «Замотался, так как живу наполювину в вагоне, носясь между Москвой и Ленинградом». Но мало кто знает, что академик не прекращает работу и в поезде: покупает в купе международного вагона оба места и добрую часть ночи проводит за чтением книг и правкой рукописей... Чему же отданы главные силы его в эти годы?

...В записной академической книжке его есть несколько строчек, которые без сомнения привлекут внимание историков науки. Не сразу можно сообразить, что означают набросанные рукой ученого квадраты, прямоугольники, круги, соединенные между собой стрелками. Но если не поленишься и, вооружившись лупой, разобраться в сложной, исписанной мелким неразборчивым почерком конструкции, то станет ясно: перед нами схема будущей Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ). Перелистываешь листок за листком и воочию видишь ход мысли ученого, видишь, как творился один из важнейших эпизодов отечественной агрономической науки.

Варианты, варианты... Автору хочется придать своему детищу блеск, размах, поставить его в ряд лучших научных учреждений мира. Предусмотрен журнал с обязательным переводом статей на несколько языков, международное представительство, библиотека, которая должна собрать все богатство мировой сельскохозяйственной литературы. С другой стороны, Вавилов стремится освободить Академию от лишних административных звеньев. В своей схеме он отсекает, зачеркивает их и тут же почему-то вновь восстанавливает. В чем суть этого внутреннего борения?

Очевидно, перед умственным взором исследователя стоит виденный в Вашингтоне «город агрономической науки, в котором с трудом находишь среди лабораторий, оранжерей и музеев административные учреждения. Но американский департамент земледелия занят в основном деятельностью рекомендательной. Его бюллетени, выставки, музеи сообщают, что найдено, выведено, открыто. И только. Можешь покупать семена, приобретать новые удобрения, можешь жить по старинке — дело хозяйское».

На пороге 1930 года, года массовой коллективизации, такая форма для нас неприемлема. Академия создается как орган строгой централизации науки. Для того, чтобы руково-дить усилиями тысяч ученых, планировать, координировать их деятельность в масштабах страны, внедрять науку в производство, нужен большой надзирающий, планирующий, координирующий аппарат. Николай Иванович чертит новые квадраты и прямоугольники — секции, отделения, бюро. А рядом столбцы фамилий — будущие академики новорожденной академии.

И тем не менее академик Вавилова не назовешь единоличным создателем проекта ВАСХНИЛ. Первоначальную схему столько раз обсу-

дали в разных инстанциях, ее так долго, так упорно переделывали и перекраивали, что едва ли вообще кто-нибудь может претендовать на авторство. Во всяком случае, когда в мае 1930 года делегаты I пленума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина собрались в только что отстроенном в Орликовском переулке здании Наркомзема, им было представлено нечто такое, что не имело подобия во всей истории мировой агрономии. Эпоха великих темпов — вот кто подлинный творец проекта академики. Это она, сказочная эра 30-х годов, предписала ученым создать за считанные месяцы пятьдесят институтов.

Проект академики — пир науки, ее безраздельное торжество. Отныне ни одна даже самая скромная, самая незначительная область земледелия не в праве ускользнуть от взора исследователей. Рядом с привычными для нашего уха названиями — Институт зернового хозяйства, Институт кукурузы, Институт производства овощей, плодородства и виноградарства — возникают Институт сои, Институт по цикорию, Институт кролиководства, лаборатория по изучению вопросов искусственного вызывания и прекращения дождя. Создано также бюро по водорослям, лаборатория по ионификации и Центральная научно-исследовательская станция верблюдоводства.

Сегодня некоторые из этих учреждений вызывают улыбку, да и сама громада тогдашней Академии (своей грандиозностью она очень импонировала людям начала 30-х годов) представляется нам неуклюжей, трудно управляемой машиной. Но таков, очевидно, характер всякого молодого, первоначального творчества — оно темпераментно, но грубовато. Даже природа на заре созидания современных форм жизни начинала с мастодонтов и плезиозавров. А творцы юной Академии чувствовали себя именно такими первотворцами.

Старые формы представлялись негодными. Страна взялась реконструировать сельское хозяйство в самые сжатые сроки. Надо было предложить такую научную структуру, при которой ученые с предельной быстротой передали бы совхозам, колхозам, предприятиям перерабатывающей промышленности самые совершенные приемы и методы. От ученых ждали, что они как можно скорее изучат почвы и растительность на громадных пространствах и тем помогут планировать общегосударственные мероприятия. Что столь же быстро они передадут колхозам сортавые семена важнейших культур и новейшие приемы обработки земли.

Растущая промышленность нуждалась в высоких урожаях сахарной свеклы, хлопка, льна, каучуконосов... И это тоже ставилось в зависимость от деятельности институтов Академии сельскохозяйственных наук.

А конструирование сельскохозяйственных машин? Мелиорация? Лесоводство? Освоение пустынь и продвижение земледелия на Север? Государство требовало, чтобы ученые все взяли под свой контроль и при этом сами оставались под государственным контролем. Творцам проекта Академии предстояло учесть весь этот сложный, подчас противоречивый комплекс пожеланий и распоряжений.

Вавилов охотно, с открытым сердцем принимает «социальный заказ». На стройке неизбежен мусор — на то она и стройка. Однако надо ясно видеть контуры будущего здания, тогда реже будешь спотыкаться о валяющиеся кругом обломки кирпича.

«Те грандиозные сдвиги в новой стране, которые мы сейчас имеем, требуют пересмотра, реорганизации, реконструкции опытного дела, видоизменения его и прежде всего отхода от энциклопедизма, универсализма к специализации», — говорил Н. И. Вавилов на первом пленуме ВАСХНИЛ.

Это кредо эпохи, главная ее идея в области организации науки, которая, кстати сказать, выжила после всех внесенных поправок. Смысл идеи состоял в следующем. В России, как и в США, издавна существовала система областных опытных станций. Немногочисленные, чаще всего, сотрудники этих провинциальных учреждений годами и десятилетиями ставили на делянках опыты, копили знания о местных почвах, климате, сортах. И на основе своих наблюдений давали рекомендации крестьянам окрестных районов. Труженикам науки из глухих углов приходилось, естественно, быть универсалами и энциклопедистами в масштабах своего края, становиться по необходимости селекционерами, почвоведом, фенологами.

Местный ремесленный универсализм теперь предположено заменить универсализмом отраслевым, индустриальным. В системе Академии было создано три с половиной десятка крупных исследовательских институтов, каждому из которых надлежало охватить целую отрасль земледелия. Институт сахарной свеклы, например, брал на себя обязательство организовать селекцию лучших сортов свеклы, предложить свекловодам рациональную агротехнику, создать совершенную технологию для сахарных заводов, а также заниматься экономикой, защитой растений и метеоро-

логией применительно к своей культуре.

Такую же работу должны были выполнять Институт лубяных культур, Институт хлопка, Институт масличных культур и другие. Их назначение — самым тесным образом связать между собой сельское хозяйство, науку и промышленность. Некоторые институты даже создавались прямо при заводах и фабриках. Прикладной характер получили и так называемые институты социалистической реконструкции, открытые в областях и краях страны. Они в какой-то степени должны были заменить прежние опытные станции.

Однако не вся программа ВАСХНИЛа получила у современников столь же добрый прием.

Наши недостатки — продолжение наших достоинств. Это замечание равно справедливо, очевидно, не только для отдельной личности, но и для целого общества. Охваченный стремлением преобразовать окружающий мир, обаянный мыслью о своем всемогуществе, человек начала 30-х годов начинает подчас рассматривать науку и ученого лишь как простой рычаг, подсобное приспособление на строительной площадке эпохи. Не берусь докапываться до глубинных корней такого воззрения. Но творцы Академии сельскохозяйственных наук очень скоро ощутили это веяние. Вес и значение получали только исследования сугубо прикладные, лабораторные и институты, готовые немедленно решать проблемы сегодняшнего дня.

Как ни увлечен Николай Иванович ритмом эпохи, как ни предан духу и букве «социального заказа», но отдать теорию на растерзание голому практицизму он не согласен. Президент Академии готов примириться с тем, что две тысячи научных работников мобилизованы на весенние посевные работы и тысяча двести ученых выехали на уборочную. Он готов найти смысл в том, что специалисты высокой квалификации заняты осмотром полей в колхозах и совхозах. Все это, очевидно, меры временные. Но есть для Вавилова истина постоянная: «Практическое семеноводство, практическое животноводство кровно заинтересованы в достижениях теоретических наук», — так он говорил в речи на открытии Всесоюзного съезда генетиков, селекционеров 10 января 1929 года.

Без специальных институтов, которые будут одаривать науку новыми идеями, вести оригинальные исследования, вырабатывать единые научные методы, Академия существовать не может, Вавилов настаивает, к его лозу нельзя не прислушаться. Рядом

с отраслевыми возникает несколько общих институтов, призванных вести такими разделами агрономической науки, как растениеводство, животноводство, механизация сельского хозяйства, агропочвоведение. «Институты синтеза», — называет их Николай Иванович. И хотя руководителю большого учреждения, как и отцу большого семейства, не рекомендуется иметь избранных, общие институты, и прежде всего — Институт растениеводства, становятся любимцами президента. Да, он любит их, может быть, оттого, что много лет с боем отстаивал эти острова научной теории от стихии крайнего практицизма.

Но в целом президент ВАСХНИЛа, пожалуй, доволен делом своих рук. Конечно, новая система не идеальна. Как шинель новобранца, она кое-где топорщится, жмет, но в новом обличье агрономическая наука как-то сразу стала строже, собраннее, стала ближе по духу готовому в поход государству.

Общественный энтузиазм академика Вавилова не заслоняет, однако, от него реальный мир, конкретно существующие трудности. Деньги страна дает ученым все более щедро. Но обнаружилась другая беда — в Советской России начала 30-х годов, с ее гигантскими планами, оказалось мало людей, владеющих научными знаниями. Подготовить ученого — труд громадный и долгий. А время не ждет, торопит.

Не без некоторого раздумья президенту ВАСХНИЛа принимает решение: за пятилетие обучить в институтах Академии пять тысяч исследователей по разным научным дисциплинам. Эти тысячи молодых генетиков, селекционеров, почвоведов, зоотехников надо подготовить на ходу, не останавливая и не замедляя ни на день научно-исследовательского механизма. Даже для возросшей вдвое сети советских опытных станций это нелегкое задание. Одна надежда на хорошо обученную, богатую опытом старую агрономическую интеллигенцию — она не пожалеет сил, чтобы вырастить себе смену. Вавилов верит: если напрячь силы, пять тысяч столь необходимых земледелию специалистов можно выучить. Он публично заявляет об этой государственной задаче, и его слушатели — ученые и агрономы-практики — обещают не пожалеть сил на доброе дело.

Но Академия растет. Больших, серьезных исследователей на замещение всех ведущих должностей не хватает. Перешел на другую работу Горбунов, редко бывает в своем московском кабинете саратовец академик Тулайков. Рабочий аппарат

ВАСХНИЛа пополняется людьми помельче. А маленький человек на высокой должности непременно хочет прослыть большим. Маленький человек прислушивается: кругом говорят о темпах, о размахе, о больших масштабах. И он тоже начинает повторять эти модные слова.

Вновь назначенный вице-президент ВАСХНИЛа заявил, что вместо пяти тысяч ученых в области сельского хозяйства можно легко подготовить пятнадцать — двадцать пять тысяч. И не за пять лет, а всего за два года. Все очень просто. «Мы выдвигаем сейчас лозунг: призыв десяти тысяч рабочих в сельскохозяйственную науку и дальше (надеемся получить еще) примерно около 15 тысяч научных работников. Как этот лозунг осуществить? Мы строим крупные научно-учебные совхозы. В эти совхозы мы собираем со всего СССР лучших изобретателей и рационализаторов. Получается концентрация мозговой энергии специального коллектива над одним вопросом, и мы ускоряем движение вперед, ускоряем нашу научную мысль на десятки лет вперед... Крупный совхоз позволяет концентрировать пятьсот лучших изобретателей, тысячу лучших изобретателей. Такой коллектив действительно может выдвинуть дело сельскохозяйственной науки на десятки лет. Никакой Институт растениеводства я не променял бы на научно-учебный совхоз, где собран опыт и энергия наших сотен лучших работников».

Чепуха? Но речь произнесена профессором Бурским, одним из руководителей Академии, на совещании президиума ВАСХНИЛа. Кое-кому из присутствующих предложение приходится по вкусу. Просто. Доступно. Скоро. Слышатся реплики: «Правильно! А кто сказал, что ученый должен непременно кончать институт?». Начинаются подсчеты: во что обойдутся научные совхозы, из какого бюджета их питать. Еще немного — и президиум проголосует за соответствующую резолюцию.

Вавилов взволнован, изумлен. Да это что за наваждение? Невооруженным глазом видно: речь докладчика — сплошная демагогия. Сначала сдержанно, потом все более расплываясь и негодуя, Николай Иванович начинает втолковывать «маленькому человеку» и его сторонникам общеизвестные истины о том, что скоростной выпуск ученых — недопустимая профанация науки, что тому, кто собирается заниматься исследовательской работой, нужны не только личные способности, но также немалый круг конкретных знаний. Для усвоения этих знаний нужно время, и, увы, довольно много времени. Тут уж

ничего не поделаешь: человеческий организм имеет предельные возможности для восприятия и запоминания.

Предельные? Оппоненты радостно хватаются за недавно вошедшую в моду формулу. Звучит, как заклинание: «теория предела», «предельщики», «наши силы беспредельны». Самые благородные лозунги эпохи пущены в ход для того, чтобы доказать недоказуемое: стоит призвать в науку ударников и рационализаторов от станка, как проблема научных кадров в масштабах страны будет решена.

Николай Иванович с трудом отбивает атаку, но отбивает. Насупив брови, сжав губы, президент заявляет: пока он стоит во главе Академии, исследователей, творцов науки будут готовить только в научных учреждениях. Да-с, по старинке. Ни в колхозах, ни в совхозах, ни в институтах.

Но «маленький человек» тоже упорен. Ему во что бы то ни стало нужно создать иллюзию активной деятельности. Вчера он предлагал научные совхозы, сегодня призывает превратить в гиганты и без того донельзя раздутые научно-исследовательские институты Академии. Он упирает при этом не столько на конкретные доказательства, сколько на политическую фразу: «Борьба за крупную фабрику социалистического земледелия в области производства соответствует борьбе за крупную социалистическую фабрику сельскохозяйственной науки» — это тоже слова Бурского. Смысла — никакого, но фразеологическая упаковка сверхвыдержанная, Вавилов не допускает перегиба. Институты останутся институтами — не заводами, не фабриками, а центрами научного творчества. Еще одна атака отбита. Но, боже мой, сколько же сил уходит на такую вот ежедневную пустопорожнюю дуэль!

Тот внутренний спор, который в 1929 году Николай Иванович начал на страницах своей академической книжки — то мысленно растягивая, то сжимая структуру будущей Академии, — продолжался до последнего дня, пока он руководил ВАСХНИЛом. В письмах к друзьям в 1931—1934 годах ученый жалуется на то, что Академия невероятно раздулась, обюрокротилась, потеряла гибкость. Замечает ли он, что то же самое происходит со многими другими научными учреждениями? Понимает ли организатор Академии имени Ленина, что некоторые вокруг него предают забвению важнейший ленинский лозунг: «Лучше меньше, да лучше»?

«Надо проникнуться спасительным

недоверием к скоропалительному быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д., — писал В. И. Ленин в 1923 году, — надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность, непонятность...»¹.

Увы, через десять лет после появления статьи Ленина ни у кого не вызывает удивления, например, помещенная в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» информация о том, что в Баку, в Москве, Орджоникидзе и Козлове 7 ноября 1932 года открыто пять научно-исследовательских институтов. Никто не задается вполне естественным вопросом: неужели все пять научных учреждений были полностью готовы именно к этой дате?

А рядом в том же журнале не менее странное сообщение: «В Ленинграде открылся единый художественный университет, в котором обучается до 10 тысяч работников искусств». Десять тысяч — вот это да! Знай наших!

Таких «гигантов науки» возникало в те годы немало. То и дело появлялись исследовательские институты, не имеющие помещений, не снабженные достаточным числом научных работников, лишенные самого необходимого оборудования. Зато журнал «Социалистическая реконструкция и наука», именуемый для краткости СОРЕНА, в каждом номере извещал об открытии десятков новых научных учреждений.

Жертвой спешки, недостатка специалистов, невыполнимых плановых заданий становятся и институты ВАСХНИЛа. В 1931—1934 годах академик Вавилов либо еще не осознает общих причин беды, либо не решает публично заявить о них. Для него более естественно звалить вину на себя. «Сам плохой администратор, я чувствую себя лишь на положении консультанта и пытаюсь всячески отойти от роли президента, которая сейчас очень трудна», — пишет он профессору П. Н. Константинову.

От президентства его, однако, не освобождают. Остается смириться и наблюдать, как непрерывно и неудержимо разрастается его детище.

В 1934 году в систему Академии сельскохозяйственных наук входит уже 407 опытных учреждений. Здесь работают одиннадцать тысяч научных и технических сотрудников. Современников все еще восхищает эта

¹ В. И. Ленин. «Лучше меньше, да лучше». Собр. соч., 4-е изд., т. 33, стр. 446.

громада, но в какой-то момент становится ясным: она абсолютно неуправляема. Это вынужден публично признать творец ВАСХНИЛа. «Система сельскохозяйственной науки выросла в гипертрофированную громадую организацию, подменяющую Народный комиссариат земледелия», — заявил Вавилов в докладе, посвященном шестилетию Академии.

Очередная ломка оставила «в живых» 78 институтов из 111. Зато возросло число областных комплексных станций. Снова президент мечется по стране: ревизует, согласовывает, обслуствует. Снова в его московском кабинете до глубокой ночи идут дебаты по поводу штатных единиц, бюджета, помещений, научных планов. И опять Николай Иванович, по собственным его словам, «несущий ответственность за многие ошибки и, может быть, более других сознающий свои ошибки», мастерит новый вариант всесоюзного научного механизма.

3. На завоевание материка

«Встает задача завоевания целого материка... Этого повелительно требуют интересы нашего развивающегося народного хозяйства».

Академик Н. И. Вавилов,
Доклад на чрезвычайной сессии АН СССР, 1931 г.

А пятилетка продолжается. Она действительно требует для своего выполнения темпов и размаха. Не фальшивок, не игры в масштабы, а подлинного ежедневного напряжения, порой на последнем пределе сил. Все дальше на север и восток уходят монтажники, геологи, строители железных дорог. Стране нужны порты в Игарке и Мурманске, новые шахты и рудники на Урале и в Кузбассе, дороги в Средней Азии, заводы на Дальнем Востоке. И все острее в государственном масштабе встает вопрос: как кормить этих землепроходцев пятилетки, покидающих извечные житницы России? Мыслимо ли возить им хлеб через всю страну?

Когда после революции 1905 года Столыпин переселял на восток десятки тысяч украинских и русских мужиков, никто — ни в городе, ни в деревне — не задавался вопросом: что и как они там станут сеять. Казалось само собой разумеющимся: была бы земля, а на хорошем поле

у хорошего хозяина всегда уродит. Мужики посеяли на берегах Ангары, Зеи и Буреи отличные украинские и волжские пшеницы — ульку, гирку, белотурку — и... остались без хлеба.

Европейские сорта если не вымерзли, то вымокли, а где выстояли в первый год — выродились потом. Даже если бы русские агрономы пожелали помочь переселенцам, они едва ли смогли что-нибудь сделать. Дело не только в равнодушии, которым было окружено земледелие в царской России, но и в том, что само учение о сортоном составе русских полей, блестяще развитое впоследствии Вавиловым и его школой, переживало в начале века пору младенчества. Четверть века спустя сельскохозяйственное освоение окраин приобрело совсем иной характер. Советское правительство постановило: освоение новых земель вести под неусыпным надзором науки.

Что могут ученые подсказать пахарю, который затеял провести первую борозду под Мурманском, в Приморье или в районе Кузнецкого угольного бассейна? Когда в этих местах начинать весенний сев? Как следует обрабатывать, удобрять почву? Какие сорта овощей и злаков принесут на новых местах наилучший урожай? Руководящие учреждения страны ждали конкретных рекомендаций о том, как разворачивать окраинное земледелие, от Академии сельскохозяйственных наук. А президент ВАСХНИЛа Николай Вавилов мог поручить это неотложное дело только одному человеку — директору института в Ленинграде академику Николаю Вавилову.

С 1930 года институт носит красивое и гордое имя — ВИР. По латыни это слово звучит как муж, воин, герой, а по-русски расшифровывается просто — Всесоюзный институт растениеводства. В пору организации Академии Николаю Ивановичу случалось подолгу отсутствовать в стенах этого самого любимого своего учреждения. В тридцатом он и дома едва успевал побывать раз в неделю. А если задерживался на вечер у себя в квартире, то домашние наблюдали его в кабинете в позе несколько необычной: расстелив на полу огромную географическую карту, он часами лежал на ней плашмя, что-то промеривая и прочерчивая цветными карандашами. Путешествия предпринимались по карте ради того, чтобы проложить трассу сотрудникам ВИРа, будущим разведчикам земледелия.

В обоих своих ипостасях, как президент ВАСХНИЛа и директор ВИРа, Николай Иванович форсирует массовые сельскохозяйственные опыты по всему Союзу. На очередном сове-

щании директор и его сотрудники решают организовать сельскохозяйственную станцию на Ангаре. Вокруг Ангарстроя надо подготовить земледельческий район, который через год-два прокормит до трех миллионов человек.

Спустя полтора месяца ВИР направляет другую группу сотрудников в район Урало-Кузнецкого бассейна. Там тоже создается очаг земледелия. Чуть позже очередь доходит до Дальнего Востока. Специалистам из ВИРа поручено заложить опытную станцию на берегах Амура. Прощальная речь Вавилова, как всегда, деловита и насыщена практическими рекомендациями. Сам он уже побывал в тех местах, куда едут его посланцы. Ему ведомо, как добывать на месте материал по растениеводству края, где искать литературу, как организовать полевые эксперименты. Заключительное слово директорского напутствия напоминает обращение полководца, бросающего резервы в решающее историческое сражение:

— За два года можно этот Дальний Восток так привести в порядок, что вас будут знать и помнить на сто лет вперед... Мы посылаем вас на работу, можно сказать, исключительного интереса. От вас самих зависит сделать (наилучшим образом) эту работу, которая просто государственно необходима... Попробуйте, чтобы каждая неделя вашего пребывания там была наполнена исследованием, сбором материалов... Используйте (местных) биохимиков, метеорологов. Болтологией не занимайтесь. А мы вас вызовем через два года, и вы будете как боги знать добро и зло.

Да он и чувствует себя полководцем. И как прирожденный воитель, беспокоится не только о размерах своей армии, но и о ее вооружении.

В июне 1931 года по приказу, подписанному В. В. Куйбышевым, академик Вавилов был введен в комиссию по разработке второго пятилетнего плана. Несколько месяцев спустя группа, куда входил президент ВАСХНИЛа, представила правительству перспективный план развития сельского хозяйства страны. Была учтена нужда колхозов и совхозов в тракторах, грузовых машинах, комбайнах, в горючем и строительных материалах. Можно не сомневаться: именно академик Вавилов внес в государственный план пункт о вооружении советского земледелия аэропланами и дирижаблями. Это была его давняя мечта, которой не раз уже посвящал он журнальные статьи и публичные выступления: самолет ведет аэросев, воздушные корабли

помогают в освоении пустынь и продвижении земледелия на Севере...

Словосочетание «сельскохозяйственная авиация» сегодня звучит почти буднично. Кто не видел скромных, окрашенных в защитный цвет, крылатых работяг, рассеивающих над полями удобрения или яды против вредителей! Но то, что сегодня — быт, в начале 30-х годов казалось чудом. Мысль о самолете — помощнике мужика могла прийти в голову только мечтателю и фантазеру. Да и полярное земледелие тоже.

Фритьоф Нансен, называвший русский Север «страной будущего», видел это будущее в очень далекой перспективе. Иначе и не мог мыслить человек, которому приходилось организовывать в 1921 году помощь голодающим Поволжья. Казалось, пройдут столетия, прежде чем страна оправится от разорения и нищеты. Десять лет спустя в Хибинах, где были открыты залежи апатитов, как на дрожжах начал расти Хибиногорск, а на побережье Баренцова моря, будто соревнуясь с ним, возник порт Мурманск. Пошли в рост Дудинка, Игарка, Салехард, город полярников на Диксоне.

«Страна будущего» не желала откладывать свой расцвет на завтра. В 1931 году, когда ВИР и ивовцы начали всерьез «приводить Север в порядок», Аляска, после тридцати лет усилий американских ученых и фермеров-энтузиастов, имела под посевами полторы тысячи гектаров. «Это, по совести, мало. Хочется большего, больших дел, дисперсии на весь Север», — писал Николай Иванович на Мурманский опорный пункт ВИРа агроному И. Г. Эйхфельду. В то время площади под земледелием в Хибинах исчислялись всего лишь десятками гектаров. Через три года советское приполярное земледелие по масштабу своему догнало американцев и начало стремительно обгонять Аляску.

Север привлек Вавилова еще в начале 20-х годов, когда закладывались по стране так называемые географические посевы. Всесоюзный эксперимент, при котором собранные со всего света 185 сортов полевых культур высевались ежегодно в 115 географических точках страны, ставил своей целью найти для каждого зеленого иностранца лучшее, наиболее целесообразное место на его новой родине. Сто восемьдесят, помноженное на сто пятнадцать, — массовое столкновение растений с почвой, климатом, ландшафтом по единой заранее продуманной программе — принесло агрономической науке и сельскому хозяйству СССР бесценные сведения.

Но, может быть, самые неожиданные и практически важные вести пришли из северных пунктов. Опыты под Архангельском, на реке Печоре, в Хибинах показали, что озимую рожь, озимый масляный рыжик и ячмень на зерно можно возделывать даже в Хибинах, на 67-м градусе северной широты. До 65-го градуса доходят пшеница и яровая рожь. А овощи практически не знают северных пределов, Картофель, брюква, репа, капуста и лук могут расти и плодоносить на берегах Ледовитого океана и даже на Шпицбергене — 78 градусов северной широты.

Хибинский опорный пункт на Кольском полуострове стал центром исследовательской работы по северному земледелию. Николай Иванович еще в 1925 году послал туда опытного, не лишнего практической хватки агронома И. Г. Эйхфельда. По распоряжению Вавилова Эйхфельда командировали несколько раз в страны Северной Европы, библиотеке Института было приказано направлять заведующему пунктом всю новейшую мировую литературу по приполярному земледелию. Да и сам директор ВИРА, несмотря на занятость, находил время навещать поля далекого пункта. Переписка между Ленинградом и станцией Хибин в конце 20-х, начале 30-х годов раскрывает не только идеи увлеченного северным земледелием растениеводства, но и педагогический стиль Николая Ивановича, его умение сделать даже человека средних способностей активным участником большого научного поиска.

«Имейте в виду, что ждем от Вас основательного труда о земледелии Норвегии. Должны постигнуть всю душу норвежскую», — пишет он Эйхфельду в 1928 году. В тридцать первом Вавилова уже не удовлетворяют частные, учебные исследования. «Хотелось бы, — пишет он, — чтобы Вы не только в разрезе Мурманска, а и в разрезе всего советского и мирового Севера попытались уже наметить судьбы северного крайнего земледелия».

Мурманскому опытному пункту намечена целая программа. Она изложена в письме Вавилова Эйхфельду от 11 ноября 1931 года:

«Было бы чрезвычайно любопытно по длительности вегетационного периода, по геоботанической основе, по температурным данным, по вечной мерзлоте подытожить весь Север. Дальше вопрос о культурах и сортах, не в виде только названий, говорящих очень мало, а с осмысленной их эколого-географической характеристикой».

Селекция плодовых деревьев замедлена...

Проблемы удобрений опять-таки нуждаются в географическом аспекте, только тогда они интересны...

Очень хотелось бы получить данные химического состава. Особенно меня интересует проблема сахаристости. Но делали ли Вы анализы ягодных? Как с сухим веществом у корнеплодов? Интуитивно подозреваю, что все же 24-часовой световой день можно использовать рационально».

Эйхфельда тянет к более узким, сугубо агрономическим вопросам, на что Вавилов резонно пеняет ему: «В ваших статьях, конечно, очень много ценного, и все мы Вас почитаем и ценим, но не хватает в них, повторяю, устремленности к большому обобщению, к большой широте... Это нужно сделать Вам, так как Вы знаете практику во всех ее деталях и смогли бы, не отрываясь от земли, дать общие руководящие идеи, в которых нуждается вся страна».

«Видеть всю страну», «прочно стоять на глобусе» — любимые выражения академика Вавилова тех лет. Это означает — знать исследуемый вопрос во всей его мировой сложности, во всеветном масштабе. Работать с учетом «глобуса» обязан был весь институт, все его опытные станции и пункты.

«Селекционеру, который не может подытожить всего, что есть на земле, надо бы уйти из ВИРА и работать в другом месте», — заметил Николай Иванович на одном из научных совещаний. Это была не случайная фраза, вызванная минутным раздражением. Естественный выскзал свое кредо. Овладевший Севером, по мнению Вавилова, можно было тоже лишь с позиций «глобуса».

Не очень-то надеясь на Эйхфельда, он сам отправляется в Данию и Швецию, изучает опыт этих стран в области северного земледелия, выступает с программным докладом на чрезвычайной сессии Академии наук СССР в Ленинграде, свою речь, полную интересных фактов, цифр, выкладок, Николай Иванович завершил картиной, которая казалась в 1931 году почти фантастической. Перед слушателями возникли полярные города, где на окраинах лежат «обширные застекленные площади теплиц и парников, пользующихся не только солнечным светом и навозом как источниками тепла, но также электричеством как для отопления, так и для удлинения периода вегетации». «Эти форпосты земледелия используют отходы фабрик и заводов: горячие воды, пар...».

Поезжайте сегодня в совхоз «Индустрия», что раскинул свои поля и

теплицы рядом с бывшим Хибингорском, посмотрите пригородные хозяйства Норильска, Якутска, Игарки, Магадана, Никого не удивляют ныне свежие огурцы и помидоры в районах полярников, свежее молоко заполярных коров, мед заполярных пчел. Но многие ли помнят инициатора северного земледелия академика Вавилова, который залогом до папанинцев, до перелетов Чкалова, когда только-только начинала брезжить идея Великого Северного пути, уже торопил современников: «Огромные просторы нетронутых северных земель с беспредельными возможностями ждут государственного социалистического вмешательства. Встает задача завоевания целого материка... Этого повелительно требуют интересы нашего развивающегося народного хозяйства», — говорил Н. И. Вавилов на чрезвычайной сессии АН СССР 25 ноября 1931 года.

Север влек к себе растениевода еще по одной причине: северные посевы не страдали от засухи. А с засухой, постоянной губительницей посевов в Средней Азии, Заволжье, на Ставрополье, а порой и на Украине, у Вавилова были свои серьезные счеты.

Один из «социальных заказов» первой пятилетки предписывал ученым в ближайшие годы справиться с этим бедствием. «Заказ» касался не только растениеводов. Он распространялся на ирригаторов, почвоведов, строителей. В письмах 1931—1932 годов Николай Иванович часто упоминает государственный план орошения Заволжья. По этому поводу его неоднократно вызывали в Политбюро, в Совнарком. Борьба с суховеями приобрела даже общественный характер. Максим Горький предложил основать Всесоюзное общество по борьбе с засухой и рекомендовал поручить руководство этим делом опять-таки академику Вавилову и профессору Тулайкову.

Осенью 1931 года под председательством Николая Ивановича в Москве проходила Всесоюзная конференция по борьбе с засухой. Опубликованный в «Известиях» очерк писателя Сергея Третьякова хорошо передает дух времени, энтузиазм делегатов, их убежденность в том, что извечному стихийному бедствию приходит конец.

«Выступление академика Вавилова с его запасами семян засухоустойчивых сортов было воистину выступлением «начальника агрономической артиллерии», — писал С. Третьяков. — Нельзя без гордости слушать о завоевании цеха науки, возглавляемого академиком Вавиловым. Вот действительно область, которая не хуже Электроставы и Азнефти выполняет

Рассказы об академике Н. И. Вавилов

планы, догоняя и перегоняя Европу. По одной пшенице советская наука знает в три раза больше, чем до последнего времени знала наука мировая. («Известия», 30 октября 1931 года.)

На борьбу за жизнь растения, одолеваемого в засушливых районах безводьем и высокими температурами, Вавилов поднял всю агрономическую общественность. И все же был в этой борьбе некий барьер, за который сам он долгое время не решался переступить.

У великих людей есть свои слабости. Знаменитый путешественник, объездивший весь северный край Сахары, многократно пересекавший пустынные районы Мексики, Афганистана, советской Средней Азии, Палестины, Западного Китая, не любил пустынь. Больше того, он испытывал к ним отвращение. Долг обязывал его искать в безводных районах мира засухоустойчивые злаки, положение первого растениевода страны требовало, чтобы он знал пустынную растительность своего отечества. Он искал и знал. Но, покидая безводные пески, Николай Иванович всякий раз облегченно вздыхал: душа его не мирилась с голыми, лишенными растительности ландшафтами.

Географ, знаток пустынь профессор Б. Н. Семевский несколько лет записывал высказывания Николая Ивановича на эту тему. Летом 1932 года два ученых ехали из Ленинграда в Москву. Глядя в окно вагона на зеленые поля и перелески Подмосковья, Вавилов говорил:

«Такие ландшафты привлекают меня гораздо больше, чем Ваши пустыни. У нас еще есть черноземов сколько угодно послевоенных, а вспомните Сибирь, Дальний Восток, вот где нужно поднимать земли...»

Разговор возник не случайно. Годом раньше группа советских ботаников сделала попытку организовать общегосударственный центр по освоению пустынь. Сколько-нибудь серьезных научных идей этой группы не имели. Одни из них носились с программой повсеместного засева пустынь кактусами, другие, столь же мало озабоченные научным обоснованием своего проекта, предлагали использовать морские водоросли. Инициаторы борьбы с пустынями настаивали на том, чтобы академик Вавилов организовал всесоюзное совещание, где бы они могли обсудить волнующую их проблему. Всегда стремительный в подобных ситуациях, Николай Иванович проявил вдруг непривычную медлительность. Он явно не мог освободиться от неприязни к делу, в которое его вовлекали. Подписывая в президиуме Академии

наук какой-то документ, имеющий отношение к «пустынной» проблеме, он даже попросил, чтобы имя его как можно реже упоминалось в тексте. «А то потом скажут: «Ишь ты какой любитель пустынь! — объяснил он. — А я таким вовсе не являюсь».

Всесоюзное совещание по освоению пустынных и полупустынных пространств под председательством Вавилова тем не менее состоялось. Вздорные проекты были отброшены, за дело взялись реально мыслящие ученые. Но и после того Николай Иванович продолжал сомневаться, достаточно ли эта проблема актуальна для Советского Союза, стоит ли ради нее тратить время и силы.

«Человек, — говорил он Семевскому, — существует уже много веков, а по существу никак не может уйти дальше места своего зарождения, места, где обезьяна формировалась в человека, где жил питекантроп: Ява, Северо-Восточная Индия, Китай; здесь и до сего времени едва ли не половина всего человечества. В Китае крестьянское хозяйство живет и работает на одной десятой части гектара, мы же пока еще не освоили огромные пространства плодородных земель Сибири и Дальнего Востока, где все готово для земледелия».

Однако чем серьезнее брались за изучение пустыни ботаники и географы, чем реальнее и практичнее становились их программы, тем более заинтересовывался их проектами президент ВАСХНИЛа и директор ВИРа. Вскоре он согласился создать в Институте секцию освоения пустынь. Беседы с сотрудниками новой секции начали его не на шутку интересовать.

«Я никогда не замечал у него неприимности к мнениям других ученых, — вспоминает профессор Семевский, — скорее наоборот, он легко соглашался с тем, против чего возражал раньше, если ему представляли убедительные доказательства».

Эта черта директора Института памятна и другим сотрудникам. Но в одном Вавилов оставался непреклонным. «Пустыни занимают огромные пространства, и важно не потонуть в этом пространстве, не ставить неразрешимых проблем, а прощупать то, что сможет дать реальный экономический эффект... и целесообразно с государственной точки зрения».

Одна за другой в песках Казахстана, Туркмении, Узбекистана возникали опытные станции ВИРа. В трудных условиях сотрудники разрабатывали неведомые прежде приемы пустынного земледелия, подбирали культуры и сорта для озеленения поселков и городов Средней Азии, за-

нимались освоением Приуралья, Каракумов и других бесплодных районов. Наблюдая и направляя эту, требующую подлинного самоотвержения работу, вчерашний ненавистник пустынь академик Вавилов все больше проникается уважением к своим коллегам-«пустынникам». Он все чаще выезжает на их опытные станции, борьба за освоение бесплодных земель становится для него таким же родным делом, как северное и дальневосточное земледелие, как продвижение пшеницы в извечно ржаные районы Средней России.

Как памятник о том давнем преодолении (директору Института пришлось преодолевать не только пустыню, но в какой-то степени и самого себя) дошел до нас любопытный документ, помеченный 10 января 1935 года. В этот день, рассказывает профессор Семевский, Николай Иванович, очень веселый и оживленный, зашел в ВИРе в ту комнату, где приехавшие с Репетекской (в Каракумах) песчаной пустынной станции сотрудники обрабатывали собранный за лето материал. Директор шутил, смеялся, потом потребовал лист бумаги и собственноручно написал следующее:

«Порешили 10.1.1935.

На Репетекке: 1. Иметь в 1936 году 30 га культурных посевов и посадок.

2. Создать культурное учреждение с постройками, ветряками, цветником, теньевыми посадками, заложить виноградник.

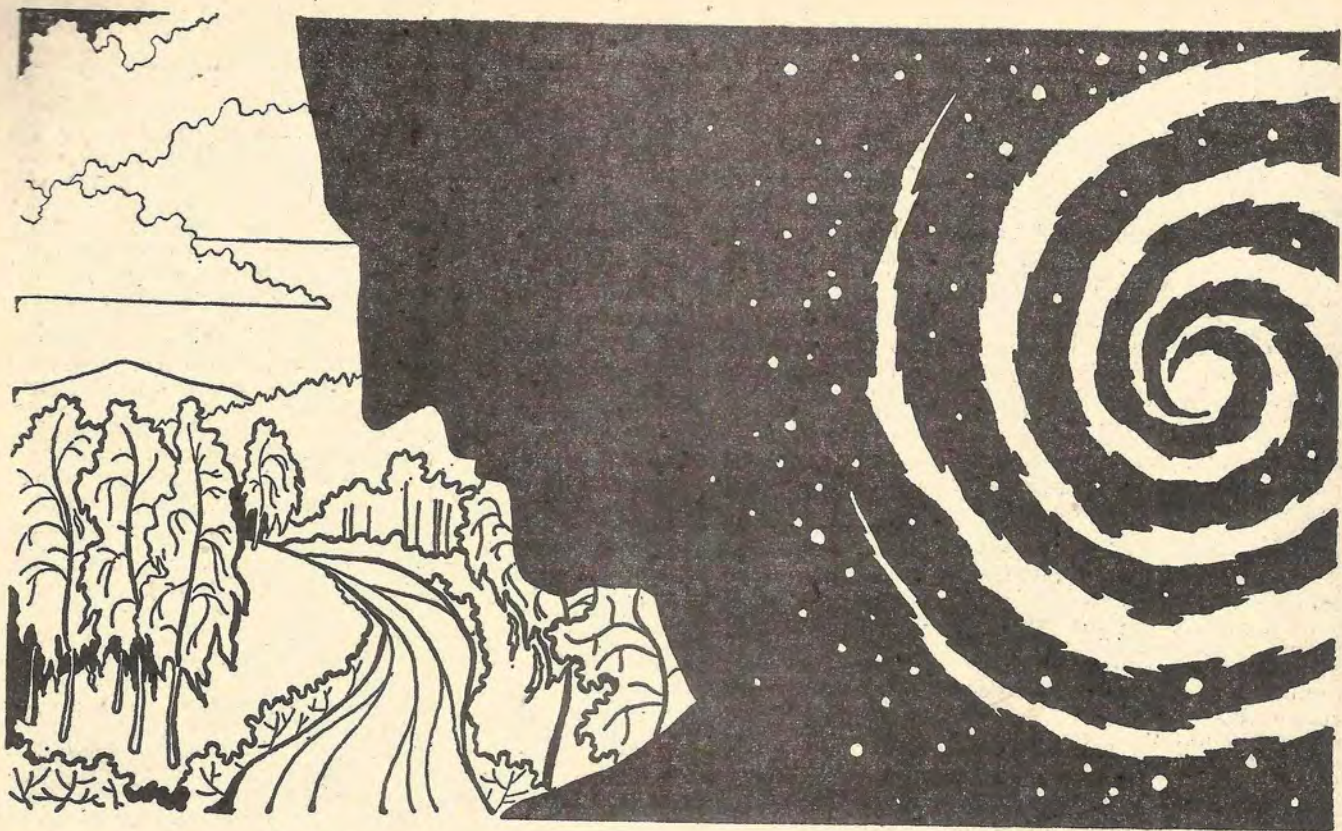
3. Словом, создать образцовый культурный питомник в Каракумах и на деле доказать, что может сделать советская научная агрономия и растениеводство.

4. В конце 1936 года в районе Репетекки должно быть приведено в порядок под нашим воздействием не менее 2000 га (документально доказанных).

5. Словом, обязуемся начать наступление на пустыню делом, а не только ботаническими исследованиями и подсчетом ресурсов.

6. К 1937 году, к весне (февраль-март) Репетек должен сделаться неузнаваемым. А через пять лет должны сказать: Каракумы приведены в порядок, и мы в сем деле участие приняли, в сем деле и наша доля немалая. Раньше пяти лет обязуемся из Каракумов не уходить, это *mini-pitium mini-pitium*».

Все присутствующие охотно подписали бумагу. Была ли это только шутка? Время показало, что нет.

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК

Фантастический роман

Семен
СЛЕПЫНИН

Рисунки
Н. Павлова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Видения

Видения! Неотступные видения страшных миров и эпох!.. Они непрерывно преследуют меня, мучают во сне. Второй день пытаюсь избавиться от них, отдыхая и набираясь сил на планете, так похожей на Землю.

Из окна хижины я вижу кусочек этой удивительной планеты: нескончаемые, нетронутые леса и гору с лысой вершиной. Скоро зайдет солнце, и я долго не смогу оторвать взгляда от величественного заката. А там — снова ночь... Снова беспокойный сон с назойливыми видениями. Даже сейчас, стоит прикрыть веки, перед глазами возникает наглая ухмылка палача и ученого Тибора, а в ушах слышится его торжествующий возглас: «Gal Gal Провокатор!».

Но больше всего меня смущает другое видение: приход из Вечности... Явление из небытия

капитана корабля Федора Стриганова. Ироническим словечком «явление» хочу пригасить тот первобытный страх перед иррациональными силами, какой испытал во время встречи с воскресшим капитаном. А надо описать эту встречу... Надо, если хочу вспомнить Вечную гармонию, в которой я был и память о которой подана.

Произошла эта встреча в Электронной эпохе — эпохе Тибора, Генератора вечных изречений и людей-полуманекенов.

В тот день я в качестве «provokatora» долго слонялся по всепланетному супергороду. Вернулся поздно и сразу же прилег отдохнуть. К моей досаде над дверью загудел зуммер.

— Войдите! Открыто! — с раздражением крикнул я.

Кто-то вошел и тщательно прикрывал дверь. Взглянув, я с удивлением обнаружил человека в нашей корабельной форме — в пилотском комбинезоне! Человек повернулся, и я мигом вскочил на ноги.

— Капитан! Федя!.. Откуда!

— Оттуда, Сережа, — капитан искривил губы и ткнул пальцем вниз. — Из-под земли. Из Вечной гармонии.

— Вечная гармония... — растерянно пробормотал я.

— Да. Не знаешь такую? Стерли память... Но она восстановится. Не может быть, чтобы ты забыл все. Например, Незнакомку. Помнишь беседы с ней там, на Луне?

— На Луне? — переспросил я, чувствуя подступающий холодок страха. — Постой, мы же тебя на Луне...

— Верно! Вы меня там похоронили! — почему-то обрадованно воскликнул капитан. — Видишь, все-таки кое-что помнишь!

Я невольно отшатнулся и к стыду своему промямлил что-то нечленораздельное.

— Прекрати истерику! — в голосе капитана зазвенели знакомые властные нотки. Смягчившись, он добавил: — Извини, Сережа. Давай лучше поздороваемся. Ну-ну, давай руку. Не бойся.

Собравшись с духом, я подошел ближе. Капитан сдавил руку с такой силой, что я поморщился. Это грубо материальное пожатие меня несколько успокоило.

— А теперь, Сережа, сядем и поговорим.

— Слушай, Федя, — попытался я улыбнуться. — Ты так сжал руку... Не призрак же ты? — Все же призрак, — с горькой усмешкой возразил он. — Я получил временный выход в мир живых. Вспышка жизни... Помнишь, на корабле перед заходом в Вечную гармонию?.. До того, как была стерта память?

— Помню. Какие-то привидения.

— Точно. Привидения. Вот и я такой же, братец.

— Слушай, капитан, — я снова сделал жалкую попытку улыбнуться. — Говори прямо.

— Придет время, и все вспомнишь. В общих же чертах Вечная гармония — общество давно умерших людей. Мертвецами легче управлять. Они не бунтуют... Вот уж где действительно гармония — абсолютная и вечная! И управляет ею — сам Сатана.

— Сатана? Ты все шутишь!

— Так его называет Незнакомка. Но чтобы не пугать тебя мистикой, буду называть его Диктатором... Не хочу утверждать, что в своих странствиях мы попали в будущее Земли. Нет, в этом пока не уверен. Еще не разобрался... Но только там, где мы побывали, человечество исчезло. Отрицание... Помнишь такой закон — отрицание отрицания? Так вот, в Вечной гармонии отрицание не полное, а в снятом виде... В виде призраков, загробных духов. Диалектика прогресса! В общем, наши уважаемые потомки, — тонкие губы капитана иронически искривились, — наши уважаемые потомки, если это они, несколько увлеклись прогрессом. Доигрались... Как сказал Иван, достукались.

— Достукались... Узнаю, так мог сказать только Ваня.

— Он и сказал. Как и вечная Незнакомка, Иван уверен, что все это результат истребления природы. Убита последняя птица, вытоптана последняя травинка... Остался в окружении техносферы голенький царь природы — человек. Вот тогда-то и явился новый царь — всеильный Диктатор. Отрицание человека... Пожалуй, Иван прав, хотя только отчасти. Вечная гармония — это предельная форма отчуждения человека в тоталитарном обществе. Прямо-таки апокалипсическая форма отчуждения, конец света, всеобщая гибель людей. Но по желанию Диктатора умершие, а точнее — их вечные двойники, иногда на короткое время материализуются.

— А зачем?.. — пробормотал я. — Материализация зачем?

— А хотя бы для контактов, — снова горькая усмешка. — Вот как я сейчас с тобой. Невидимый Диктатор может вступать в контакты с живыми людьми только таким путем, через посредничество своих слуг и рабов. Недавно он научился протыкать нейтринным лучом толщу времени в пятьсот лет. И вот я пришел к тебе. Материализовался за дверью в районе твоего биополя. Спросишь, зачем пришел? По заданию. Чтобы уговорить тебя вернуться. Бездарная Вечная гармония нуждается в творческих умах. Но вернуться добровольно. Добровольность — главное условие... Ты не делай этого, Сережа! Там тебя прикончат, и станешь, как все. Как я... А пояс? Энергетический пояс у тебя уже появляется?

— Иногда. Вот здесь, — откликнулся я и показал на талию.

— Ты должен помнить о поясе и капсуле. Это лучшее достижение Диктатора — чудо волновой микротехники. Твою личную капсулу программ-

рвала Незнакомка. Капсула у тебя особенная. Не такая, как у других членов экипажа. Пожалуй, в ней ты смело можешь лететь в будущее. Она домчится до Вечной гармонии и, не фиксируясь, рикошетом отскочит в сторону. Куда? Кто его знает! Незнакомка догадывается о другом мире и сходной планете. Но это может быть и какой-нибудь фантом.

— Фантом?

— Что-нибудь вроде этого. Вообще-то Диктатор фантомами не забавляется. Но он может...

Неожиданно капитан в беспокойстве вскочил с кресла. Встал и я.

— Заговорился... Надо уходить в Вечность...

Для отчета. Скажу, что ты еще не надумал, не решил... Поэтому надо еще не раз засылать капсулу. Мы с Незнакомкой переделали ее. Твоя личная капсула стала двухместной. Для чего? Вот тут к тебе моя главная просьба. Нет, не просьба. Приказ! Я командир экипажа, хоть и явился с того света. Поэтому приказываю... Слышишь, братец? Приказываю! Из Вечности вот так же на кончике нейтринного луча спустится твой враг. Для расправы. Он что-то подозревает... Ты его сразу вспомнишь, как только он возникнет в районе твоего биополя. Этаким толстомордый тип с лучевым пистолетом за поясом. Это доверенное лицо Диктатора, его лучший слуга. Ты его убери с моей дороги, замкни в капсулу. Вот так...

Капитан торопливо подошел. Я стоял в оцепенении. Одной рукой он обнял меня за талию, а другой сделал движение, будто нажимает переключатель эпох на энергопоясе.

— Рукой нужно обнять, чтобы истечением твоего биополя замкнуть вспыхнувшую капсулу вокруг «толстомордого». Ты не бойся — все предусмотрено... Как только капсула развернется, она перережет нейтринный луч, и «толстомордый» будет отсечен от Вечности. Отсечен. Понимаешь? Вместе с ним улетишь в прошлое, в первобытный век — там у Диктатора конечная станция во времени. И там ты сам расправишься со своим врагом. Через сто дней пояс-капсула снова вернется. По желанию можешь либо остаться в первобытном веке, либо совершить рейд. Куда? Вероятно, в мир-фантом... Но мне... Нет, не только мне! Ты окажешь услугу всему братству цивилизаций, всем планетам, населенным живыми обитателями. Я займу место «толстомордого» в высших сферах Вечной гармонии. Будет больше доверия у Диктатора... И взорву... Изнутри взорву! Вечная гармония разлетится вдребезги... Выполнишь приказ? Обещаешь?

— Обещаю, Федя. Твердо обещаю, хоть и не совсем...

— Ты все поймешь. Увидишь «толстомордого», все вспомнишь и поймешь.

Стриганов говорил торопливо и нервно, расхаживая по комнате. И вдруг замер. На лице его застыла гримаса отвращения и ужаса.

— Все. Сигнал... Диктатор зовет. Сейчас он погасит искорку жизни. Прощай, Сережа...

Капитан протянул руку и тут же исчез. В самом деле, будто погас... Вот так и погас с протянутой рукой.

Что это было? Сон? Галлюцинация?

Пожалуй, не сон и не галлюцинация. В этом я убедился на другой день. Утром, еще сонного, меня схватили подручные Тибора и увезли в камеру пыток. Крепко связанный, я сидел в особом кресле, от которого тянулись провода к столу — своего рода пульту управления палача. Стол усеян был кнопками, верньерами и светящимися приборами. Самый страшный из них — диагностер, регистрирующий внутренние кровоизлияния и переломы костей. Рядом подрагивал стрелкой квадратный индикатор боли.

Пришел Тибор, деловито уселся за стол. Взглянув на меня, торжествующе гоготнул:

— Gal Gal Провокатор!.. Хорош провокатор. Я догадывался, что ты пришелец, который ловко маскируется под провокатора. Но вот кто второй пришелец, как он явился и как исчез — для меня загадка. Думаешь, не знаю о нем? Знаю! Стены твоей квартиры зафиксировали второго пришельца. О чем вы с ним говорили? Молчишь? Ничего, у меня заговоришь: Тибор — это Тибор!

Тибор говорил о Федоре Стриганове. Явное доказательство, что приход воскресшего капитана — не бред, не галлюцинация...

Стрелка индикатора боли вздоргнула и поползла вверх, мою правую ногу пронизала нестерпимая боль. Почти теряя сознание, я нащупал под рубашкой энергопояс — подарок неведомого Диктатора. О поясе никто не знал. Передвинул переключатель эпох. Вспыхнуло холодное фиолетовое пламя: пояс развертывался в капсулу. Фиолетовое мерцание погасло, и меня окутало тахионно-фотонное поле в форме перетянутого посередине яйца. Прозрачного, как воздух. Для аборигенов эпохи я был уже невидим и неосязуем. Я просто перестал для них существовать, ибо очутился в сдвинутом, несовместимом времени. Но я какой-то миг видел все. Не без злорадства вспоминаю, как Тибор, обалдело заморгал глазами, усталился на опустевшем кресле...

Началась пульсация поля — словно взмахивали невидимые крылья. Птица-капсула вырвалась из эпохи на простор и теперь скользила во времени в поисках точки совмещения.

Мимо проносились тысячелетия. Я падал в прошлое... Падал стремительно, и ничего нельзя было разобрать в сером хаосе сменяющихся эпох и цивилизаций.

Наконец капсула нащупала свою точку. Наступил торжественный момент — фиксация в запрограммированной эпохе, стыковка. Произошла она ночью. Короткая вибрация поля, и капсула вспыхнула, развернув свои огненные крылья.

Когда фиолетовое пламя погасло, капсула свернулась в энергопояс. Щекотнув под рубашкой, он тут же исчез, растворился в Великом Ничто — в вакууме. Со слов капитана я знал, что пояс улетел в будущее, в Вечную гармонию. Для аккумуляции энергии. Через сто дней он вернется.

Я лежал на левом боку, рассматривая сквозь гермошлем приютивший меня мир. Спина упиралась во что-то твердое. Камень? Обернулся и в темноте увидел сизый, туманно светившийся ствол березы. На лесную прогалину пробивался сверху дымный, лунный свет. Я сразу почувствовал доверие к этой планете, смело откинул на спину гермошлем и вдохнул свежий ночной воздух, насыщенный лесными ароматами.

Встал и, хромая, побрел наугад. Плазменный излучатель держал наготове. Им же освещал дорогу. Выбрался на посеребренную лунной поляну. На краю ее притулилась к могучей сосне хижина. Я открыл скрипнувшую дверь, осветил. В хижине было пусто. Я повалился на нары и проспал до утра.

Так я поселился в этой давно заброшенной избушке. Сейчас сижу перед окном за дощатым, посереженным от времени столом. Передо мной — цветной портрет Элоры. Портрет, большой блокнот и авторучка — все, что осталось от Электронной эпохи. На вырванных из блокнота листах пытаюсь писать воспоминания.

Смешно сказать — воспоминания. О самом главном — о Вечной гармонии с ее загадочным Диктатором — ничего решительно не помню. Как ни вглядываюсь в черный колодец памяти — ничего... Одни только видения и назойливые мысли о фантомах.

Вчера утром, пока варилась уха, я не раз осматривался, с удовольствием вдыхая запахи трав и хвои. Не планета, а курорт. Странная планета, очень странная... Самое непонятное в ней то, что она слишком понятна. Поляну окружали знакомые с детства сосны и березы. На огромной раскидистой сосне, подпиравшей хижину, мелькал рыжий хвост белки. В глухой чащобе гулко барабанил дятел, а леса звучали, как орган, — их наполняли струнные песни синиц.

Если бы это была Земля!

Мысль о фантомах гвоздем засела в голову. Правда, временами — это бывает все чаще и чаще — мне кажется, что капитан ошибался. Фантоматические способности Диктатора, вероятно, огромны. Но достаточны ли они, чтобы создать такое правдоподобие? Нет, сейчас я почти уверен, что капсула закинула меня в реальную эпоху.

Через сто дней вернется капсула, чтобы переместить меня сквозь тысячелетия в эпоху Тибора. Я могу пренебречь ее зовами... И в самом деле: чем шататься по шумным и опасным вершинам цивилизации, не лучше ли навсегда остаться здесь, у ее истоков, вот в этом тихом закутке истории?

Но приказ! Я обязан выполнить волю капитана. Только в эпохе Тибора может состояться встреча с таинственным гостем из Вечности — «толстомордым». Он придет из загробного мира!

Ко мне снова протягивают холодные щупальца смутные образы, видения и... страх! Неприличный, суеверный страх. Я пытаюсь освободиться от его липких пут, стараюсь хоть что-нибудь вспомнить о проклятой Вечной гармонии. В конце концов, не традиционный же это поповский ад с чертями и грешниками, с таинственным Сатаной во главе! Имеет же эта «гармония» какое-то материалистическое объяснение...

Нет, так дело не пойдет. Если хочу серьезно вспомнить Вечную гармонию, эту мусорную яму прогресса, я должен начать с начала. Буду излагать свои скитания в четкой последовательности событий. Это поможет моей памяти. А начну, пожалуй, с середины нашего межзвездного полета. Но это завтра. Сейчас уже поздно. Да и закат, великолепный закат то и дело отвлекает меня. Леса на западе оранжево плавятся и горят, как на гигантском костре.

...В хижине темнеет. Гаснет закат. На небе выступают все новые и новые звезды, словно кто-то невидимый раздувает тлеющие угли. Услужливое воображение настраивается на воспоминания о нашем полете. Сижу в хижине, а мысли мои гуляют уже там — среди звезд, в великой тишине мироздания...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Черная аннигиляция

В великой тишине мироздания... Нет, не такая уж это мирная тишина. Полная грозных неожиданностей и опасностей, она не располагает к спокойным и торжественным мыслям о величии звездных сфер.

Раздумывая, с чего начать повествование, я встряхнул перо. Упала капля. На бумаге вспыхнула жирная и черная клякса. Своей чернотой и формой она миглом напомнила страшный беззвучный взрыв в пространстве и испуганный крик Малыша:

— Черная аннигиляция!..

Пожалуй, с этого взрыва и начались наши злоключения.

Наш звездолет «Орел» стартовал с Камчатского космодрома 20 июля 2080 года. Мы должны были исследовать планетную систему звезды Альтаир в созвездии Орла и отработать в полете новый гравитонный двигатель.

От Земли до Альтаира — шестнадцать световых лет. Двадцать лет корабль летел с околосветовой скоростью, управляемый ЭУ — элек-

тронным универсалом. Почти все это время мы спали, охлажденные в гипотермическом отсеке.

После окончательного пробуждения жизнь на корабле вошла в обычную колею. Утром по привычке мы собрались в звездной каюте — просторной пилотской кабине с пультом управления и огромной прозрачной полусферой.

Планетолог Иван Бурсов, поглаживая темную бороду, хищно высматривал, кто меньше занят, с кем бы он мог поговорить на философские темы. Это его слабость. Некоторое время он кружился надо мной, как коршун над цыпленком. Я отмахнулся от него: занят.

Сейчас свободен был только инженер Николай Кочетов. Влюбленный в гравитонную технику и равнодушный к философии, инженер наименее интересный собеседник для Ивана. Но все же Бурсов сел рядом с ним и начал расхваливать гравитонный двигатель.

— Ты подожди, Иван, восторгаться, — возразил Кочетов. — Мне тоже наш мотор нравится. Но кое-что проверено только в лабораториях. В частности, нам сегодня надо удалить выгоревшее топливо. А что это значит?

Инженер с удовольствием начал рассказывать о новом двигателе. В корме корабля находится рабочее вещество — многотонный шар из свинца. Под воздействием специфической структуры полей свинец выделяет ураганную энергию в виде гравитационного излучения. Гравитоны, летящие, подобно фотонам, со световой скоростью, отталкиваются от чашеобразного отражателя и создают реактивную тягу.

— И вот тут-то начинаются чудеса, — с подъемом продолжал инженер. — Рабочее вещество выгорело. Свинцовый шар, лишившись гравитонов, стал невесом. Его масса равна нулю. На земле он казался бы легче пушинки. Ты думаешь, такой свинец непригоден как топливо? Ничего подобного! Перестройка полей, и невесомый свинец начал выделять... Что, по-твоему? Опять же положительные гравитоны! Теряя гравитоны, нулевой свинец становится веществом с отрицательной гравитационной энергией и массой...

Занятый прокладкой трассы, я краем уха прислушивался к разговору и старался подавить безотчетную тревогу. Дело действительно новое, проверенное только в земных лабораториях.

Вечером наш «гравитонный инженер» менял рабочее вещество. Выгоревший свинцовый шар он удалил из двигателя и прикрепил силовой паутиной к днищу служебной ракеты. Удалившись на триста километров, ракета должна повернуть налево, описать длинную полуокружность и вернуться к кораблю сзади. Но перед этим инженер обязан был на дальней дуге полуокружности избавиться от опасного свинцового шара.

Случилось непредвиденное. При повороте силовые пути разорвались, и оголенный свинцо-

вый шар, лишившись предохранительного сферического поля, начал сближаться с ракетой. Видимо, Кочетов растерялся. Мы видели, как ракета судорожно отскочила в сторону, чего делать не следовало ни в коем случае. Шар не только не отставал, а буквально погнался за ракетой и вскоре прилип к ее корпусу. А затем... Вот здесь-то и раздался испуганный крик Малыша, — так мы звали бортинженера Ревелино:

— Черная аннигиляция!..

Да, это была аннигиляция. Но не та, которая получается при уничтожении вещества и антивещества и которая сопровождается ослепительной вспышкой, выделением огромной энергии. Почти все наоборот. Заряженный отрицательной гравитационной энергией свинец и обычное вещество ракеты, соединившись, мгновенно, взрывоподобно исчезли, аннигилировали, обратившись... Во что? Во всяком случае, не в энергию.

Сквозь купол каюты мы увидели на привычном звездном небе внезапно возникшую зияющую бездну. Будто разорвалось само пространство. Это был угольный провал в Ничто...

И сразу мир исчез. Вселенная рухнула. Ни звезд, ни туманностей — ничего. Густая, как нефть, непроницаемая тьма. Сознание у всех померкло... Мы словно погрузились в небытие — и в тот же миг вынырнули.

— Что это было? — спросил вскочивший на ноги Бурсов. — Где мы?

Кто ему мог ответить? Еще ни один астронавт не попадал в такие переплеты...

Дня через три мы опять все были в сборе в звездной каюте. Иван и Ревелино, как всегда, перебрасывались шутками и беззлобными колкостями.

Малыш почти совсем оттеснил планетолога от астротелескопа. И вскоре мы услышали от него такое, что удивило нас и обрадовало.

— Иван! — Малыш обернулся к планетологу с насмешливой физиономией. — Ты сколько планет насчитал вокруг Альтаира? До аннигиляции.

— Пять.

— И все лишены жизни?

— Ну да, — насторожился Иван, чувствуя подвох. — А что?

— Эх, горе-планетолог, — вздохнул Малыш. — Всего три планеты. И на одной из них высоко-развитая цивилизация.

Все вскочили и бросились к астротелескопу. Ревелино не шутил: мы увидели третью от светила планету, похожую на апельсин с ярко освещенным оранжевым боком. Растительность — желто-зеленая. Небольшие, но многочисленные моря соединились слюдяными лентами каналов. Каналы опоясывали всю планету и имели характерную деталь — перемычки. Не то дамбы, не то мосты. А скорее всего города-мосты, так как на ночной стороне планеты перемычки светились.

Да, планетолог крепко просчитался.

— Как же ты проморгал такую планету? — добродушно усмехнулся капитан.

— Не понимаю, — оправдывался Иван. — Было пять безжизненных планет...

Планетолога заклевали насмешками: на корабле царила атмосфера дружеских подзадориваний, шуток и розыгрышей. Она сохранялась всегда. Даже после встречи с разумными обитателями оранжевой планеты... Нет, никаких недоумений и конфликтов не было, хотя встретили нас необычно.

Корабль, захваченный силовыми щупальцами, мягко посадили в центре циклопического диска спутника. Диск висел над оранжевой планетой с голубыми прожилками каналов. Над нашим кораблем неожиданно раскинулся серебристый купол.

Приборы показывали, что под куполом земной состав атмосферы. Мы вышли из корабля, но никто нас не встретил.

Наконец появились представители планеты. Их было двое. Отличались они от нас невысоким ростом, более гибкими в плечах руками. Их выразительные лица были бы красивы, если бы не полное отсутствие волос на голове. Еще одна особенность: между корпусом и руками иногда появлялась перепонка, и обитатели планеты могли перелетать на короткие расстояния.

Встречающие подпорхнули на своих руках-крыльях к дешифратору и заговорили между собой. Их речь напоминала щебетание птиц. Один из них приветливо улыбнулся нам и назвал себя.

— Чеи-Тэ, — так примерно перевел имя дешифратор.

— Федор Стриганов, — отозвался капитан.

После знакомства наш планетолог развернул светящуюся астрономическую карту. Тан-Чи — спутник Чеи-Тэ — забраковал ее, сказав, что она неточна. Это нас удивило.

Чеи-Тэ подошел к стене и нажал кнопку. Купол над нами засверкал мириадами звезд. Мы сравнили нашу карту с этой звездной сферой и нашли ряд больших расхождений в расположении и конфигурации созвездий.

— Не надо забывать, — прошептал нам капитан, — что мы побывали внутри чертовой аннигиляции, в этом крошечном аду времени и пространств...

Чеи-Тэ, ткнув лучиком-указкой в звезду, которую мы называем Альтаиром, сказал:

— Это наше светило — Руанда... А это наша планета — Таиса.

Мы узнали, что Таиса входит в содружество двадцати ближних населенных планет. Разумные обитатели этих планет сильно отличаются друг от друга.

— Во всяком случае более сильно, чем мы с вами, — с улыбкой продолжал Чеи-Тэ. — Есть поблизости еще одна планета, которая для нас и

всего содружества является неприятной загадкой. Вот жители этой планеты похожи на вас. Просто поразительно похожи! Но мы уверены, что вы с неизвестной планеты, еще не вошедшей в общее братство. Будем рады принять вас у себя... А теперь расскажите о себе. Откуда вы? Вероятно, с очень далекой звезды?

— Не очень далекой, — возразил капитан и показал на Солнце. — Вот она.

Чеи-Тэ и Тан-Чи растерянно переглянулись и зашебетали на своем птичьем языке. Дешифратор в это время молчал. Потом снова заработал, и мы услышали, как Чеи-Тэ смущенно проговорил:

— Извините за небольшое совещание. Мы не ожидали... Мы не учли эффект времени. Наши приборы зарегистрировали гравитационный взрыв. Не коснулся ли ваш корабль зоны взрыва?

Капитан коротко рассказал о случившемся.

— Да, так и есть, — таисянин кивнул головой. — Громадный сдвиг во времени. В ваше отсутствие на планете произошли непонятные социальные изменения.

— Какие изменения? — встревожился Иван.

— Вероятно, значительные, — Чеи-Тэ долго и сочувственно смотрел на нас, а потом решил: — Ваша планета как раз и есть та единственная в известной нам части Вселенной, где обождалась технически могучая, но враждебная космическому братству цивилизация.

— Ну, нет! — воскликнул Иван. — Уже в наше время, в двадцать первом веке, почти все страны Земли встали на путь гармоничного общественного развития!

— Но прошло столько времени, — сказал Чеи-Тэ. — Возможно, тысячелетия... Мы пытались наладить дружественный контакт с этой планетой. Ничего не получилось... Кстати, Тан-Чи участник той экспедиции.

— Около пятидесяти лет назад, — начал рассказ Тан-Чи, — наша экспедиция в составе трех кораблей приблизилась к границам системы. Посланные на разведку беспилотные автоматы отскочили от невидимой бронированной стены вот здесь, — Тан-Чи очертил вокруг Земли и Луны большую окружность. — Это было сферическое защитное поле неслыханной энергетической напряженности. Два корабля подошли почти вплотную к сфере. И тут случилось невероятное: жители планеты напали. Не было никаких космических кораблей или беспилотных средств нападения. Просто люди появлялись в самых неожиданных местах. Возникали из ничего, проникали через любые преграды, не боялись никакого оружия. Сожженные лучевым ударом, возникали вновь. Нет, эти чудовища не убивали. Они стремились взять нас в плен. Им удалось захватить первый корабль. Второму кораблю, на котором находился я, чудом удалось вырваться.

Мы молчали, подавленные столь неожиданной вестью о нашей планете.

— К сожалению,— закончил Тан-Чи,— больше ничего добавить не могу. Планета держится в строгой самоизоляции. А своей агрессивностью доставляет немало хлопот космическому содружеству.

Таисяне предложили нам не возвращаться на Землю и поселиться у них навсегда. Но мы решили лететь на родную планету.

Несколько дней знакомились с таисянской цивилизацией — своеобразной и высокоразвитой. Особенно далеко шагнула у них техника звездоплавания. Их корабли передвигались со скоростью, многократно превышающей световую. Они умели «съедать» пространство, трансформируя его во время. Таким способом таисяне по нашей просьбе забросили «Орел», словно катапульты, к окраине Солнечной системы.

Дальше наш корабль шел самостоятельно, на планетарных двигателях. За орбитой Плутона я впервые почувствовал чье-то незримое, надеждливое присутствие. Будто кто-то невидимый наблюдал за мной. Спиной, всеми порами тела я так и ощущал липкий, изучающий взгляд. Нервы мои были взвинчены.

Однажды я сидел в своей каюте спиной к двери. Тишина. Внезапно дверь зашелестела, точно ее открывал сквозняк. Я резко обернулся. Из коридора высовывалась толстая физиономия, которая тотчас скрылась или... растаяла.

«Померещилось,— подумал я тогда.— Нервы. Этого еще не хватало».

Но вечером того же дня в звездную каюту вбежал испуганный Ревелино.

— Ребята! — крикнул он.— В моей каюте кто-то был. Кто-то не наш!

— А я,— вмешался вдруг молчаливый биолог Зиновский,— когда подходил к своей каюте, услышал там шорох. Быстро отырыл дверь...

— И что же? — строго спросил капитан.

— Ничего,— смутился биолог.— Никого не оказалось.

— Психи. Наслушались от таисян всякой чертовщины,— и властным голосом капитан потребовал:— Запрещаю на корабле всякие разговоры о привидениях, о чертах и ведьмах.

Иван расхохотался. Благодушно поглаживая бороду, он сказал:

— Прости их, капитан. Нервные барышни. Мне вот никакие ведьмы не снятся.

Однако на другой день утром планетолог пришел в звездную каюту раньше обычного. И не развалился, как всегда, в кресле, а ходил из угла в угол и озадаченно теребил бороду. «Да-а... Феноменально»,— еле слышно бормотал он.

— Капитан,— наконец заговорил Иван, остановившись.— Можешь называть меня как угодно. Но я сегодня ночью видел...

— Кого же это? — нахмурился Федор.— Во сне?

— Мне не снилось! Ночью я проснулся и слышал за моим столом шелест страниц. Настольная лампа светилась. Я обернулся и увидел в кресле за книгой девушку или молодую женщину. Красивую ошеломляюще...

— Так, так,— проговорил капитан.

— Ты подожди, слушай,— оживился планетолог.— Ничего подобного еще не встречал. Я видел ее всего секунду. Она была... Поймай, вспомню. Она была в темно-синем... Нет, в светлом синем с блестками платье. Густые черные волосы и большие темные глаза... Когда я обернулся, она взглянула на меня со странной улыбкой и тотчас исчезла. Просто растаяла в воздухе...

— Значит, растаяла! — брови Федора хмурились все более грозно.

Не на шутку рассердившись, капитан ушел к себе в каюту. Вскоре, однако, вернулся и швырнул на стол фундаментальное «Нейтрино и время». Виновато взглянув на нас, сказал:

— Вы правы, братцы. В моей каюте тоже кто-то был, читал вот этот устаревший труд.

— Феноменально! — торжествовал Иван.— Что? Убедился? А кого ты видел?

— Не ее,— усмеянулся капитан.— Я вообще никого не видел. Когда открывал дверь, слышал грохот опрокинутого кресла. Слово кто-то поспешно вскочил. Вошел — в каюте пусто. На книжной полке беспорядок.

— Что это все значит? — спросил я капитана.

— Думаю, что для волнений нет причины,— сказал Федор.— Если бы они хотели убить нас или взять в плен, то давно бы сделали это. Присматриваются, изучают, прежде чем вступить в контакт... И потому прошу не увлекаться никакими эксцессами! Не обращайтесь внимания. И строго выполняйте установленный порядок.

Однако утром следующего дня порядок грубейшим образом нарушил Иван Бурсов: он не явился на спортивный час. По насупленным бровям капитана было видно, что планетолога ожидает не очень-то приятный разговор.

Не пришел Иван и в звездную каюту, что не на шутку всех встревожило...

Мы нашли планетолога в его каюте. Крепко скрученный простынями, он был привязан к койке. Во рту торчал кляп — кусок губчатой подушки, засунутый с такой силой, что я еле вытиснул его. Мальш в это время развязал Ивану.

Бурсов встал. Он был в такой ярости, что не мог вымолвить ни слова, а только беззвучно шевелил губами и сжимал кулаки. Под правым глазом красовался синяк.

— Кто это тебя так разделал? — нахмурился капитан.

— Черт возьми! А я почему знаю? — взорвался наконец Иван.

Капитан жестом хотел остановить разбушевавшегося планетолога. Но из того проклятия сыпались, как горох из разорванного мешка.

— Да скажешь, наконец, что здесь произошло!? — повысил голос Федор.

Окрик капитана подействовал. Бурсов успокоился.

— Ночью я пытался бодрствовать, делая вид, что сплю. И все же задремал по-настоящему. Когда очнулся, оказалось, что лежу на животе и за спиной кто-то связывает руки. Повернуть голову и посмотреть не успел. Хотел крикнуть, но он воткнул подушку с такой силой...

— Он, он! — капитан сделал нетерпеливый жест. — Кто — он?

Однако Иван не мог дать вразумительного ответа...

— Может быть, вернемся к таисьянам? — осторожно предложил Зиновский, когда мы сидели в звездной каюте.

— Не будем терять надежду на взаимопонимание, — ответил капитан. — Но никаких эксцессов. Слышите, братцы? Никаких эксцессов!..

Дальше случилось что-то непонятное. Сквозь купол каюты мы заметили, как защитная сфера, до которой было еще далеко, слегка засветилась. От нее протянулись змеисто извивающиеся языки — протуберанцы. Они захватили наш корабль в силовой мешок.

Вот и все... Я свободно вызывал свои воспоминания о том, что было до захвата, и они проплывали перед моим умственным взором последовательно и четко, как войска на параде. Даже сейчас, прикрыв глаза, я снова вижу капитана и слышу его властное требование: «Никаких эксцессов!..» А дальше я, словно споткнувшись, останавливаюсь перед внезапно возникшей пропастью забвения.

А эксцессы и конфликты, видимо, случались и после предупреждения капитана. Об этом говорит шрам на моей левой щеке. Вообще все мы там пришли, очевидно, не ко двору. Ведь не меня же одного «наши уважаемые потомки» вышвырнули, как котенка, из своего таинственного будущего?!

Не знаю, где сейчас остальные члены экипажа. Что же до меня — я попал в эпоху Электронной гармонии. В эпоху, которая непосредственно примыкает к загадочной Вечности. Для ее аборигенов я — чужак, опасный пришелец...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пришелец

Вокруг меня вспыхнуло холодное фиолетовое пламя. «Капсула», — мелькнула мысль. Пламя погасло, и капсула свернулась в цекотнувший на талии пояс, который сразу исчез.

Я лежал на сухой траве. В ночной тьме глухо шептались деревья. Где я? Откуда я? Мысли походили на клочья тумана, ползущие медленно и тягостно. С тревогой обнаружил, что думаю не только на русском, но и еще каком-то языке. Догадался: язык коренных обитателей эпохи... Сознание медленно прояснялось.

Встал на ноги и увидел на себе вместо пилотской формы неудобный и крикливый костюм из синтетики. Пошатываясь, побрел наугад. Жиденький лес быстро кончился. Вдали мириадами огней светился многоэтажный город. Что-то чуждое было в этом сверкающем исполине, и я повернул назад. Не прошел и километра, как вновь очутился на опушке. И вновь безумная пляска огней.

Дальнейшее помню смутно. Каким-то образом оказался в городе, в его гигантском полыхающем чреве. Везде двигались, кружились, бесновались разноцветные холодные огни. Едва угадывались очертания высоких, этажей в сто, зданий. Они были оплетены вертикальными, наклонными и в основном горизонтальными слабо мерцающими, будто бы и не материальными вовсе, лентами. На лентах — силовых транспортных эстакадах — лепились кресла и сферические кабины. Из кабин выходили люди и перебежали на соседние движущиеся ленты. Я спросил одного спешащего субъекта насчет гостиницы или отеля. Тот на миг остановился, посмотрел на меня с недоумением и испуганно прошмыгнул мимо. В чем дело? Я же говорю на языке аборигенов. Видимо, что-то делаю не так?

Устало сел в кресло, и оно понесло меня в неизвестном направлении. Случайно нажал в подлокотнике кнопку. Вокруг кресла засеребрилась сфера-экран. Замелькали стереокадры. Сначала ничего не понял — настолько чужды и экстравагантны оказались обычаи эпохи. Присмотрелся. В похотливых судорогах извивались люди с инстинктами насекомых... Какие-то сражения в космосе... Это был сексуально-приключенческий фильм. Такой пошлый, что я тут же выключил сферу.

С ощущением голода вошел в какое-то заведение — нечто среднее между рестораном и дансингом. Высокий просторный зал напоен ровным и нежным светом. После огненного безумия улицы здесь приятно отдышал глаз. Да и толпы не было. Круглые столики почти пустовали.

Предусмотрительно выбрал столик, за которым сидела молодая пара. «Буду делать то же, что они», — решил я. Те ковыряли рыхлую розоватую массу изящными лопаточками, которыми пользовались как ножом и вилкой.

Бесшумной танцующей походкой подскочила официантка — странная девица с голыми до плеч руками и приятным улыбающимся лицом. Станным было, что ее сахарно белые руки, лицо и даже рыжеватые волосы едва заметно мерцали.

— Что принести? — спросила она.

— То же самое, — кивнул я в сторону соседей.

Официантка, мило улыбнувшись, ушла, а я приглядывался к соседям. Их гладкие, без единой морщинки, лица были невыразительны. Изредка, когда они смотрели на меня, в равнодушных и скучных глазах мелькало удивление.

Девушка принесла фужер голубой жидкости и брусок розоватого студня — какого-то синтетического блюда. Я расковырял его лопаточкой и осторожно отправил один кусок в рот.

Сосед тем временем вытаскивал из кармана пульсирующий шарик, из которого к протянутой руке официантки скакнули искры — электронные сигналы.

Что это? Деньги? А чем буду расплачиваться я? Пошарил в своих карманах. Шарика нет. Зато нащупал прямоугольную пластинку, уместившуюся в ладони. С пластинки глянуло объемное и светящееся изображение моего лица. Под портретом какие-то знаки и надпись: «Грионы — хранитель гармонии».

Словно невзначай я открыл ладонь и показал пластинку официантке.

— Хранитель! — воскликнула та. — Вам надо было сразу показать карточку.

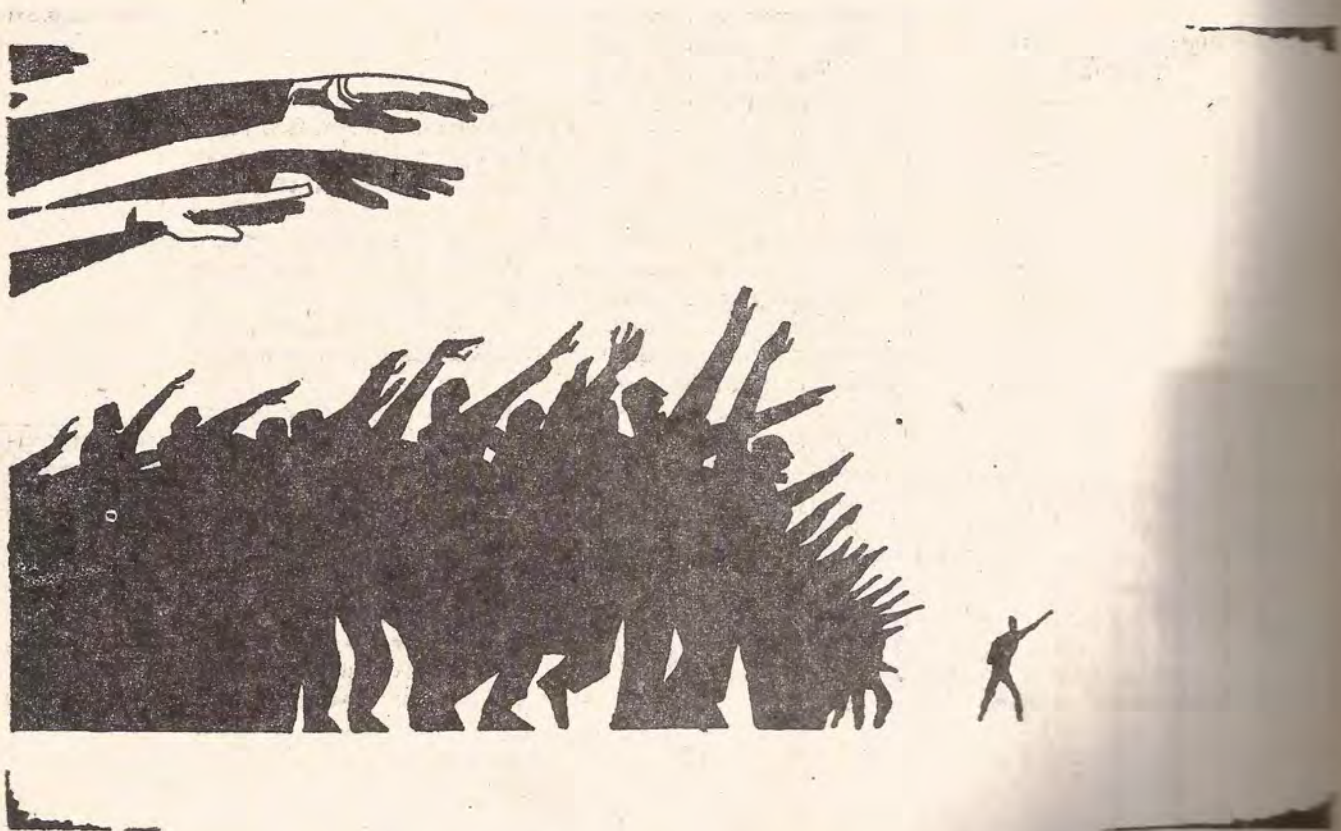
При слове «хранитель» соседи взглянули на

меня с испугом и почтением. «Ого, — подумал я. — Здесь я, видимо, важная птица».

А девушка еще раз улыбнулась и вдруг, — очевидно, в честь моей персоны — взорвалась, осыпав столик брызгами разноцветных искр. От неожиданности я вздрогнул. А мои соседи захихикали, довольные увеселительным трюком. От девушки остался безобразный металлический каркас, опутанный тонкими проводами. Это был светоробот! Повернувшись, скелет зашагал в служебное помещение заряжаться энергией.

Спать... Очень хотелось спать. Я долго скитался по передвижным эстакадам, пытаюсь выскочить за город и выспаться в той роще, где произошла фиксация, стыковка с эпохой. Но рощи не нашел. Наконец до того утомился, что готов был приткнуться под кустом в каком-нибудь парке. Однако супергороду, видимо, не полагалось иметь садов и парков. Здесь вообще не было ни одного деревца, ни одной травинки. Ничего живого, кроме машиноподобных людей.

Это испугало меня. Охваченный минутной паникой, я заметался, как птица, попавшая в клетку. Зачем-то спустился под землю, где с большой скоростью проносились бесчисленные поезда. Потом взлетел на самый верх огромного здания. Оно соединялось стометровой движущейся

дугой-эстакадой с верхними этажами такого же дома-гиганта. С высоты этой футуристической параболы попытался рассмотреть окраину города. Но сверкающему урбаническому морю не было границ.

Снова спустился вниз, на самый глубокий уровень подземных дорог. В лабиринте безлюдных боковых коридоров нашел укромный темный угол. Свалился в изнеможении и заснул.

Когда проснулся и поднялся на улицу, мне показалось, что проспал целые сутки и что сейчас ночь. Город все так же ослеплял, рассыпаясь разноцветными искрами. Только народу было больше.

Я взобрался на знакомую верхнюю дугу и в чистом небе увидел полуденное солнце. Люди прятались от него в электронных кабинах.

На трех просторных площадях, расположенных поблизости, заметил памятники. По-видимому, одному и тому же человеку. Каменные или металлические изваяния стояли в одинаково горделивой позе.

Я подошел к постаменту и прочитал надпись: «Болезней тысячи, а здоровье одно». Сначала подумал, что это памятник выдающемуся ученому-медику. Но странное поведение аборигенов заставило засомневаться.

Люди, проходя мимо истукана, останавливались, вытягивались в струнку, вскидывали правую руку вверх и старательно кричали:

— Ха-хай! Ха-хай!

Я не только не последовал их примеру, но и небрежно держал руки в карманах. Не подозревал, что совершаю ошибку, что электронный город буквально вцепился в меня десятками искусно запрятанных глаз-объективов. Он наблюдал за мной потом весь день, куда бы я ни отправился. Все новые и новые глаза города следили за мной и передавали информацию о моем необычном поведении в БАЦ — бдительный автоматический центр. Об этом я узнал много позже. Тогда я просто стоял перед памятником, глубоко задумавшись. Ничего не понял, вернулся и зашагал к светящемуся переплетению лент. А за спиной то и дело слышались возгласы: «Ха-хай!».

Долго скитался по городу. Сидя в удобных креслах, бесцельно перемещался с яруса на ярус и думал о том, как свикнуться с новой эпохой, как найти в ней свое место.

Первые впечатления — безотрадные. Человек, конечно, животное общественное и живет в тесной среде себе подобных. Но такая многоэтажная толпа не могла бы и присниться.

Толпа отличалась удивительной разобщенностью. Толпа одиночек... Впрочем, люди не казались усталыми или озабоченными. Напротив, их лица, бледные из-за отсутствия загара, выглядели сытыми и бездумно счастливыми. Между собой они говорили о пустяках — о новых силиконовых перчатках, только что просмотренном в кабине фильме — очередном секс-детективе. Лишенная всякой образности, речь аборигенов была унылой и плоской.

Да Земля ли это? Может быть, совсем другая планета, лишь похожая на Землю? Может быть, таинственные потомки, выкинув из своей не менее таинственной Вечной гармонии, переместили меня не только во времени, но и в пространстве?

У меня был надежный способ проверки — звездное небо.

Ночью я забрался на самую высокую в этой части города параболу. К моему неожиданному счастью, с параболической эстакадой что-то случилось. Она остановилась, огни погасли. Люди, лавируя в темноте между оголившимися креслами, расходились по соседним передвижным дугам.

На середине заглохшей эстакады я с облегчением вздохнул. Удобно расположился в мягком кресле. Здесь, кстати, можно прекрасно выпастись. Положил голову на спинку кресла и с волнением взглянул вверх, ожидая увидеть иной, чем на Земле, огненный рисунок неба. Однако первое, что бросилось в глаза, — красавец Лебедь. Широко раскинув могучие звездные крылья, он миллионы веков летел вдоль Млечного пути. Рядом знакомое с детства созвездие Лиры во главе с царицей северного неба — Вегой. А вот, кажется, Геркулес, взмахнувший палицей. Правда, Геркулес казался не таким, каким он должен выглядеть с Земли. Да и другие созвездия изменили свои очертания. В чем дело? Прошло, видимо, не так уж много лет. Тысяча, ну, две тысячи... Этого времени недостаточно, чтобы звезды ощутимо переместились.

Незаметно заснул. Проснулся, когда одна за другой стали таять льдинки звезд. Глядя на сереющее небо, начал вспоминать планету моей юности, с грустью ворошить пепел перегоревших дней.

Задумавшись, не заметил, как в утренних сумерках (дуга еще не светилась) приблизились два человека. Один из них, тот, что был пониже, спросил с ехидным любопытством:

— Звездами любуешься?

— Допустим, — ответил я, не в силах унять нарастающее раздражение.

— А может, еще и стихи сочиняешь?

— Хотя бы и так! — гнев, необузданный гнев вдруг захлестнул меня. — А вам чего надо?! Чего?!

— Таких вот и надо, — спокойно сказал вто-

рой человек, высокий и худой, склонившийся надо мной наподобие вопросительного знака. В правой руке он держал оружие, похожее на пистолет. Только вместо дула на меня глядела узкая горизонтальная щель.

— Пойдешь с нами, — продолжал высокий. — Попытаешься бежать, отсечем вот этой штукой ноги.

Я выхватил из кармана чудодейственную пластинку и сунул ее длинному под нос. Тот отшатнулся и чуть не выронил оружие.

— Саэций, смотри! — воскликнул он. — Карточка... Выдана самим Актинием.

Взглянув на карточку, а затем на меня, Саэций ответил:

— Карточка Актиния. Но я этого типа не знаю, хоть и работаю у Актиния много лет.

— Вот что, — подумав, сказал высокий. — Отведем его к Актинию. Пусть он сам разберается.

В трехместной кабине мы подъехали к высокой двери. На левой стороне багрово светилась надпись: «Институт общественного здоровья». Справа переливался и вспыхивал разноцветными искрами все тот же загадочный афоризм: «Болезней тысячи, а здоровье одно».

Меня ввели в большую комнату. За столом, наклонив рыжеволосую крупную голову, сидел человек и читал книголенту. Сутуловатый, с квадратными плечами, он своим телосложением заметно отличался от изнеженных обитателей города.

— Тибор! — обратился к нему один из моих конвоиров. — Актиний на месте?

— Там, — кивнул он на дверь и поднял голову.

Меня словно что-то кольнуло: его круглое лицо с мясистым носом и квадратной нижней челюстью показалось до ужаса знакомым. Но где я его видел? Во всяком случае не здесь, не в этом городе...

— А этого интеллектуала к кому привели? Ко мне? — спросил он с ухмылкой. Неприятнейшая ухмылка! Улыбался только его рот, а глаза смотрели на меня холодно, словно прицеливаясь.

— Еще не знаем, — ответил Саэций. — Это очень странный интеллектуал. О его поведении нам просигналил БАЦ. И знаешь, где его взяли? На погасшей верхней эстакаде. Он смотрел на звезды и сочинял стихи.

— Звезды? Стихи? — с веселым удивлением переспросил Тибор и загоготал, а потом, выразительно повертев указательным пальцем около своего виска, разочарованно протянул: — А он не того?..

— Нет, он не сумасшедший. Не похож.

— Тогда, значит, ко мне. Мы с ним мило побеседуем в пыточной камере. Gal Gal Он узнает, что Тибор — это Тибор!

Саэций втокнул меня в дверь. Я был в таком смятении, что хозяин кабинета Актиний, взглянув на мое ошарашенное лицо, махнул конвоиру рукой: уйди! Саэций ретировался и прикрыл дверь.

Актиний смотрел на меня так внимательно и сочувствующе, что я воспрянул духом. Его сухощавое лицо с высоким умным лбом и добрыми, чуть хитроватыми глазами мне определенно нравилось. Такому можно говорить о себе всю правду. Да и что мне оставалось делать?

— Мда-а... Занятный тип,— проговорил Актиний и показал на кресло.— Похож на интеллектуала... Хотя нет. Те так не переживают. У нас никто не знает таких нравственных драм, какие написаны у тебя на лице. У нас везде царит гармония—и в обществе, и в душе каждого человека.

Актиний усмехнулся, а затем вдруг подмигнул—заговорщически и добродушно. Я окончательно почувствовал доверие и необъяснимое расположение к этому человеку. Вытащив из кармана карточку, молча протянул ее Актинию.

— Мда-а... Это уж совсем занято. Мне доложили о карточке. Она действительно сделана в моем институте. Кто тебе ее дал?

— Я бы сам хотел это знать.

— Такую карточку подделать невозможно. Ее могли сфабриковать только те,— Актиний ткнул пальцем вверх. Странно взглянув на меня, добавил:— А может быть, ты сам из тех?.. Ты пришелец?

— Да, я пришелец.

— Тс-с, тише...

Актиний вскочил. Живой и подвижный, как ртуть, он забегал по кабинету, подбежал к двери, проверил, плотно ли она прикрыта.

— Говори тише. Иначе Тибор услышит. И тогда все... Пришелец,— прошептал Актиний.— Впервые в жизни вижу пришельца.

Потом, еще раз ткнув пальцем вверх, воскликнул:

— Но это же невозможно! Наши боевые космические крейсера охраняют все подступы к планетной системе. Ни один пришелец не проникнет. Муха не пролетит. Нет, это невозможно!

Я коротко рассказал о своих скитаниях в пространстве и времени, начиная со старта в двадцать первом веке и кончая фиксацией вот в этой эпохе.

— Мда-а... Занятная сказка,— задумчиво проговорил Актиний.— И в то же время по твоей честной первобытной физиономии вижу, что не врешь. Конечно, в наши дни возможны всякие эффекты и парадоксы. Но путешествия во времени... Во всяком случае тебе здорово повезло, что сразу попал ко мне. Иначе очутился бы в лапах Тибора.

В соседней комнате послышались шум и готание. Я вздрогнул. Актиний поморщился.

— Чувствует добычу, мерзавец... Кого-то привели.

Открылась дверь, и в кабинет втокнули испуганного человека.

— Актиний!— радостно воскликнул Саэций.— Смотри, кого поймали! Помнишь, год назад сбежал поэт Элгар? Вот он.

Актиний недовольно махнул рукой. Саэций исчез.

— Ну что, попался, дурак?— хмуро спросил Актиний.— А я-то дал тебе возможность бежать. Стихи твои тогда понравились. Но второй раз отпустить не могу. Не в моих правилах. Да и сам попаду на подозрение. Подумают, что я хитро притаившийся пришелец. Тогда нам обоим не сдобровать. Загребим в пыточное кресло Тибора.

Подвижное лицо поэта жалко дернулось.

— Что, боишься Тибора? Не отдам тебя этому прохвосту. Пойдешь в подземелье на строительство энергокомплекса. К своим собратьям— поэтам, историкам, композиторам и прочим художникам.

В тот раз хорошие стихи были у тебя. А сейчас с чем поймали?

Элгар робко протянул пластиковый свиток. Актиний развернул его и, подняв палец, со вкусом прочитал два стихотворения.

— Ну, как?— дружелюбно подмигнув, обратился он ко мне.

— По-моему, неплохо,— с готовностью ответил я.— Даже метафорично. Для суховатого и бедного языка этой эпохи...

— Этой эпохи,— задумчиво повторил Актиний.— Ты все еще настаиваешь, что попал из прошлых, забытых времен? А впрочем, чем черт не шутит... Да и лицо у тебя чуть с грустинкой, этакое вдохновенное лицо первобытного композитора. А может, ты действительно, как доложили мне, сочиняешь стихи или музыку?— с приторным ужасом спросил Актиний.

— Я не поэт и не композитор,— успокоил я Актиния, начиная смутно догадываться о назначении «Института общественного здоровья». Видимо, художественно одаренные люди считаются здесь «больной» частью населения, опасной для общества.

Как бы в подтверждение моих догадок Актиний продолжал:

— А стихи у него в самом деле хорошие, такие встречаются все реже. Но этим они и вредны для прогресса и гармонии. О чем в них говорится? О любви! Представляешь? Это в наше-то время секса! Девственно чистого, первозданного секса, освобожденного от мусора психологических переживаний, этих ненужных обломков прошлого!.. Стихи опасны еще тем, что воспевают любовь среди исчезнувших цветущих лугов и тенистых дубрав. А это уж прямой вызов. Это противоречит тому, чему учит нас

Генератор Вечных изречений и Конструктор гармонии.

Актиний кивнул на висевший позади него портрет. На нем был изображен человек, памятник которому я уже видел. Под портретом кокетливо искрился афоризм: «Болезней тысячи, а здоровье одно».

— А чему учит нас Генератор? — с напыщенной назидательностью продолжал Актиний. — Он учит, что наша эпоха — эпоха технического прогресса и технологической эволюции, которая должна вытеснить эволюцию биологическую. Только те, — взглянув на меня, Актиний ткнул пальцем в потолок. — Только пришельцы живут в дружбе с устаревшей и враждебной биосферой, развивают искусство. Да, когда познакомишься с идеями нашего великого Генератора, чувствуешь, что имеешь дело не с текущим человеческим умом, а с умом вековечным и абсолютным.

Элгар, раскрыв рот, с изумлением слушал. Чувствуя, что переборщил, Актиний хмуро взглянул на поэта и сказал:

— Надеюсь, будешь молчать. Все равно никто тебе не поверит.

Затем нажал на столе кнопку. На вызов явились Саэций и второй охранник.

— Отправьте этого болвана в подземелье. Он не способен к интеллектуальному труду. Пусть займется физическим.

Когда дверь закрылась, Актиний ободряюще улыбнулся мне и подмигнул.

— Ну, как твои душевные бури и нравственные катаклизмы? Улеглись?

— Я не совсем разбираюсь...

— Вижу это, странный пришелец, — добродушно сказал Актиний и сунул мне мою карточку. — Возьми. Будешь работать у меня — разрешишься. Но вот как объяснить остальным, кто ты? И почему карточка очутилась у тебя? Мда-а, это будет нелегко. Задача... — Актиний долго и мучительно морщил лоб и вдруг вскочил с просиявшим лицом. — ЕСТЬ! Осенило! Ты же — провокатор!

— Я! Провокатор!?

На мое изумление Актиний не обратил ни малейшего внимания. Он бегал по кабинету, сутился, потирал руки и хохотал, довольный своей выдумкой.

— Да! Да! — весело кричал он. — Я раскусил тебя. Ты гнусный провокатор!

Актиний сел за стол и, состроив серьезную физиономию, что далось ему с трудом, нажал кнопку.

— Позови всех сюда, — сказал он вошедшему Саэцию.

Собрались сотрудники этого удивительного института. Штат небольшой — человек двадцать. К моему неудовольствию, рядом стоявшее кресло заскрипело под тяжестью грузного тела. Тибор!

— Небольшое совещание, — объявил Актиний и повел рукой в мою сторону. — Это хранитель Гриони. Наш сотрудник. Вы его еще не знаете. Саэций и Миор схватили его как человека с опасным для прогресса первобытным складом мышления, с так называемым художественным мышлением. Схватили! Одно это говорит о том, что Гриони — работник отличный. Просто находка для нас! Вы поняли?

В ответ — молчание. Саэций пожал плечами, а Тибор хмыкнул и удивленно взглянул на меня.

— Значит, не поняли. Посмотрите еще раз, — снова эффектный жест в мою сторону. — Как будто ничего особенного. Но присмотритесь внимательней и вы обнаружите, вернее, просто почувствуете нечто необычное, нечто от забытых первобытных времен, когда люди, не зная красоты и величия техносферы, валялись на травке где-нибудь под деревом и прославляли красоту биосферы. Да к такому человеку сразу потянутся, как железные опилки к магниту, люди с атавистическим мышлением — художники! И вот Гриони, вылавливая таких людей на транспортных эстакадах, в увеселительных заведениях, будет с ними сначала приветлив, а потом...

— Провокатор! — воскликнул Тибор и заготал.

Потом с уважением, смешанным с некоторой долей иронии, посмотрел на меня, раздвинув вухмылке рыхлые губы. Можно было бы подумать, что Тибор улыбается приветливо, если бы не его глаза — холодные, прицеливающиеся, никогда не смеющиеся глаза.

— Наконец-то поняли! А теперь идите и впредь не задерживайте его. Не мешайте ему работать.

Когда все вышли, Актиний внимательно посмотрел на меня.

— Ну, что морщишься? Не нравится работа провокатора? Тебе ничего не придется делать. Первобытных осталось совсем мало. Хорошо, если за год к тебе прилипнет с десяток. Можешь их отпускать, хотя это не в моих правилах. Их надо вылавливать.

— А зачем? Зачем вылавливать?

— Мне кажется, ты начинаешь понимать сам. Идеология пришельцев, — Актиний ткнул пальцем вверх, — искоренена. Сейчас художники — единственные люди, способные пошатнуть незыблемые устои гармонии. Они сами и их творения — почва, на которой произрастает всяческое инакомыслие, тяга к прошлому и стремление сохранить индивидуальность... Кстати, где ты живешь? — вдруг спросил он. — Ну, хоть ночуешь где?

Я рассказал, как одну ночь провел в подземных коридорах, а вторую — под звездами на погасшей дуге.

Актиний весело расхохотался.

— Ну и занятный тип! Откуда только... Ладно, ладно, — перебил он себя. — Сказки с удовольствием послушаю потом. Главное — ты факт, реальный и симпатичный факт. Станный новичок в нашем мире. Держись за меня, иначе пропадешь! Сейчас устрою тебя в хорошем доме...

Десять минут езды в лабиринте передвижных дуг, бесшумный взлет лифта — и мы на самом верху стапятидесятиэтажного дома. На площадке — две двери. Актиний подошел к одной из них и нажал голубую клавишу. Загудел зуммер. Дверь открылась, на площадку вышла пожилая женщина с добрым морщинистым лицом. Сложив руки на груди, она воскликнула:

— О, небеса! Актиний! Как давно не видела вас!

— Рядом квартира еще свободна? Тогда вот вам, Хэлли, новый сосед — хранитель Гриони, наш сотрудник.

Глубокие морщинки около глаз Хэлли собрались в приветливой улыбке.

Квартира мне понравилась. Главное удобство — солнце, большая редкость в этом городе. На верхних этажах, не затененных домами и сетью эстакад, свободно лились в окна его теплые лучи.

— Вижу, на языке у тебя так и вертятся воп-

росы, много вопросов, — посмеивался Актиний. — Сядем, и я расскажу кое-что о нашем мире, в котором ты действительно выглядишь полным несмышленишем...

— Тридцать лет назад благодетель человечества, Конструктор гармонии и Генератор Вечных изречений оправданно жестокими средствами установил строй Электронной демократии, названный впоследствии Электронной гармонией. Условия для гармонии подготовлены научно-техническим прогрессом. Материальное производство осуществляет техносфера. Люди заняты в основном умственным трудом. Правда, невозможность обеспечить всех высшими благами цивилизации и умственная неравноценность привели к тому, что общество делится на две мирные группы. Меньшинство, пять-шесть процентов населения, это интеллектуалы. Остальные — сексуалы.

— Интеллектуалы и сексуалы! — невольно воскликнул я. — Какое странное деление!

— Ну, это не совсем официальное деление, — усмехнулся Актиний. — И далеко не четкое. Впрочем, сексуалы не обижаются, если их так называют. Напротив, они довольны. Это лаборанты, низшие научные сотрудники, программисты, наладчики электронной аппаратуры. Недлинный

рабочий день, дешевая синтетическая жвачка и одежда, веселящие напитки, секс, балаганные зрелища... Чего еще надо? И мы, хранители, должны поддерживать нравственное здоровье и душевную гармонию, в частности — оберегать людей от растлевающего воздействия первобытного искусства. Ибо душевная гармония — основа гармонии общественной... Интеллектуалы — это ученые, высшие инженерно-технические работники, администраторы. Из них состоит и девятка Великих Техников — высший орган планеты. Почему Техники? Да потому, что главное, творческое продумано и сделано Генератором. Остальное, как говорится, дело техники. Вот это техническое руководство, простое поддержание гармонии и осуществляют Великие Техники.

— Техники, ученые, администраторы... — повторил я. — Что же получается? Технократия?

— Устаревший термин. Но можешь называть и так.

— А кому принадлежат богатства планеты? — допытывался я. — Кто такие, например, администраторы?

— Те, кто пожизненно управляет промышленными комплексами.

— Может быть, они и есть владельцы этих комплексов?

— Может быть, — пожал плечами Актиний. — А какое это имеет значение? Важно то, что интеллектуальная элита обеспечивает научно-технический прогресс.

Видимо, Актиний — специалист по «душевым болезням» — не очень разбирался в болезнях социальных.

— А как душевное здоровье интеллектуалов? — спросил я, ожидая услышать взрыв сарказмов.

— О! — с ироническим воодушевлением воскликнул Актиний. — Здесь полный порядок. Во-первых, у интеллектуалов нет свободного времени, чтобы развлекаться эстетическими побрякушками. Во-вторых, их спасает от художественной заразы чрезвычайно узкая специализация и профессиональный кретинизм. Но если среди них заведется ученый с художественными наклонностями и первобытной тягой к утраченным или иным формам жизни, то это будет самый опасный человек для гармонии, почти пришелец. Поэтому мы должны изолировать художников. Первобытная природа и нешаблонные художественные произведения действуют разрушающе, дисгармонично. На почве природы и искусства произрастает страшный сорняк — индивидуальность человека. Появляются нездоровые самобытные личности...

— Нездоровые самобытные личности? Сорняк? — ошеломленно повторил я.

— Нашему машинному миру нужны стандарты, — продолжал Актиний. — Стандартными людьми можно управлять и без вождей. Только из

них можно построить четко налаженный и здоровый общественный организм. А своеобразие людей приводит к разброду, анархии и — страшно подумать! — к инакомыслию!

— Теперь мне понятен смысл афоризма: «Болезней тысячи, а здоровье одно»!

— Это гениальное изречение Генератора! — с шутовским пафосом провозгласил Актиний. — Это знамя нашей эпохи! Ведь индивидуальных черт человека — действительно тысячи, и каждая болезненно отзывается на здоровом стандарте.

— Слушай, Актиний! — воскликнул я. — Почему ты возглавляешь институт общественного здоровья? Ты же сам не веришь, что приносишь этим пользу.

— Верю! — живо возразил Актиний. — Именно верю. В других институтах с художниками поступают более круто, а я стараюсь сохранить их всех, рассовать по подземельям и больницам.

— И все же ты убежден, что их надо изолировать. Почему?

— Мое правило такое: чем хуже, тем лучше.

— Что ж, — усмехнулся я. — Диалектика в этих словах есть. Но не совсем понимаю...

— Сейчас поймешь! Художники со своим неистребимым зудом создавать произведения искусства поддерживают в обществе какой-то минимальный духовный уровень. А теперь представь, что они исчезли. Образуется полный вакуум, на планету опустится бездуховный космический холод. Вот тогда люди вздрогнут и очнутся...

— А если не очнутся?

— Нет, не говори так, — в глазах Актиния мелькнул испуг. — Этого не может быть.

— Возможно, ошибаюсь, — желая утешить расстроенного Актиния, сказал я. — Еще не разобрался.

— Конечно, не разобрался.

На прощание Актиний просил раз в день появляться в институте.

— Для формальности, — добавил он. — Да и мне скучно будет без тебя. Я, может быть, впервые живого человека встретил.

Актиний ушел, а я стал осматривать комнату.

Одна стена — стереозэкран, на котором, если нажать кнопку, замелькают кадры нового секс-детектива. Эта «духовная» продукция изготавливается поточным методом не людьми, а, вероятно, самим городом-автоматом.

На другой стене — ниша для книголент. Однако никаких книг не было, кроме сочинений Генератора. Я взял первое попавшееся и нажал кнопку. Вспыхнуло и заискрилось название — «Вечные изречения». Большинство афоризмов, за исключением известного «Белезней тысячи, а здоровье — одно», для меня были непонятны. Впрочем, если задуматься... Скажем, такое изречение: «Человек — клубок диких змей». Под дикими змеями, которых надо беспощадно вырывать, подразумевались, вероятно, индивидуальные ка-

чества... Отложил в сторону сборник изречений и взялся за другие книголенты — основные философские труды. Однако сразу же запутался в лабиринтном, мифологическом мышлении Генератора. Какая-то дикая смесь прагматизма и «философии жизни».

Махнул рукой, прилег на диван и отдыхал до вечера. А когда выступили звезды, вышел на балкон...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Город Электронного Дьявола

Итак, я вышел на балкон. Внизу, управляемый вычислительными машинами, шевелился бесконечный город. Змеились ярко освещенные эстакады и ленты, перекачивались разноцветные искры. В этом гигантском чреве копошились миллиарды людей — одноликая армия стандартов. Сверху сквозь сонмище огней и паутину эстакад я пытался разглядеть их. Безуспешно — людей без остатка поглотили электронные джунгли.

Я сел в глубокое кресло-качалку и, положив голову на мягкую ворсистую спинку, стал смотреть на ночное небо. На минуту охватила радость: передо мной распахнулся иной мир — бесконечный простор Вселенной. Но странно — созвездия казались еще менее знакомыми, чем прошлой ночью...

— Хранитель Гриони! — послышался голос с соседнего балкона. — Что вы один скучаете? Заходите к нам.

На соседнем балконе за круглым уютно освещенным столом сидели хозяйка и красивая молодая женщина лет двадцати пяти.

— Моя дочь Элора, — сказала хозяйка, когда я вошел.

Я слегка поклонился и назвал себя.

— О, вы очень старомодны. — По красиво очерченным полноватым губам Элоры скользнула надменная усмешка. Вообще в ее стройной фигуре, во всем ее облике было что-то аристократически высокомерное.

Однако только с первого взгляда казалась она холодной, как айсберг. В ее словах было немало душевной теплоты. А когда она рассказывала о своем мире, о знакомой интеллектуальной элите, лицо ее было задумчивым и печальным. В широко открытых глазах отражались извивающиеся огни супергорода. И вдруг мне показалось, что в черной бездне глаз за этими пляшущими бликами мелькает глубоко запрятанный, неосознанный ужас. Нет, Элора не так проста. Ей самой неуютно и даже страшно в этом мире...

Об искусстве она отзывалась пренебрежительно. И вот однажды — это было через несколько вечеров — мне захотелось показать ей

красоту забытой природы и величие человека, воспетое «первобытным» искусством. Сделать это на сухом и бедном всепланетном языке Электронной эпохи почти невозможно. А что если научить Элору русскому языку? Я мог успешно справиться с этим: в период предполетной подготовки все члены экипажа овладели методикой обучения инопланетных жителей земному языку.

— Я хорошо знаю один из древних языков. На нем созданы замечательные произведения художественной литературы.

— Откуда знаете?

— Ну, хранителю гармонии приходится иметь дело с разными людьми, — уклончиво ответил я. — Хотите знать этот красивый и богатый язык?

— А что, — оживилась Элора. — Иногда бывает так скучно... Память у меня хорошая. Да и техника поможет.

Она принесла из комнаты украшения, похожие на серьги или клипсы. Прикрепив их к мочкам ушей, пояснила:

— Украшения создают вокруг головы особое силовое поле. Это новый стимулятор памяти. С его помощью буду запоминать быстро и прочно, как машина.

Почти через час Элора знала уже около трехсот слов и с десятков стихотворений.

Мать Элоры, наморщив лоб, пыталась вникнуть в смысл нашей беседы. Наконец с недоумением произнесла:

— О чем вы говорите?.. О, небеса! Я ничего не понимаю.

Элора, шутливо подражая матери, сложила руки на груди и сказала:

— О, Гриони! Не продолжить ли наше образование где-нибудь в увеселительном заведении? Я так редко бываю там.

Я согласился. Аборигены ложатся спать очень поздно, предаваясь первую половину ночи «техносферным» развлечениям.

В увеселительном заведении у меня зарябило в глазах — так много было здесь крикливо одетых людей, так прихотливо извивались и пульсировали на стенах и потолке разноцветные огни. Мелькали незапоминающиеся фарфорово-гладкие лица.

К счастью, на нас никто не обращал внимания. Все уставились на сцену. Там раздевалась девица. Части интимного туалета она швыряла в людей. Долетев до центра зала, одежда с шумом треском рассыпалась электрическими искрами. В толпе лениво спорили — натуральная это девица или светоробот.

Столы располагались вдоль стен. Середина зала была свободна.

Перед тем как сесть, я взглянул в зеркало и чуть не ахнул. Не мудрено, что аборигены эпохи оглядываются на меня! Нет, внешне я будто ничем не отличался от них. Тот же рост, только чуточку повыше. Те же черты лица.

лица их деревенели в бессмысленной радости. Посидев с минуту в экстатическом одурении, люди неожиданно выскакивали на середину зала, извивались, высоко и нелепо подскакивали. Как я узнал после, это был спазматический танец. Сплошные конвульсии, судороги в их чистом клиническом проявлении. Каждый плясал сам по себе — ни партнеров, ни партнерши. А самое страшное — все происходило без музыки, в полнейшей тишине...

— Вам принести ноки? — раздался над моим ухом голос обслуживающего светоробота.

Я утвердительно кивнул. Элора отчужденно откинулась в кресле и удивленно взметнула черные брови.

Выпив ноки, я ожидал легкого опьянения. И жестоко ошибся! Сначала почувствовал животное, отупляющее блаженство, а потом в ушах, все усиливаясь, зазвучала инструментованная истерика — дикие крики, обезьяньи вопли, скрежет металла. Напиток химически воздействовал на нервные клетки, вызывая ощущение одуряющего счастья и слуховые галлюцинации.

Но еще большие испытания ждали меня впереди. Под грубые ритмы непроизвольно задержались руки, ноги против моей воли подняли меня с сиденья. И вдруг охватило неистовое желание выпрыгнуть на середину зала и вместе с толпой с вожделием топтать пружинящий пластиковый пол...

С неимоверным трудом, сцепив зубы и наморщив покрытый испариной лоб, я подавил это желание и заставил себя сесть. Вспомнив предполетную волевою тренировку, принялся последовательно устранять действие напитка. Элора, широко раскрыв глаза, со страхом и сочувствием следила за моими усилиями. Наконец «музыка» в ушах заглохла, и я с облегчением вздохнул.

— А вы сильный человек, — с восхищением прошептала Элора. — Еще никому не удавалось нейтрализовать ноки... Уйдем отсюда, — внезапно предложила она. — Мне здесь боязливо.

— Боязно, — поправил я ее. — А точнее сказать — страшно.

По дороге мы часто задерживались на безлюдных верхних эстакадах. Я учил Элору русскому языку. Ей очень нравились стихи, образные народные выражения и жаргонные словечки, большим знатоком которых был Иван Бурсов. Сильное впечатление произвели на Элору туманные и музыкальные стихи раннего Блока.

— Как красиво, — шептала она. — Бесполезно, но как красиво!

На плоской крыше одного из зданий стояла маленькая летательная машина — личная аэрохата Элоры. На ней и улетела Элора к дворцам Великих Техников — к отцу. На прощание сказала:

— Постараюсь чаще бывать у матери. Мы с

Однако в зеркале я увидел представителя забытых эпох с твердым мужественным лицом. На впалых щеках, около губ и на лбу прорезались тонкие морщинки. В глазах затаилась грусть, а виски, словно посыпанные солью, серебрились: скитания во времени не прошли бесследно.

«Первобытная физиономия, — усмехнулся я. — Физиономия провокатора...»

— Внешность у вас замечательная, — Элора старательно выговаривала слова по-русски. — Таких людей на планете становится все меньше.

Я сел и взглянул на Элору. От сурового аристократизма не осталось и следа. Беломраморное лицо Элоры затеплилось и светилось легкой улыбкой.

— Есть хотите? — спросила она. — Я закажу что-нибудь.

— Я голоден, как волк!

— Как? — удивилась Элора.

— Как волк, — повторил я и объяснил, что в древних лесах водились такие вечно голодные звери.

Принесли на тарелках светло-голубое пенистое облако. Посетители ели такую же синтетическую жвачку, запивая ее «ноки» — розовым и, видимо, алкогольным напитком. И без того бездумные

тобой тогда... Как это? Наболтаемся. Побольше стихов. Занятие нехорошее, но с хранителем можно,— рассмеялась она, а потом с грустью добавила: — Мне жаль расставаться. Но мы скоро встретимся...

На следующий день меня ждала другая встреча. В ожидании синтетического блюда я сидел утром за пустым столиком. От неожиданности вздрогнул, услышав за спиной знакомое гоготание.

— Га! Га! Провокатор!

Рядом сел Тибор, ухмыляясь почти дружелюбно.

— А недурная мысль пришла Актинию; возродить идею провокатора в образе человека! Раньше был только журнал-провокактор.

— Журнал?

— Да. Сейчас мало кто знает. В первые годы Электронная гармония была в большой опасности. Слишком много развелось людей, призывающих к хаосу, к общественному строю пришельцев. Как их найти? Генератор вечных изречений разрешил тогда с тайной провокационной целью издавать журнал, где свободно бы печатались стихи, проза, а главное — полемические статьи. И протачки клюнули... Вышло всего несколько номеров, а потом журнал закрыли. Имея адреса, хранители без труда выловили миллиона два подписчиков. И сразу стало тише. Га! Га! Га!

«С ним полезно поговорить, — думал я. — Он многое знает».

Словно угадав мое желание, Тибор спросил, пылливо глядя на меня.

— Хочешь, приоткрою тайну города?

— Тайну?

— Да. Актиний смутно догадывается о ней... Управляют обществом, этим биллионным скопцем дураков, вовсе не Великие Техники.

— А кто?

Тибор склонился ко мне и доверительно шепнул:

— Сам город.

Он откинулся назад, наслаждаясь моим изумлением.

— Город? Не понимаю... А Великие Техники?..

— Болваны, — мой собеседник пренебрежительно махнул рукой. — Остывшие в разврате болваны! Ими тоже управляет город. Как куклами.

— Как куклами? — Изумление мое нарастало.

— Хочешь, посмотрим кого-нибудь из них? Эй, ты! — махнул он рукой светоробота. — Подойди.

Пританцовывая, подскочил светоробот.

— Кто-нибудь из Великих выступает сейчас с речью?

— Да. На Южном материке.

— Включи.

Стена-зеркало засветилась перед нами, и я увидел на трибуне упитанного человека. Звучным,

как барабан, голосом он произносил речь, оснащая ее плавными, закругленными жестами.

— О чем он говорит? — сказал Тибор. — Обещания и все такое... Одно и то же. Призывы хранить гармонию и готовиться к космической войне с пришельцами. Для Великого важен не ум, а голос. Обрати внимание на уши. В глубине их запрятаны крохотные суфлеры-радиофончики. Они не видны. Через них город нашептывает речь, а Великий повторяет ее хорошо поставленным голосом.

Беседа с Тибором становилась все более занимательной. Чувствовалось, что он завидовал Великим Техникам и в то же время презирал, хотя тупоумие их, возможно, преувеличивал. Все-планетный город, как я понял, превратился в сложную и почти автономную электронную систему, которая программируется в соответствии с Вечными изречениями Генератора. Город стал в буквальном смысле государственной машиной. Это город-мозг, гомеостат, стремящийся к равновесию, к поддержке и укреплению гармонии.

— Но ведь все это делается в чьих-то интересах! Я так понимаю.

— Правильно понимаешь. Ты умный провокатор. Га! Га! Даже... Даже слишком умный.

Тибор замолк и маленькими болотного цвета

глазами уставился на меня. Какая-то мысль ошеломила его, и он задумчиво промышчал:

— Ммм... Забавно.

«Черт его знает,— мелькнула догадка.— Не думает ли он, что я пришелец? Для него это было бы в самом деле забавно — схватить пришельца, который маскируется провокатором». И я поспешил прикинуться простачком.

— Но в чьих? Не разберу.

— В интересах и по заданию администраторов и тех же Великих Техников,— медленно ответил Тибор, находясь по-прежнему в цепких лапах сомнения.

Случайно я нащупал слабую струнку Тибора — бахвальство. Я задал вопрос, который погасил его подозрительность.

— А кто конкретно программирует?

— Я! — воскликнул мой собеседник и горделиво ткнул себя в грудь. — Я! Тибор — это Тибор! Правда, мне помогают другие кибернетики, пользующиеся особым доверием. Я ведь ученый. Палач? Что палач... Всего лишь хобби. По-моему, в каждом из нас полыхают протуберанцы древних эпох. Например, желание помучить жертву.

— Странное хобби... А если город возьмет на себя функции палача?

— Вот этого я и боюсь! Знаешь, город и для меня становится черным ящиком, теряю даже контроль над его входами и выходами. Он ускользает из-под нашей власти, иногда сам себя совершенствует. Что будет? А?

«Вечная гармония», — чуть было не брякнул я, но вовремя удержался. Да и что я знал о Вечной гармонии? Ничего...

С Тибором я встречался и беседовал еще несколько раз.

— Да вы с ним друзья, — посмеивался Актиний. Посерьезнев, добавлял: — Ты того... Поосторожней. Тибор — умный и хитрый прохвост. Возможно, что-то подозревает.

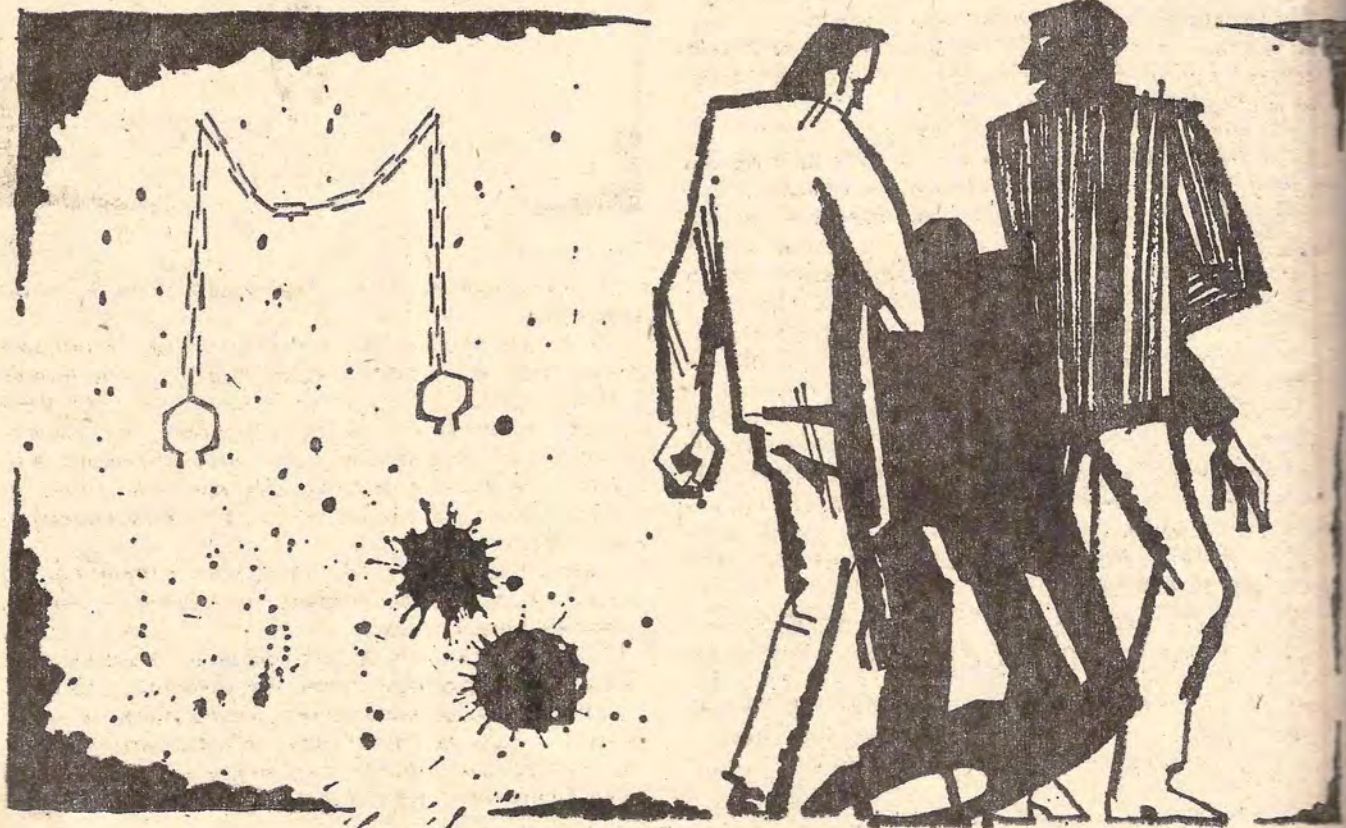
Я не придал большого значения словам Актиния. Сближение с Тибором считал полезным и уже не вздрагивал, когда слышал за спиной полунасмешливое, полудружелюбное приветствие:

— Га! Га! Провокатор!

Тибор проведаль такое, чего не знали даже Актиний и Элора.

Однажды днем мы с Элорой задержались на крыше высокого здания. В этом безлюдном месте никто не мешал разговаривать на русском языке, который так полюбился Элоре.

— Что это? — спросила вдруг Элора, показав

в сторону площади. Сквозь негустое переплетение движущихся парабол виднелись колонны людей.

— Армия вторжения, — пояснил я, разыгрывая знатока-хранителя. — Незанятых в производстве становится все больше. Куда их девать? Город... То есть Великие Техники, решили готовить миллиардную армию вторжения. Да! — с ироническим пафосом Актиния продолжал я. — Это будет великая армия! Пришельцам не поздоровится. Наши солдаты сапогами затопчут их зеленую планету!

— О, Гриони! — смеялась Элора. — Не притворяйся. Ты не похож на других. Иногда мне кажется, что ты вырос в другом мире...

— Давай полюбуемся Армией вторжения, — прервал я ее.

Мы спустились на несколько парабол и стали наблюдать. Любоваться в сущности нечем. Это было плохо обученное войско. Люди, которые до этого мало ходили пешком и только дергались в спазматических танцах, с трудом привыкали к строевой дисциплине. Капралы шагали рядом и учили их маршировать.

Солдаты на левом плече держали многозарядные лучевые ружья. Проходя колоннами мимо статуи Генератора, они вскидывали правые руки и нестройно, но громко орали:

— Ха-хай! Ха-хай!

Неожиданно с нависших над площадью эстакад сорвались змеистые молнии и впились острыми жалами в плечи двух солдат. Те упали и корчились, крича от боли. Капралы гнали их обратно в строй.

— Что это? — испугалась Элора.

— Не знаю, — растерялся я. — В программе города этого не было... Видимо, те солдаты притворялись. Разевали рты, но не кричали. Всевидящий город зафиксировал это и покарал электроразрядами. Он сам усовершенствовал себя, придумав наказание!

— Страшный город, — прошептала Элора.

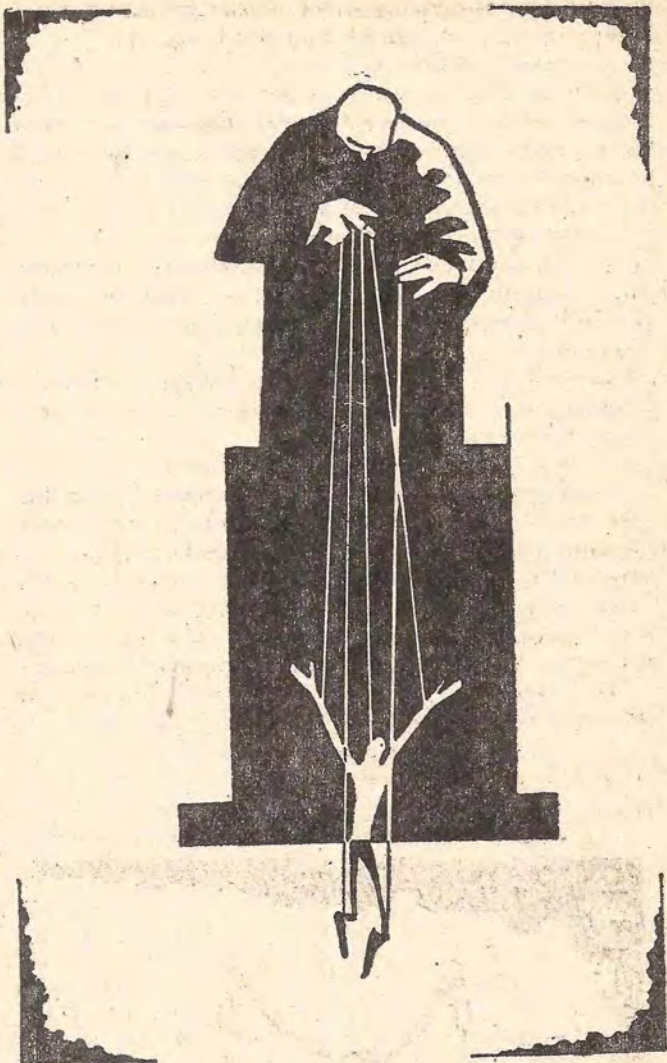
— Город Электронного Дьявола, — сказал я и попытался объяснить этот образ.

Захотелось как-то развеселить погрузневшую Элору, и я предложил вырваться хоть на время из города. Элора согласилась.

Аэрояхта понесла нас на север. Летели долго. Внизу плескалось бесконечное море огней, волнами прокатывались какие-то искрометные сгустки, змеились эстакады.

И вдруг совершилось чудо: город кончился. Элора посадила аэрояхту на опушке небольшой рощи. Я узнал ее — это та самая роща, где произошла фиксация, стыковка с эпохой. Я сорвал пучок травы и с наслаждением понюхал. С острой и сладкой печалью вспомнился запах лугов моего детства.

— О, Гриони! — смеялась Элора. — Как ты счастлив! Ты странный человек... Вот что: у меня

еще много разных дел. Ты оставайся, а я скоро вернусь.

Я остался один. Присел на бугорок, поросший сухой травой. И вдруг вздрогнул, почувствовав у талии легкое щекотание. Энергопояс! Зов Вечности!.. Я вскочил и, чтобы успокоиться, прошелся по роще. У меня не было ни малейшего желания совершить бросок во времени. Как ни плохо здесь, но будущее — я это чувствовал! — еще страшнее...

Элора вернулась, когда совсем стемнело. Из аэрояхты она вынесла какие-то напитки и пакеты с синтетической едой.

— Устроим... Как это раньше называлось? Пикник. Загородный пикник, — смеялась Элора.

Она села рядом со мной и посмотрела на небо. Вверху — непривычная для аборигенов картина. На черном куполе раскинулась серебристая арка Млечного пути с мириадами далеких светил.

— Как хорошо! — прошептала Элора. — Ти-

шина. Города нет и никого нет... Сейчас во всей Вселенной нет никого, кроме нас двоих и вот этих звезд. Стихи, — потребовала она. — Еще стихи!

Мне вспомнились стихи Лермонтова, удивительно подходившие к обстановке:

Как ночи Украйны
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных...

Действие этого стихотворения было неожиданным. Элора уронила голову на мои колени и зарыдала.

— Не было этого! С таким уважением писать о женщине, о человеке... Зачем ты все это придумал? Не было этого никогда!

— Это было. Давно.

Я приподнял ее голову и случайно задел заветливую башенку-прическу. Волосы рассыпались черным шелковистым облаком, и я почувствовал еле уловимый аромат.

— Твои волосы пахнут мятой...

— Мятой? А что это такое?

— Это трава с очень приятным и своеобразным запахом.

Элора вдруг отшатнулась и внимательно, почти с ужасом посмотрела на меня.

— А впрочем, чего я испугалась? — прошептала она. — Хотя бы и так... Даже лучше.

— Понимаю. Ты подумала, что перед тобой пришелец?

— Да, я так подумала, — улыбнулась Элора. — Но этого не может быть.

— Конечно! Наши боевые крейсера... — начал я тоном знатока.

— И все же ты пришелец, — перебила меня Элора. — Только не со звезд, а из другой физической системы отсчета. Я хочу, чтобы ты меня взял с собой, в свое таинственное измерение, в выдуманный и зачарованный мир поэзии!

Матово-белое лицо Элоры казалось в ночи кристаллом, светящимся изнутри ровным светом. Хороши были ее глаза. Не холодные и строгие, какие вижу сейчас на портрете, а удивленно раскрытые и нежные — две загадки, две черные бездны...

Наша встреча с Элорой была последней. Тибор не терял времени. Воспользовавшись моим отсутствием, его подручные вмонтировали в стены квартиры всевидящие электронные аппараты-доносчики. Информация от них поступала не в БАЦ, а непосредственно к Тибору.

Однажды я вернулся к себе очень поздно и прилег отдохнуть. К моей досаде над дверью загудел зуммер.

— Войдите! Открыто! — с раздражением крикнул я. Приоткрыл глаза и мигом вскочил на ноги: посреди комнаты стоял капитан!

Странную и жутковатую встречу с воскресшим Федором Стригановым я уже описал.

А утром, связанного и полусонного, меня доставили в институт общественного здоровья. Не в тот, которым руководил Актиний, а в другой. Привязали к пыточному креслу. И мне пришлось еще раз услышать дурацкое гоготание.

— Га! Га! Провокатор!.. Хорош провокатор. Ты пришелец...

После встречи с Федором Стригановым мне вдруг показалось, что Тибор и есть тот самый «толстомордый», который должен явиться из Вечности. Как проверить это? И я решил ошеломить Тибора.

— Я не пришелец. Во всяком случае, не тот... А вот ты пришелец. Ты покойник, парламентар Диктатора! Ты явился из его царства, из Вечной гармонии... Гармонии мертвецов!

В своем предположении я ошибся, ибо Тибор откинулся назад и от изумления раскрыл рот. Он озадаченно уставился на меня, его рыхлые губы зашевелились:

— Ммм... Забавно.

Опомнившись, Тибор указательным пальцем повертел около своего виска.

— Того... Га! Га! Рехнулся! Его еще не пытали, а он уже рехнулся! Не притворяйся. Ты сначала все расскажешь о втором пришельце. Я сумею вытянуть. Тибор — это Тибор.

Он нажал кнопку. Магнитный сапог на моей правой ноге сжимался. Стрелка индикатора боли ползла вверх. Что делать? Совершить прыжок во времени в загадочный мир-фантом? Я скользнул взглядом по камере пыток, посмотрел в окно. Там, за окном, бесшумное буйство и пляска огней — гримаса властелина, беззвучный хохот Электронного Дьявола...

И я решился. Но помощник Тибора, маленький и толстый человечек, постоянно вертелся около кресла. Его биополе перехлестывалось с моим и мешало поясу вынырнуть из вакуума.

Свободной левой ногой я резко толкнул толстяка в грудь, и тот с грохотом полетел в угол. Я сунул руку под рубашку. На талии щекотнул пояс, и я быстро сдвинул переключатель эпох. Пояс вспыхнул фиолетовым пламенем и растянулся в капсулу. Я уже был теперь в несовременном времени. Из капсулы еще просматривалась покинутая эпоха. Но для аборигенов я полностью исчез... С удовольствием вспоминаю, как Тибор обалдело заморгал глазами и, размахивая руками, что-то кричал своим подручным. Те кинулись к пыточному креслу и руками шаррили по опустевшему сиденью.

Началась пульсация поля, — словно взмахивали невидимые крылья. Птица-капсула вырвалась из эпохи на простор... А затем фиксация, совмещение во времени. Так я оказался в неведомой эпохе, вот на этой благоухающей, но безлюдной планете.

Если бы это была Земля!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Земля...

Земля! Ни один мореплаватель древности не произносил это слово с таким восторгом, как я. Это безусловно Земля! Капитан ошибся: капсула закинула меня не на другую планету и не в мир-фантом, а на Землю!

Окончательно убедился в этом сегодня утром. Перед завтраком я отправился к небольшому озеру, плескавшемуся у подножия горы. Нога болела меньше, и я решил, наконец, подняться наверх. Когда взобрался на голую вершину, у меня перехватило дыхание. И не от усталости, хотя гора довольно высока, а от красоты и знакомости распахнувшихся далей. Земля!.. Мне кажется даже, что передо мной ландшафты, характерные для Среднего Урала. Кругом зеленеют лесистые увалы, подернутые тонким утренним туманом. Куда ни кинь взгляд — холмится застывшее каменное море с белыми гребнями шиханов на волнах-вершинах...

Но какой сейчас век? Во всяком случае, не «мое» двадцать первое столетие. Тогда леса на Урале рассекались высоковольтными линиями и автострадами, а в воздухе стоял почти непрерывный гул от пролетающих в поднебесье лайнеров. Это не двадцатый и даже не девятнадцатый век: я не заметил ни одного заводского дымка, ни одного телеграфного столба. Что ж, буду считать, что сейчас середина или конец восемнадцатого столетия.

Я сидел на согретом солнцем камне, любовался далями и размышлял о странных капризах реки времени, носившей меня на своих волнах из эпохи в эпоху и забросившей сейчас вот в это мгновение, на этот свой живописный и пустынный берег...

Так и не удалось сегодня написать об Электронной эпохе ни строчки. Утром я сделал открытие, которое ошеломило меня. До самого вечера ходил сам не свой, не зная, что и подумать.

Утром поел ухи — сытной, пахнущей дымком, но изрядно надоевшей. Потом решил еще раз прогуляться к полюбившемуся мне горному перевалу. Опираясь на палку, поднялся на каменную вершину. Снова передо мной раскинулись неоглядные всхолмленные дали. И снова зашевелились печальные воспоминания о навсегда потерянном двадцать первом столетии.

Но к этим воспоминаниям примешивалось какое-то тревожное чувство, ощущение чего-то пугающе знакомого. Что это было? Обычно я сидел на камне лицом к югу. Справа, разрезая

темные хвойные леса, пролегла светлая полоса березняка. Нескончаемой лентой тянулась она с севера на юг. Вот этот геометрически правильный коридор березняка и не давал мне покоя. Откуда он здесь, в восемнадцатом веке? Мог ли он образоваться естественным путем? И сегодня у меня вспыхнула одна догадка. Одна, как показалось сначала, вздорная мысль.

Решив проверить ее, спустился по правому склону горы — более крутому и обрывистому. Вошел в широкий березовый коридор. Здесь было больше солнца, чем в глухом ельнике. Высокие и гладкие стволы берез светились, как свечи. Я опустился на колени. Подминая траву, продвигался вперед и ощупывал землю, пока не натолкнулся на... железобетонную плиту! Такие квадратные плиты служили обычно фундаментом для металлических опор высоковольтной линии.

Забыв о боли в ноге, вскочил и испуганно оглянулся. Я был потрясен не меньше, чем Робинзон Крузо, обнаруживший на своем необитаемом острове следы чужих ног.

Все еще сомневаясь, снова встал на колени и, ползая вокруг плиты, рвал траву и копал землю — то палкой, то просто руками. И нашел то, что искал: обломок ажурной мачты-опоры. Краска давно облупилась, оголенный металл покрылся толстым слоем шершавой ржавчины.

Да, теперь уже ясно — здесь когда-то, быть может, сотни лет назад, проходила высоковольтная линия. А на Урале в мое время таких линий было особенно много. Мне даже показалось...

Я сел на траву и, протянув глухо ноющую ногу, стал, не торопясь, поглаживать ее. Это занятие немного успокоило меня. И так, мне показалась удивительно знакомой эта местность. По-моему, я был здесь с ребятами после окончания школы.

И вдруг на экране моей памяти ярко вспыхнул тот солнечный июньский день. С рюкзаком за спиной я шагал вместе с ребятами по тропинке, протоптанной туристами и грибниками. Да, отлично помню: мы шли по этой широкой просеке. Только вместо берез упругим ковром растилась трава, а по бокам высились медно-стальные сосны. По густо-синему небу медленно плыли тугие белобокие облака. Над головой, запутавшись в толстых витых проводах, свистел ветер. Через каждые двести метров нас встречали, поблескивая серебристой краской, празднично, почти феерично красивые решетчатые опоры высоковольтной.

Немного южнее, как мне помнится, просеку пересекала шоссейная дорога. Прихрамывая, я пошел туда и вскоре увидел то, что осталось от дороги, — прямую полосу колючего кустарника. Я долго копал палкой под корнями одного куста,

пока не наткнулся на слой гравия. Выковырнул даже чудом сохранившийся кусок асфальта.

Когда-то, в мое время, здесь кипела жизнь. Тонко завывая моторами, стремительно пронеслись электромобили, шелестели автобусы на воздушной подушке. А в облаках рокотали воздушные корабли. Во все эти шумы вплеталась струнная музыка высоковольтной.

Где все это?... Сейчас только птички свисты да невнятный говор леса нарушали первозданную тишину.

В глубокой задумчивости побрел к хижине — поросшей мохом и давно покинутой людьми. Людьми не восемнадцатого века, как думалось раньше, а двадцать второго. А может быть, более поздней эпохи...

Но где же люди? В голове теснились беспорядочные мысли. Сначала подумал, что человечество на гигантских кораблях покинуло Землю.

По пути еще раз залез на вершину горы. На минуту снова захлестнула радость: нет, не могли люди покинуть планету, прекрасней которой нет на тысячи световых лет вокруг!

Над низиной слева парил чибис и человеческим голосом печально вопрошал безлюдье: «Чи вы? Чи вы?». Радость моя растаяла, как дым. Я глядел на бесконечные зеленые просторы, и тоска теснила мне грудь: где вы, люди? Где?

Что случилось с родной планетой? С началом космических полетов одной из самых грозных и коварных опасностей стала биологическая — опасность случайного занесения инопланетной инфекции. Может быть, это? Может быть, на Земле ураганом пронеслась неведомая эпидемия, поразившая лишь людей?

Встревоженное воображение нарисовало мне несколько сотен уцелевших, которые в панике бежали из городов. Одичав, люди долгие годы бродили по лесам, пока не наткнулись на развалины селений. На обломках старой материальной культуры, на руинах покинутых идеалов они создали общество, основанное на несправедливости и насилии. Как в древнейшие времена, началась кровавая погоня за цивилизацией. Сизифов труд человечества... Войны, деспотические режимы и восстания, снова войны...

Гипотеза маловероятная и весьма невеселая. Но пока у меня нет других, чтобы объяснить возникновение странных эпох, в которых я побывал. С момента эпидемии, а она разразилась, видимо, в двадцать втором веке, до Электронной эпохи прошло по моему звездному календарю двенадцать тысяч лет. Сто двадцать веков! Срок более чем достаточный, чтобы из небольшой одичавшей кучки вновь выросло человечество. Да еще какое! Биллионы людей...

И все-таки какой необычайный контраст между виденной мною Электронной эпохой и вот этой планетой — заброшенной, безлюдной...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дым на горе

Нет, далеко не безлюдной!.. На планете есть люди! Только не знаю — радоваться или печалиться по этому случаю. Может быть, их надо опасаться?

Вечером хотел прогуляться к озеру и взобраться на горный перевал. Отошел от хижины сотню шагов и остановился, как вкопанный. Мое любимое место занято! Над вершиной горы струился дым костра.

Я прислушался. Тишина... Чуткая, первозданная тишина. Лишь какие-то птицы подняли возню, уютно устраиваясь на ночь. Я прислонился шершавому стволу сосны и стал наблюдать. Над горой клубился подсвеченный снизу пепельный дым. Совсем стемнело, и я видел лишь пляшущие багровые блики.

Наконец костер погас. Я постоял еще полчаса, а потом вернулся в хижину. Прилег, не раздеваясь, и приготовил на всякий случай плазменный излучатель. Мое неугомонное воображение было встревожено, как никогда.

Утром с надеждой и опаской посмотрел на запад, в сторону горы. Настроение тут же упало: на ярко освещенной вершине ни дыма, ни малейшего движения... Ушли.

Сел на камень и разжег костер, чтобы сварить уху. Еще раз взглянул на гору и невольно вздрогнул: над ее вершиной качался и тянулся в чистое небо гибкий, как веревка, сиреневый столб дыма...

С этого памятного утра началась новая полоса моей жизни. Прошло уже немало дней, и пора рассказать о своих впечатлениях и знакомствах.

Увидев вьющийся сиреневый столб дыма, я притушил костер и решительно направился в сторону горы: будь что будет! Пускай там дикари, и контакты предстоят, вероятно, нелегкие. Мне надоело одиночество, я истосковался по людям.

На вершину поднимался с севера, где рос густой кустарник. Оттуда можно подобраться незамеченным. На лужайке наткнулся на две палатки, напоминающие небольшие юрты. Две серебристо-серые полусферы увенчивались металлическими стерженьками. Сначала подумал, что палатки сделаны из какой-нибудь пленки. Осторожно подошел ближе, потрогал. По еле заметному мерцанию догадался, что это не пленка, а неизвестное мне поле — прохладное и шелковистое на ощупь. Ясно, что ночевали здесь не одичавшие люди, а представители высокоразвитой, быть может, инопланетной цивилизации...

Продолжение следует.

К «Бирюковским чтениям»

Александр
ШМАКОВ

Этот оригинальный значок будет вручен участникам Вторых «Бирюковских чтений», которые состоятся в декабре в Челябинске.

Бирюковские чтения посвящаются революционной истории Урала, интересным находкам литературного краеведения, важным событиям искусства и культуры края. С докладами и сообщениями выступят краеведы и писатели, ученые, архивные и библиотечные работники Свердловска, Перми, Челябинска, Оренбурга, Кургана, Шадринска, Кирова, Уфы и других городов страны.

Об украинских связях уральца

Уральский краевед и писатель В. П. Бирюков немало сделал для упрочения русско-украинских культурных связей.

Знакомство нашего земляка — тогда молодого ученого археолога — с Украиной, ее культурой, памятниками старины и искусства, началось давно. Владимир Павлович

вел дневник, отмечая в нем будничные и значительные события в своей жизни, встречи с интересными людьми, знакомства. Эти сохранившиеся небольшого формата обычные записные книжки помогают проследить и глубже понять интересы и привязанности уральского краеведа, восстановить малоизвестные факты его биографии.

В дневнике № 6 за 1914—1915 годы читаем: «Приехал в Киев 10 февраля 1915 года. Купил путеводитель по городу — посетил музей древностей, который напоминает Саратковский, затем побывал в Печерской Лавре. Обратил внимание на архитектуру, лепку и другие украшения, которые видел на польских костелах...»

Пока это еще первые впечатления туриста, знакомство с городом и его достопримечательностями в короткие часы ожидания поезда на Москву, куда В. П. Бирюков был командирован по службе. Он успевает осмотреть Владимирский собор и другие памятники киевской старины.

На обратном пути снова короткая остановка в Киеве в ожидании поезда. Что же приковало его внимание на этот раз в древнем городе? Об этом мы узнаем из дневника № 7.

«Переписывал при свете свечки, сделанной самим из восковушки, взятой еще летом в Першинской церкви. В музее древностей, где хранится множество классических вещей по археологии, как, например, коллекция с Киево-Кирилловской стоянки с рисунком палеолитического человека на бивне мамонта, предметы из Трипольской культуры и т. д... Музей хотя и не особенно велик, даже мал для Киева, но оставил во мне чувства

чистоты и изящества, с одной стороны, а с другой — удовлетворенности: о чем я учил когда-то и знал только по рисункам, часть того я теперь увидел своими глазами в натуре».

И все же это пока самые общие впечатления человека, перед глазами которого раскрывалось духовное богатство другого народа, его культура. Такими впечатлениями заполнены дневники В. П. Бирюкова о пребывании в Польше, о посещении русских городов, в которых побывал, следуя в действующую армию и возвращаясь затем в Зауралье после демобилизации.

На Полтавщине молодой ученый археолог В. П. Бирюков служил ветеринарным врачом накануне революции с февраля 1916-го по август 1917 года, которая застала его в г. Хороле. Обязанности ветеринарного врача не мешали ему принимать участие в кипучей политической жизни. Находил он время и для краеведческих поисков, литературного творчества. Брошюры, изданные Бирюковым на собственные средства тиражом до 50 экземпляров каждая, как бы подводят итоги сделанному на Украине. Вот эти брошюры: «Выставка древностей и украинского народного творчества в г. Хороле, Полтавской губ. с 3 по 9 апреля 1917 года», «В. М. Щербковский и его лекции по археологии на курсах украинноведения в г. Хороле, Полтавской губ.» и «Организация народного научного музея в г. Хороле, Полтавской губ. (1917)». Кстати, в создании музея автор брошюры сам принимал активное участие.

В. П. Бирюков завязывает теснейшие контакты с хорольскими газетами, особенно — с наиболее про-

грессивной «Известия хорольского общественного комитета». В августе 1917 года он стал редактором-председателем этой газеты.

На страницах газеты регулярно публикуется дневник «Выставки древностей и украинского народного искусства», которую организовал В. П. Бирюков.

Общественность города оказала высокое доверие В. П. Бирюкову, кооптировав его в Хорольский Совет солдатских и рабочих депутатов.

...В те годы Владимир Павлович Бирюков побывал в Сорочинцах — на родине Н. В. Гоголя. Свой очерк о великом русском писателе он написал, однако, лишь в 1951 году. Рукопись сохранилась в архиве Бирюкова.

В. П. Бирюков надолго сохранил привязанность к краю своей молодости. Он по крупицам собирал все факты, относящиеся к связям Урала с Украиной в прошлом и настоящем. В его фондах можно найти материалы о пребывании Тараса Шевченко в Оренбурге в годы ссылки, о последних днях жизни поэта-революционера Павла Грабовского в Тобольске. Владимир Павлович с любовью относился к Владимиру Юреванскому, уроженцу Урала, но жившему на Украине — автору книг о Днепрострое, и всячески помогал ему в сборе документов при работе над новым историческим романом.

В годы войны уральский краевед проявил большую заботу об эвакуированном в Свердловск музее В. Г. Короленко. Он встречался с дочерью писателя С. В. Короленко.

БИБЛИОТЕКА ТАТИЩЕВА

**Игорь
ШАКИНКО**

Фото
А. Нагибина

Долгое время биографы В. Н. Татищева считали, что он — выпускник Артиллерийской школы. Пришли к этому выводу чисто логически. Василий Никитич был отличным, как бы мы сказали сейчас, — высококвалифицированным артиллерийским офицером, значит, он где-то учился. Артиллерийская же школа была под началом Я. В. Брюса — патрона и покровителя Татищева.

Однако довольно тщательные розыски в архивах историка Л. Д. Голендухина показали, что фамилия В. Н. Татищева не значится в списках ни одной из школ России того времени. Выяснилось, что Татищев вообще нигде не учился — ни в русских школах, ни в заграничных университетах. И тем не менее Татищев стал не только одним из образованнейших людей России и Европы, но и крупнейшим ученым первой половины XVIII века. Он оставил глубокий след в лингвистике, этнографии, археологии, палеонтологии, экономической мысли...

Самообразование, книги — вот путь Татищева к науке.

Весной 1712 года Татищев едет «за моря... для смотра тамошнего военного обхождения». А поскольку предполагался перевод его в артиллерию, то он должен учиться в Европе и инженерному искусству.

Поездка была недолгой — всего два месяца. Но уже на следующий, 1713 год, Татищев снова отправляется за границу. На этот раз надолго — почти четыре года путешествовал он по европейским странам, лишь изредка возвращаясь в Россию.

Дандиг, Берлин, Бреславль, Дрезден... Татищев не только осваивает военное дело, но и соприкасается с миром европейской науки. Он посещает в Берлине королевскую библиотеку, встречается с учеными.

Он всюду покупает книги. Пожалуй, это единственное, на что он не жалеет денег. Круг татищевских интересов раскрывает нам часть его библиотеки, хранящейся сейчас в Свердловском краеведческом музее. На старинных фоллиантах рукою Татищева поставлено время и место их приобретения. Есть книги по военному делу, фортификации, инженерии. Но большинство книг не относится к его прямой специальности. Имеются

и любопытные издания — «Искусство галантного разговора и правила хороших манер в обществе», «Как составлять письма и комплименты для персон высших и низших сословий». Но больше всего книг по философии, истории, политике, географии, о театре, путешествиях в разные страны...

Уже по одному подбору книг можно судить, как упорно Татищев учится. Труд, постоянная учеба, а не развлечения — вот главные его занятия за границей.

В 1716 году Татищев возвращается в Россию, но в 1717-м еще раз едет в служебную командировку в Европу и опять привозит оттуда целый сундук книг для себя и для Брюса. Покупает он книги и на Аландских островах, куда сопровождает Брюса для переговоров со шведами.

В 1719 году Петр I определил Татищева к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной Российской географии с ландкартами». С увлечением берется Василий Никитич за новую работу — собирает книги и старинные карты, подбирает нужных людей...

Отныне его главным научным занятием станет география и история. Именно по этим двум наукам он будет больше всего собирать книги. Он выписывает их из европейских стран, покупает в разных городах России — Москве, Петербурге, Тобольске, Риге...

Первая личная библиотека Татищева насчитывала в 1737 году более 1000 томов. Судьба ее довольно примечательна.

Как известно, в 1734 году Татищев вторично был назначен горным начальником заводов Урала и Сибири. Он приехал в Екатеринбург с большими планами, в том числе и просветительскими, организовал на Урале целую сеть школ. Недаром Мамия-Сибиряк отмечал, что «одна уже просветительная миссия доставляла бы Татищеву вечную память на Урале». В 1735 году Татищев создал в Екатеринбурге при Канцелярии горного правления заводов «казенную» горную библиотеку и использовал каждую возможность для ее пополнения. Так, например, в том же 1735 году по его указу горный чиновник А. И. Порошин, едущий

в Москву и Петербург, закупил для горной библиотеки 555 книг на сумму 390 рублей 85 копеек.

При отъезде в 1737 году в Оренбургскую экспедицию Татищев подарил Екатеринбург и всю свою личную библиотеку, которую собирал около двадцати лет. В июле 1737 года он писал в Екатеринбург, что в прошлом году «кунгурские земские старосты прислали мне в честь денег 989 рублей 47 коп., а понеже (я своим) жалованьем доволен, того ради оные (деньги) надо употребить в пользу здешних школ и, купя на оные (деньги) книги разных языков, також и моих собственных (книг) прибавя, отдать (все эти книги) пастору в хранение...»¹.

Через несколько месяцев Татищев прислал в Екатеринбург из Самары еще 170 книг, среди них грамматики греческого, итальянского, французского, английского, немецкого, латинского языков, руководства по добыче золота, по артиллерии, по черчению, а также труды Гибнера, Пуффендорфа, Майерберга...

¹ Материалы к биографии Татищева. Свердловск, 1964, с. 86.

Созданная Татищевым Екатеринбургская казенная библиотека насчитывала более двух тысяч книг и уже в середине XVIII века по праву считалась крупнейшей и лучшей горнозаводской библиотекой страны. Недаром, когда в 1773 году в Петербурге создавалось горное училище, а при нем библиотека, то значительная часть книг для нее была затребована из Екатеринбурга. В 1775 году с той же целью в столицу из уральской горной библиотеки отправили еще 300 книг. Кроме того, книгами из Екатеринбурга помогали вновь созданным библиотекам Барнаула, Нерчинска и других сибирских городов. Вполне возможно, что среди этих книг были и татищевские.

Несмотря на подобные разделы Екатеринбургская библиотека продолжала расти, к середине XIX века высоко ценилась как «весьма редкая библиотека по вопросам горного дела как по количеству книг, так и по систематическому подбору их»¹. В начале 60-х годов уральский исто-

¹ Екатеринбургская неделя, 1890, № 36, с. 795.

рик и краевед Н. К. Чупин занялся тщательным разбором книг Екатеринбургской библиотеки и обнаружил около 120 книг с автографами В. Н. Татищева. Но уже в восьмидесятых годах след татищевских книг снова затерялся. По крайней мере, Мамину-Сибиряку не удалось их разыскать, хотя он и считал, что они и «по сей час в Екатеринбурге, но у кого — мы не могли добраться»¹.

В 1890 году газета «Екатеринбургская неделя» опубликовала статью под названием «Погибающая библиотека». В статье сообщалось, что книги «капитальнейшей» горной библиотеки свалены в полном беспорядке на чердаке одного из зданий горного ведомства и библиотека «представлена в полное распоряжение стихий и мышей». Автор корреспонденции выражал тревогу, что если положение библиотеки не изменится, то «она неизбежно должна пропасть бесследно»².

¹ Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений, т. 12, Свердловск, 1951, с. 247.

² Екатеринбургская неделя, 1890, № 36, с. 795.

Книги из личной библиотеки В. Н. Татищева вновь были «найжены» краеведом В. Г. Федоровым в 1961 году при переезде научной библиотеки Свердловского краеведческого музея в новое помещение. Вот как об этом он сам рассказывает: «На столах и на полу выростали стопки редких книг отдела иностранной литературы. Каждый стремился хотя бы полистать отдельные книги, взглянуть на их титульные листы. Таким образом попала мне в руки первая книга, на титульном листе которой оказался автограф В. Н. Татищева»¹. Всего в краеведческой библиотеке оказалось около ста книг с его пометками и около двухсот книг, которые предположительно могли ему принадлежать.

Сейчас нам известна только десятая часть первой библиотеки Татищева. Какие же книги входили в неизвестную и большую часть татищевского собрания?

Попытаемся представить это хотя бы приблизительно.

Все его книги, хранящиеся в Свердловском краеведческом музее, на иностранных языках. Но он, безусловно, покупал многое из того, что издавалось тогда в России на русском языке.

Можно, пожалуй, утверждать, что

мимо Татищева не проходила ни одна книжная новинка, появлявшаяся в то время в России.

Подарив первую библиотеку своему дитю — основанному им Екатеринбург, — Татищев, естественно, продолжал приобретать необходимые ему книги. В 1743 году, сообщая в одном из писем Чекасову о продолжении работы над «Историей Российской...», Василий Никитич отметил, что уже «собрал число книг более 1000».

Очень активно Татищев продолжал собирать книги и в своем имении Болдино, где провел последние пять лет своей жизни (1746—1750 гг.). Продолжая переписку с библиотекарем Академии наук Шумахером, Татищев буквально забросал его просьбами о книгах:

«Ноне прошу вас, государь, прислать мне росписи книгам продажным, печатанным при Академии, да Буксбаума ботанические все книги, и весьма бы изрядно было, ежели оные иллюстрированы были». (Апрель 1745 г.)

«Прошу, как выписанные для меня книги привезут, немедля ко мне прислать». (Май 1746 г.)

Судьба второй библиотеки Татищева оказалась трагической. Очевидно, часть ее погибла во время пожара в селе Грибаново, где хранились многие рукописи и книги Татищева. Другая часть библиотеки и архива находилась в Москве, в доме сына Василия Никитича — Евграфа. Но, как заметили современники, сын был

«очень равнодушен к памяти и заслугам отца». Через одиннадцать лет после смерти отца в доме Евграфа Татищева обнаружили «большое количество русских книг и разных рукописей, большая часть которых истлела и не может быть использована»¹.

Как передовой человек своего времени Татищев сокрушался, что «книгопечатание» в России «единолично казенное, а вольное не допущено». Он считал, что «...если вольного книгопечатания допущено не будет, никак книгам полезным и наукам нужным распространиться невозможно».

Горячо ратовал Татищев и за свободную торговлю книгами, считая, что «ежели бы книгопродавство вольно допущено было, то б, конечно, более народ пользы имел, нежели ныне...»

Большой русский книголюб В. Н. Татищев дал в своей «Духовной...» такой завет своему, к сожалению, путешествующему сыну: «А хотя тебе и довольно останется моих книг, однакож еще старайся о собрании полезных как светских, так и духовных, что тебе в жизни неоцененным сокровищем служить будет».

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. VII, Л., 1968, с. 35.

¹ Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, с. 80.

ЕХАЛ ПОЭТ ИЗ ССЫЛКИ

Леонид
БОЛЬШАКОВ

«Пошел в кремль...»

Всем другим дорогам в Горьком я предпочитаю те, что ведут через кремль.

Сама история отлита в камень этих оград, этих башен. Проходишь через ворота, и сдается: обступают тебя века минувшие во всей своей суровой несхожести.

...«Пошел в кремль...»

Такую запись Тарас Шевченко сделал в первый же день по прибытии парохода «Князь Пожарский» в Нижний.

Бывал он в кремле часто. Смотрел. Рисовал. Думал. И думал не только об архитектуре, о прошлом.

«На днях как-то проходил я через кремль и видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом. Явление это показалось мне чем-то необыкновенным, и до сегодняшнего дня я не мог узнать его содержания, а сегодня Овсянников рассказывал мне, в чем было дело.

Крестьяне помещика Демидова, того самого мерзавца Демидова, которого я знал в Гатчине кирасирским юнкером в 1837 году и который тогда не заплатил мне деньги за портрет своей невесты, теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Крошечные мужички, вместо того, чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел их посечь за то, чтобы они искали управы по начальству, т. е. начинали с станového.

Интересно знать, что дальше будет...¹

Узнал ли — «Дневник» не говорит. Ну, а мне эту историю — всю, с продолжением и окончанием — открыло архивное дело из фонда канцелярии Нижегородского военного губернатора, начатое 25 октября 1857 года.²

¹ Полное собрание сочинений Т. Шевченко в шести томах, т. 5, стр. 163.

² Государственный архив Горьковской области (ГАГО), ф. 2, оп. 6, 1857, д. 77.

Двадцать пятого октября.. Именно эта дата должна быть внесена в будущую «Летопись жизни и творчества Т. Шевченко» взамен расплывчатого «на днях».

Что в тот день случилось?

«Толпа мужиков», которую увидел поэт, и впрямь была большой: 208 человек. Крестьяне пришли сюда из сел Варган, Белозерихи, Любимова — все в Макаровском уезде — с жалобой на своего помещика Демидова.

«Означенный помещик наш майор Деонис Алексеевич Демидов, владея нами четвертый год по наследству после матери своей, собирает с нас оброчной суммы с тягла по сорока рублей серебром в год; столь тягостный оброк привел нас в такое разорение, что многие из нас не только лишились скота, но не имеют даже лошадей, необходимых в крестьянском быту к запашкам земли и разным работам... Если кто из крестьян имеет хороший дом и приличное крестьянину состояние, то вынужденно отбирает у таковых деньги сверх оброчной суммы, угрожая сломкою и переносом домов в другую деревню; сим образом забрал денег человек у 17-ти от 50 до 300 р. серебром с каждого, всего до 5000 р. серебром. Ныне, собрав с нас оброчной суммы вперед за январскую треть предстоящего 1858 года, вынуждает еще к отдаче таковой за майскую треть.

Изнуренные таким распоряжением господина своего, мы не имеем возможности платить ему по 40 рублей серебром с тягла, а согласны только по двадцати рублей, почему вынужденными нашлись прибегнуть к вашему превосходительству и просить... покровительства и защиты».

Военный губернатор А. Н. Муравьев, управляющий в губернии и «гражданскою частию», получив жалобу, предписал старшему чиновнику особых поручений Жукову «немедленно отправиться на место происшествия» и вместе с жандармским офицером «произвести по всем обстоятельствам... тщательное исследование». Причем — «имея в виду свойственные крестьянам простоту и легкомыслие, последствием чего была и самовольная их отлучка» — губерна-

тор предлагал сделать им «надлежащее внушение».

Оно, это «внушение», оказалось как раз таким, каким представлено и в шевченковском «Дневнике».

«Крестьяне г. Демидова.. возвращены с строгим внушением в место жительства, некоторые же из них были наказаны розгами и закованы», — читаем в официальной бумаге, вышедшей из канцелярии двумя днями позднее, двадцать седьмого октября.

А в селах, где произошли «беспорядки», началось следствие.

Майор и кавалер Деонис Демидов клятвенно заверил, будто он только просил, а, мол, крестьяне напились и заявили, «что они оброка платить не будут и что они вольные», потом же, по наущению зачинщиков, надумали «собраться по человеку со двора и идти в Нижний».

Сельский бурмистр Григорий Сазанов это, разумеется, подтвердил, заявив, что сроду «более 10 рублей в год не собиралось» и вообще помещик не позволял себе насилия, во всем уповая лишь на «добрую волю». Даже собственноручное письмо барина показал. Письмо «ласковое», «отцовское»...

Нет, такой документ не процитировать грех, и я выписал его из дела целиком, со всеми особенностями стили:

«Прозьба к добрым моим крестьянам, которую предписывал Сазанову им прочесть.

Будучи в нужде я обращаюсь к Вам с прозьбою, не приказываю, ибо оно выходит из пределов того, что вправе от Вас требовать.

Но прошу если можно собрать мне теперь оброк так как передаст вам Сазанов; обещаю Вам, что поправившись немного, я оброчный взнос Ваш, я отдаю на такие сроки, которые будут Вам не тягостны, а легкие; окончив мою постройку и надобность преждевременного збора не будет, но теперь прошу рябят помогите.

Помещик Д. Демидов.
13 октября 1857 года».

Записка, что и говорить, просительная. Но мало кто не усомнился: написал ее «майор и кавалер» не тринадцатого, а после двадцать пятого,

когда ехали в село с дознанием. И, к тому же, одно на бумаге, а другое...

Старший чиновник Жуков и жандармский капитан Перфильев допрашивали мужиков долго.

Тихов, Федор Васильевич, шестидесяти пяти лет от роду, показал, что у него «бурмистр Сазанов по приказанию барина занял сто рублей серебром» и «сколько ни валялся в ногах у Сазанова, чтобы смыслостивился и взял только пятьдесят рублей, но Сазанов не смыслостивился».

Парфенов, Иван Михайлович, тоже крестьянин в годах, сказал, что у него «взяли полтораста рублей серебром для барина взаймы», и тоже силою.

Шеляпенкин Федот, двадцати лет, под присягой заявил: он-де «посмел отказаться от займа — ломать избу стали».

Десятки листов исписали следователи, и лишь немногие засвидетельствовали: «больше двадцати с тягла не брал, взаймы давать не доводилось». Боязно барину суперечить — разорит, учепет куда, по миру голыми пустит!..

...«Интересно знать, что дальше будет...» — задумывался Шевченко.

Вот так дальше и было: допросы, допросы, допросы.

А еще — зачинщикам розги. И — «внушения» в холодной. И — штрафы за «неповиновение».

В селах, откуда пошли к губернатору с жалобой, надолго поселился карательный отряд.

Что касается помещика, то в губернаторской канцелярии сочли: стал он жертвой, нуждающейся в защите.

Шевченко назвал его точнее: мерзавцем. И больше по душе была ему иная в отношении грабителя мера: «просто пошесить»... Так он записал в дневнике.

Анна на шее

Среди работ Шевченко-художника, составляющих заключительный, десятый том полного собрания его произведений, помещен карандашный «Портрет полицейского». Так подписан лист № 20.

Комментарий в том же томе гласит:

«Возможно, на этом портрете изображен нижегородский исправник А. Е. Бабкин, ибо из неотысканных нижегородских портретов только А. Е. Бабкин мог быть в военном мундире начальника уездной полиции».

И предположение, и утверждение — все в одной фразе.

Прежде этот рисунок именовали то как «Портрет чиновника..», то как «Портрет неизвестного».

Приятель Шевченко Григорий Честаховский, сам художник и в

прошлом владелец как этой, так и других работ Тараса Григорьевича, и свой перечень-список записал: «Портрет чиновного человека полцейора зъ христом и медалями».

Составители и редакторы академических томов с Честаховским согласны: «Портрет полцейского».

Согласен и я. Но кто этот «полцейский»? Действительно ли Бабкин?

Шевченко его рисовал. «Бабкин подарил мне прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI, а я сегодня, за это назидательное изображение, изобразил его собственную персону и довольно удачно», — записано в «Дневнике» 13 января 1858 года.

И все же тут он. Я подумал об этом, выяснив из «Общей росписи всех чиновных особ», что Александр Евграфович Бабкин имел в 1857-м гражданский чин титулярного советника и состоял при земском суде. Ну, а окончательно убедился, изучая... награды. У Бабкина оказалось три медали и — ни одного из орденов, которые видны на портрете.

Кавалерские отличия, подчеркнутые на карандашном рисунке, были у нижегородского полицмейстера П. В. Лаппо-Старженецкого. По формулярным спискам 1858 года он имел ордена св. Анны 2-й и 3-й степени с бантом, св. Станислава 2-й степени с императорской короной, бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и ряд медалей еще.

Шевченко испытывал к «Лаппе» (так в «Дневнике») признательность за то, что он «засвидетельствовал действительность... мнимой болезни» и тем самым помог ему избежать столь нежелательного возвращения в Оренбург. Их знакомство продолжалось до самого отъезда Тараса Григорьевича в Москву и Петербург. Встречались они и в Питере.

Интерес наш к этой фигуре, таким образом, оправдан.

По тем же послужным спискам удалось установить, что Павел Вильгельмович Лаппо-Старженецкий (сам он подписывался короче — «Лаппа») происходил из дворян Нижегородской губернии, начал военную карьеру еще в 1835-м, когда вступил в лейб-гвардии Преображенский полк, позднее участвовал «в делах против горцев» на Кавказе, в 1854-м был уволен со службы по болезни, а уж затем пошел по части иной: городничим в Гродно и Арзамасе, старшим полицмейстером в Нижнем Новгороде.

Признательный за оказанную услугу, Шевченко о Лаппо-Старженецком отзывался в «Дневнике» с похвалой. Искренность «любезнейшего П. В. Лаппы» он на дневниковых страницах ни малейшему сомнению не подверг.

Увидел бы поэт переписку, которая велась о нем в это же время полицейскими властями. Посмотрел бы

на своего знакомого сторонними глазами или сам, но в упор...

Актер Александр Павлович Ленский увидел его несколькими годами позднее и оставил нам в своих «Записках» картинную характеристику:

«На углу стояло несколько извозчиков с хорошими запрязками. Вдруг все они без всякой видимой причины повскакали в свои сани и, нахлестывая лошадей, бросились враспынную, кто куда. Такой переполох бывает только на птичьем дворе, когда куры внезапно завидят истреба. Мой извозчик пугливо обернулся, торопливо снял шапку и задергал вожжами изо всех сил, понукая свою лошаденку. Сзади раздалось зычное: «П-а-а-ди!»... и мимо нас пронеслась, ныряя по ухабам, пара серых: пристыжная свилась кольцом, на козлах — бородатый кучер, а в санях военный, завернувшийся в шинель с бобрами и с широчайшими плечами, так что плечи его равнялись ширине саней.

Это был полицмейстер Лаппа, известный взяточник и «дантист», сворачивавший скулы и правому и виноватому. Впоследствии, встречаясь с ним, я всегда выносил тяжелое впечатление от этих бесцветных, холодных глаз с желтоватыми белками, от этих словно лягающих при разговоре крупных желтых зубов из-под желтых же усов с подусниками и сильно двигающегося четырехугольного подбородка. Что-то холодное и жестокое чудилось в этом человеке. Впоследствии, читая щедринское описание градоначальника города Глухова, таким я представлял себе Угрюм-Бурчезева...»

Прочтем это еще раз, и одновременно всмотримся в черты, схваченные художником. Совпадение удивительное.

Но... удивляться нечему: словесный портрет касается Лаппы, то же лицо, ту же фигуру запечатлел Шевченко. И как запечатлел! Бескомпромиссно. «Любезнейшего» Лаппы здесь нет. Он такой, каким был на самом деле.

Карандаш художника-реалиста внес в его характеристику свою, притом существенную, поправку.

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

Иван
ТОКАРЕВ

Рисунки
Н. Мооса

Рассказ

Бадьино — большое старинное село на бывшем сибирском тракте: дворов побольше полутора сотен, есть школа-десятилетка, клуб, хороший новый магазин. Сюда, в Бадьино, Кузьма Пупышев приезжал, чтобы внести просроченные платежи по страховке и налогу. Выйдя из сельсовета и проверив на крылечке, правильно ли выписала секретарша квитанции, Кузьма отвязал от телеграфного столба маленькую шерстистую кобылку Машку и сел на телегу.

В Старинку, что километрах в семи от Бадьино, Кузьма переселился из соседнего района три года назад. Мужик он не с ленцой, но бедолага, неудачник, не спорится у него дело. Возьмется сено, скажем, косить и бьется, и старается, но хватает сена до половины зимы, а дальше приходится докармливать живность соломой. Старуха его, зная мужнину нерасторопность, начинала обычно, как только стает снег, «пилить» Кузьму насчет покоса, требовала, просила сдружиться с лесниками, у которых и трава, и дрова — что хошь, все в руках. Кузьма отмахивался от нее, как от кусочей осенней мухи, и только в конце июля, когда лучшие травы были выкошены и оставались одни обкоски, начинал морковать, кляня коровешку, которая «жрет в три глотки». То же и с дровами — каждую зиму довозил сырняку.

От сельсовета Кузьма решил подвернуть к дому лесника Осипа, жившего в Бадьино. Так, на всякий случай, потому что — Кузьма знал — трудно застать в такую горячую пору лесника в деревне.

В лесниковой ограде высокая баба развешивала белье.

— Осипа нет дома! — отрезала она, хотя Кузьма еще ничего не спрашивал. — Стой тут с вами за притворщика! Ворота весь день не запираются...

— Да ты почем знаешь, что я к Осипу твоему? Может, я к тебе — свататься?..

Баба поставила на землю таз с бельем, уперла разбухшие красные руки в бока, и запрокинув голову, захохотала.

— Жених выискался... И скажет же — жених... Ты бы пообобрался хоть, когда сватать удумал! Баба хохотала истоиво, до слез, и Кузьма, точно от кнута, попятился из ограды. Больше всего

на свете он боялся вот такого, едкого смеха. Обладай его старуха той же способностью, она достигла бы насмешками куда большего, чем ежедневной руганью.

Кузьма опомнился уже возле телеги. Постояв возле нее и почесав в затылке, он сплюнул и решил поехать к избушке лесника, к Батиной ляге, где — раз дома не оказалось — мог быть Осип.

Время близилось к вечеру, когда Кузьма свернул на дорожку к избушке лесника.

Еще издали Кузьма увидел ее хозяина, стоявшего возле мотоцикла, в седле которого сидел маленький, тщедушный человек. До слуха Кузьмы донесся громкий разговор.

— Ты свои законы не устанавливай! — кричал человек, взглядывая на Осипа снизу вверх. — Зажил в лесу, зажил! Самолучшие покосы дружкам раздарил?..

— Кто раньше встал, тому и дал. В порядке очереди. По закону все! — добродушно увещевал Осип. — А ты — ботало.

— По закону!.. Катке со станции тоже по закону отдал Прохорову лягу? Я вот Дарье твоей скажу — она тебе покажет, как сударок оделать...

Кузьма как раз остановил кобылу возле них.

Осип был весь на виду — в черных брюках и в белой просторной рубахе, подпоясанной широким солдатским ремнем. Вольная одежда не могла скрыть его саженных плеч и могучей груди, и Кузьма как всегда позавидовал: ни здоровью, ни статью самого его судьба не оделила.

— Здравствуй был! — насмешливо ответил Осип на приветствие Кузьмы и опять обратился к мужику, оседлавшему мотоцикл.

— Ты, Игнат, много жил, умишка не нажил. Катку станционную ты мне не приписывай: у нее документы справлены как надо — и из лесхоза, и из райисполкома, и из больницы. Сама беркулезом мается, в могиле одной ногой стоит, и дочка болеет. Им молоко надо. Без коровы сгинут... А ты от жиру бесишься. Твоя спящая красавица обрату с молоком намешает — и на перрон, к поезду. Проезжий, дескать, свинья — все сожрет.

Осип нахмурился, отступил от мотоцикла, показывая тем самым, что разговор окончен. Но человек медлил, видно, все еще на что-то надеялся.

— Ты время не теряй, Игнат, — продолжал Осип, — вечереет. Ступай подобру-поздорову. Да послушай совета: езжай в Михайловскую дачу, там, может, и обломится. А у меня покосы кончились. В посадках-то косить не хочешь: тяжело, рученьки отматаешь. Ступай, ступай... Ишь, учитель выискался, — глядя вслед Игнату, заключил он и повернулся к Кузьме. — Ты тоже лаяться приехал? Тогда сразу оглобли заворачивай. Пошто на телеге-то?

— Лучше у нас транспорта не нашлось... Это вы, бадьинские, на ходах, фертом привыкли. А на нашем конном дворе полтора колеса. Ничего, тише едешь, дальше будешь. Кости целей...

— Ишь ты! Ну, айда к нашему шалашу — хлебать лапшу...

Трава перед избушкой была вытоптана, кругом валялись обрывки газет, пустые пачки из-под папирос и сигарет.

— Как тетерева с тетерками вытоковали, — ворчал Осип, когда шагали к навесу, что рядом с избушкой. — У меня тут весь день ярмонка, человек тридцать перебыло. И все с бутылками норовят. Подпоим, мол, покос лучше получим. Мне если все пить — за год не просохну... С чем приехали, с тем и уехали, сами водку возле кустов выглотали. На свежем воздухе... Того не поймут, что все покосы розданы. Тоже, поди, за тем? Ну, да ко мне так не ездят. Зимой и шапочки не ломают, зато в покос на моде... Распрягай свою да садись... Запоздал ты, когда покос смотреть?.. Да и покосы-то, говорю, только в посадках. До утра уж. Ночуй, кобылке отдых дашь. Сейчас варево на огонек поставим...

Осип вроде даже обрадовался, что этот, последний покосовщик, припоздал. Насколько суматошными, людными были долгие летние дни, настолько тоскливо и нудно тянулись для Осипа одинокие вечера. Особенно он не любил солнцезаката, когда на душе становилось тревожно и беспокойно. Поэтому, может, опять боясь одиночества, и привечал нежданного гостя.

Кузьма принялся распрягать Машку. Осип меж тем, стоя на коленях, неспешно рубил сучья для костра. Вскоре над поляной, наполненной длинными тенями, поплыл духовитый дымок. В маленькое ведро, подвешенное над огнем, Осип засыпал овсяную крупу, промешал палочкой и ушел в избушку, откуда вернулся с пучком сухого лабазника.

— Чай будем пить, — сказал он. — Этот чай всем чаям чай... На здоровье влиятельный...

— Тебя здоровьем-то и так бог не обидел.

— Я виноват? Вот хоть Игнат: «Зажил!» Не виноват же я, что он, сколь не корми, все, как воробей в январе, в самые морозы. Синичку хоть на пшеничку, а все равно орла не выйдет.

Обещание Осипа дать покос в посадках не особо-то обрадовало Кузьму, знал он, что это такое: коси да побаивайся, как бы веточку или сосенку в рядках нечаянно не срубить, а потом вытаскивай сено на поляну, суши да вороши. Но Кузьма все же решил остаться ночевать: может, поубреет Осип и разыщет покос получше? А то и покос у Прохоровой ляги отдаст.

Ужинали под навесом, за грубо сколоченным шатким столом. Осип достал шматок сала и, счистив с него соль, нарезал маленькими кусочками.

— Подвигайся...

— А я тоже пузырек из Бадьино прихватил.

Стемнело полностью, воздух посвежел. Неподалеку от навеса, потрескивая, догорал костер. Лениво проскрипел коростель за лесом, на полях откликнулась перепелка, и опять все стихло.

— Ты в Бадьино у меня-то был?

— Был. Супружница твоя меня так... приветила!

— Что, неласка? Измоталась по дому, вот и злится. Дочку ждем в гости. Стирка, уборка. А из меня, вишь, помощник: день с ночью тут пнем сичу.

— Дочку? А мне сказывали, один сын у тебя.

— «Сказывали!» Танюшку мне бог с небес послал.

— Согрешил по молодости? — с пониманием усмехнулся Кузьма. — С кем не бывает! Святых-то мало среди нашего брата...

Помня, зачем приехал, Кузьма явно подлащивался к леснику, но неожиданно последние слова возымели обратное действие.

— «Согрешил!» Много ты в жизни понимаешь, — рассердился Осип и, встав из-за стола, скрылся с чашками в темноте.

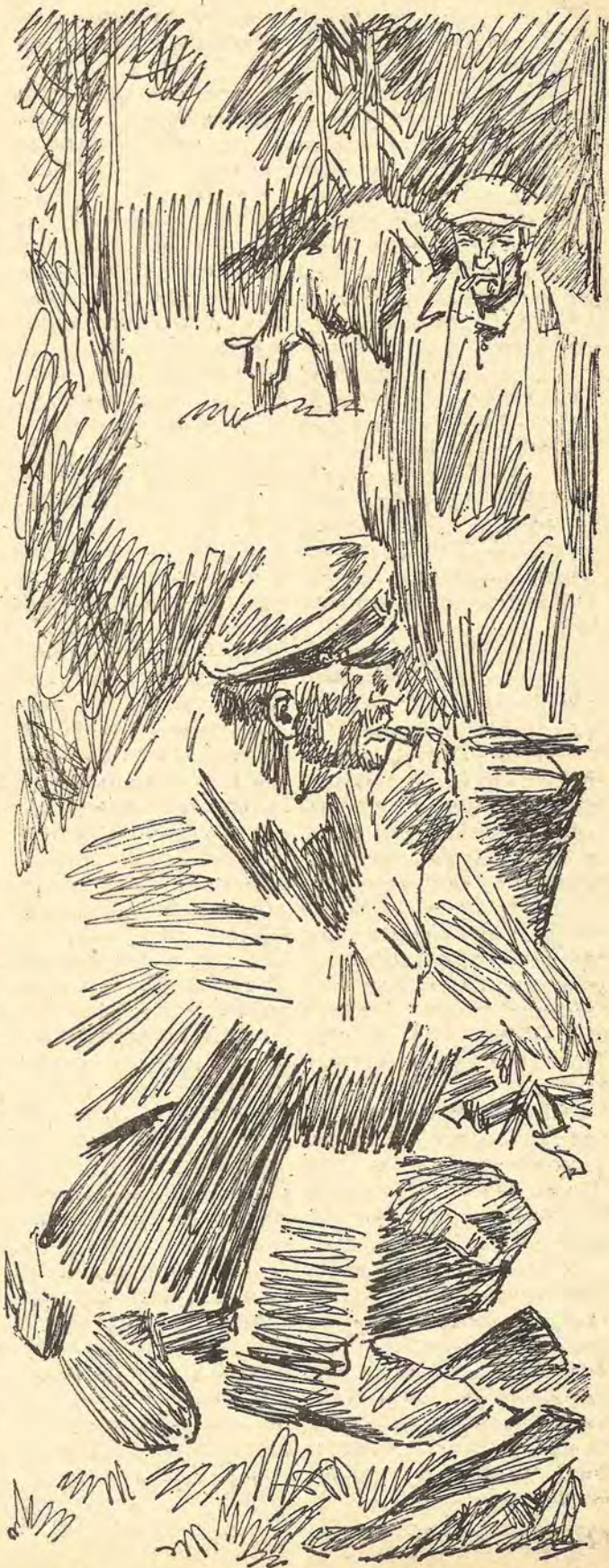
«Крутой мужик! Этот скажет — завяжет», — думал Кузьма, проклиная себя за оплошность.

Осип вернулся не скоро. Подсев к столу, достал газету, свернул сигарку и протянул кисет Кузьме.

— Закуривай... Брякнул ты, а не подумал... — Осип отошел, видать, малость, голос стал поспокойней, но Кузьма, однако, что-то разбередил в его душе.

— Я жизнь так понимаю про себя... У меня вот было — в книжке того не вычитаешь. С Егором Гаревым уходили мы из Бадьино на фронт в один день... Жили по соседству, и на войне все вместе. Корку хлеба друг без дружки не съедим, горюшко вместе, напополам, пьем. Под Старой Руссой все образовываться стало. Назавтра — бой. Перед тем, вечером, сидим в землянке, разговоры вьем. Егор как вроде невеселый, все дом да дом на поминке. У меня и у него в деревне жены пооставались, детишки. У Егора дочка, у меня сынок. Думал-думал мой земляк и, чуешь, что надумал? Эх, мать моя Елена... Толкует мне: мол, всякое, Осип, на войне бывает, кто-то, может, и не придет домой. Ну, а кто из нас двоих придет — должен и о другой семье позаботиться, детей воспитать, пока на свои ноги крепко не встанут... Долго не рассуждали, расцеловались, ремнями, как нательными крестами, поменялись... Не верю я, Кузьма, в бабкины сказки и не верил, а скажу: чуял, ох чуял Егор свою близкую погибель. Наутро, когда бой начался, срезало его... осколком. Подбежал к нему... Шепчет что-то, а что — понять нельзя.

Ден через пять отписал его Anne, все как было. Войну в Берлине кончал. Во всех передрыгах за пять лет перебыл, а миновала меня пуля, хоть бы где одна царापина.

Про уговор помнил. Где денег пошлю своей Дарье, тряпку какую — пишу, чтобы с Анной поделилась.

Вернулось нас в Бадьино восемь человек, а уходило десятков семь. Как лес в бурю, полегли. Редкий дом горе обошло. Все кругом валится без мужицкой руки. Ни в себя, ни на себя.

Ну, пришел я домой. Народу сбежалось — полный домишко. Ребятишки у порога жмутся, и Танюшка Егорова тут же. Верись — из глаз слезу вышибает, сердце заходится. Развязал вещмешок, что сыну с женой вез — все ребятишкам роздал. Пусть они хоть каплю радостную поимеют... Мать моя Елена... Наутро к Анне зашел, опять про Егора разговоры, рев на всю избу.

Танюшка к матери жметяся. Платышко на ней стрень-брень, заплата на заплате, не видно, какая родная матерья была, какого цвету. Дело по глубокой осени, в избешке холод. Привез дров, попилили с Анной, поколол, недели на две хватит. Дома тоже не чище...

Вечером говорю Дарье: «Вынимай-ка из сундука наряд, какой на свадьбу дарен был». Полегла в сундук, вытащила юбку широченную, что твоя плащ-палатка. Вот, говорю, как раз будет Танюшке на два платица... Дарья не давать было. Зло взяло. Что, говорю, Дарьюшка, за большим плетнем чужой, низенький, не видно? Губами подернула, а отдала.

Зима на носу. Гляжу опять: на Танюшке пальтишко ветром подбито, а в школу не ближний свет. Она тогда в третьем училась. Нашел на полтях рваный тулупишко, две шубейки из него выбралось: Танюшке да сынку.

Весной огороды попахал — свой и Анны, картошку посадили. Ну, мать моя Елена, живем дальше, ожидаем лучшего...

За кустами зафуркала Машка, дзенькнул колокольчик, но звон его тут же погас, запутался в густой темноте. Осип встрепенулся.

— Ты бы ее вон к тем кустам перепутал, там трава получше. А тут что она возьмет — волосец один, проволока и та мягче.

Пока Кузьма перепутывал кобылу, Осип принес от костра чайник, налил в зеленые эмалированные кружки.

— Живу в лесу, а с посудой не маюсь... Пьют-пьют и оставят... Ну, слушай... Летом, в покос, приехал я с поля, разулся и на крылечке сел. Дарья коровешку доит. А тишь кругом — даже страшно, хоть уши затыкай. Слышу-послышу кто-то за плечо тронул. Глянул — Танюшка. В руке чашку держит, а в ней — земляника, ягодка к яголке, запашистая. Это, говорит, тебе, папка, я насобирила... Я по молодости не ревливый был, война совсем от этого дела отучила, а тут — в слезы. Обхватил Танюшку, землянику просыпал и реву... Мать ты моя Елена...

Костер давно уже потух, и Кузьма плохо различал лицо лесника. Опять скрипнул и затих ко-

ростель, откуда-то из-за леса прилетел еле слышимый звук — не то песня, не то крик.

Осип помолчал.

— Лет шесть живем так, вместе сроде. У Анны в ограде без меня ни одного кола не забито, ни одного прутика не завито. Дошло до чего — срединное прясло на дрова сожгли, живем одной оградой. По деревне слухи пошли: мол, Осип-то с двумя женками живет, приснастился, Егорову к рукам прибрал. И зло берет, и обидя. Дарья с Анной цапаться начали... А потом себе думаю: на каждый роток не накинешь платок, что вы поете про меня — половина гнилого... Я тебе, Кузьма, как на духу скажу: шуры-муры разводить не люблю... Говорит как-то Анна: «Отступись от нас, Осип. Как-нибудь перебыюсь, в войну не померли, а теперь и подавно». Как помогал, говорю, так и помогать буду. А языки ваши дурные в тихое место повесьте, чтоб от всякого ветру не болтались. У тебя, говорит, своя семья. Не твое, отвечаю, дело, я здоровый — сдюжу... А с Дарьей мы... разобрались...

Танюшка в десятый пошла, когда Анна померла... Она как похоронку от Егора получила, все сердцем маялась. Картошку копала на колхозном огороде, легла возле кучи и стихла. Схоронили, как подобает. Танюшку к себе забрал. Как десять кончила, на учительницу пошла. Работала и училась позаочь. В городе сейчас живет... Письмо прислала — со дня на день будет. Дарья должна телеграмму Семке отбить — пусть приедет. На Востоке он...

Они еще долго сидели под навесом, слушая коростелиную да перепелиную тишину.

— Спи в избушке, я там травы настлал — лучше перины, — сказал Осип. — А я тут, под тулупом.

Уже лежа в избушке, Кузьма думал об Осипе, о только что услышанном: «Чудак-человек! Ну и чудак». И в этом его мысленном возгласе было все — и зависть, и удивление перед Осиповой судьбой. Засыпая, Кузьма боязливо, с опаской поставил перед собой вопрос: смог ли бы он, как Осип, но так и не ответил.

Осип разбудил его рано, когда, еле видимый, негустой в здешних местах, сизый туманец, как живой, колыбался над поляной.

— Ну и спишь ты!.. По-царски!.. Покос-то пойдешь глядеть?

— Прохорову лягу дашь?

— Прохорову? Да я ведь ее Катке станционной отвел. Только в посадках... Там трава хорошая, дня за три на корову набьешь...

— Это ты. А мне две недели упираться надо, — возразил Кузьма.

— Ну! Мужик же!

Кузьма промолчал и, хмурый, поплелся вслед за лесником.

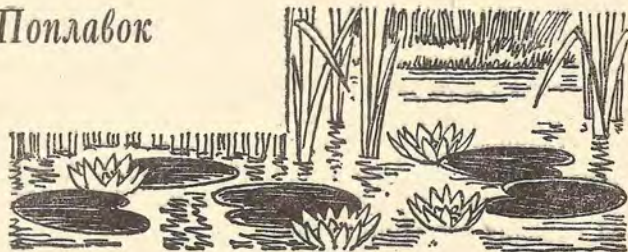
Речная мелодия

Валериан
БАТАЛОВ

Рисунки
В. Бубенщикова

Поплавок

Есть в нашем округе большое, живописное озеро — Адово. Расположено оно в развилке между верховьем реки Камы и ее притоком Весляной. Об этом озере я слышал много легенд и сказок. Одну из них рассказал мне лесничий.

Давным-давно, еще в глубокую старину, узнали люди, что в лесу есть большое озеро, на дне которого лежит бочка с золотом. У многих разгорались глаза на такое богатство, да не знали, как подобраться к этому кладу. На маленькой лодке-долбенке там нечего делать, а построить большую лодку могли только люди богатые, состоятельные. Съехались они к озеру со всех сторон, согнали сермяжную гольтьбу лады строить. За день и ночь построили десяток добротных лодок, и рано утром выплыли на них богатеи на середину озера. Выплыли и заспорили, кому первому сеть закидывать, чтобы бочку с золотом выловить. Один кричит: «Я первый прибежал к озеру!». Другой: «Я богаче тебя, выходит, мне и первому счастье пытаты!». А третий ругается: «Убирайся подальше, а то веслом зашибу!». Долго спорили, кричали, а потом в драку бросились, пошвыряли друг друга в воду и утонули.

«Черт в ад их прибрал», — сказали люди и назвали озеро Адовым...

Мне давно хотелось побывать на этом озере. И вот однажды летом от райцентра Гайны мы поднялись на самоходке по Каме до лесного поселка Пельмин-Бор. От Пельмин-Бора пешком пробирались к озеру по густым ельникам, буреломам, болотам. Под ногами колыхалась земля, хлюпала вода. Ноги по колено вязли в мягком водянистом мху. Перешли лесные речки Утьву, Чугрем и Шушару. Только на второй день к вечеру перед нами открылась широкая и ровная блестящая полоса. Это и было озеро Адово.

Несмотря на жаркую, почти безветренную погоду по озеру ходили большие пенистые волны. На них то тут, то там покачивались стайки диких гусей и уток, в воздухе кружились крикливые чайки. На солнце сверкали лаковые листья кувшинок.

Неожиданно озеро успокоилось, и мы издали заметили на его глади большое черное пятно. Оно медленно приближалось к нам. Что бы это могло быть? Мы прождали около часа, пока загадочное пятно не причалило к берегу. Оказалось, что это плавучий островок. Видимо, когда от берега оторвался толстый пласт торфа, а ветер со временем набросал на него слои пыли, опавшую хвою, семена трав и деревьев. Сейчас островок густо зарос осокой. Как в скверике, росли на нем карликовые сосенки да березки.

Позднее мы узнали, что рыбаки из ближайших лесных поселков частенько рыбачат с этого островка, плавают на нем по всему озеру. И назвали его Поплавком.

Полет

На луговых березках появились желтые личинки.

На просторной пойме Иньвы с веселым щебетанием и свистом металась из стороны в сторону стайка скворцов.

Птенцы уже научились хорошо летать, повзрослели.

Вот шумная семейка стремительно пронеслась между кустами смородины. Притихла на минутку. Бугорок возле высокого елового пенька сплошь покрылся черными верткими комочками. Один молодой, еще сероватый скворец взлетел на пенек, похлопал крылышками, крикнул что-то по-своему.

Совсем, как на собрании: один выступает, остальные слушают. Но в стайке тут же поднялся шум. Знать, не понравился выступающий. Взлетел другой молодой скворец, согнал первого с пенька. Тоже похлопал важно крылышками. И снова птицы забеспокоились, зашумели: мол, зелен еще, желторотик, мало каши съел.

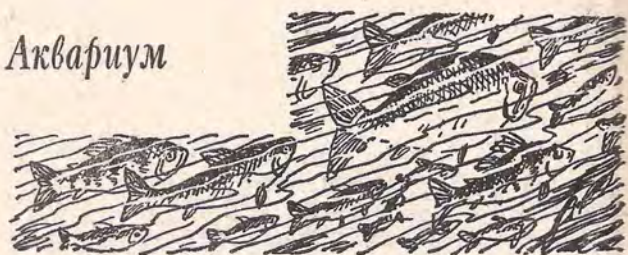
Третий поднялся на «трибуну», четвертый, пятый...

И так до тех пор, пока не взлетел на пенек

старый черный скворец. Спокойно осмотрел всех присутствующих...

Значит, он и поведет за собой пернатую семью в дальний путь, в жаркие страны.

Аквариум

От палящих лучей августовского солнца даже трава повяла. Мне хотелось плеснуть в лицо горсть холодной воды, смыть пот, попить. Но вода в Иньве была теплая и грязная. Где-то в верховьях уже третий день экскаватор черпал из реки гальку. От этого во всю ширину Иньвы текла муть.

В полукилометре от меня в реку впадал ручей Светлица. Вода в нем холодная, светлая. Узкое голубое русло устья Светлицы просматривалось до самого дна. Но на этот раз я неожиданно увидел здесь другую картину. В ручей набилось столько рыбы, что, казалось, не осталось в воде свободного места. Тут и бойкие, увертливые язи, и широколобые, чернохвостые голавли, и полосатые окуни, и даже брусковатые, пятнистые щуки. Зубастые хищники прижались к траве у берега, ведут себя в этой, вынужденно сбившейся, большой рыбьей семье сдержанно.

Я не стал подходить вплотную к ручью, осторожно попятился, чтобы незамеченным уйти от аквариума и не спугнуть его обитателей.

Пройдет муть, и рыба спустится в Иньву.

Речная мелодия

Целую неделю в августе стояли жаркие дни. И сегодня с утра небо снова было чистое-чистое. Съежились, поникли ивы на берегу Иньвы, опустили ветви к воде. А река так обмелела, что

даже на самой середине — то тут, то там — выступили островки галечника.

К полдню установилась такая напряженная тишина, что было слышно, как синяя стрекоза перелетает с ветки на ветку, как на противоположном берегу стрекочет кузнечик. Даже травинка не шелохнется. Казалось, все живое замерло. И думалось, что если такая жара продержится еще несколько дней, то выгорит на лугах отава, высохнут лужицы и озера, вымрут лягушата, погибнут карасики.

И вдруг, откуда ни возьмись, в небе появилось серовато-белое легкое облачко, будто сотканное из расчесанной заячьей шерсти. Оно казалось совсем не дождевым. Но вот неожиданно сверху посыпались капельки дождя, живыми паутинками засветились на солнце, заблестели. Дождинки падали на речку, точно иголочками протыкали свинцовую гладь, образуя на ней чуть-чуть заметные кружочки. И тогда, пригретая жарким солнцем, вода музыкально, сначала еле слышно, а потом все громче и громче, будто тысячи маленьких невидимых колокольчиков, зазвенела на разные лады.

Я слушал и слушал эту волшебную мелодию. Но дождик как неожиданно начался, так же неожиданно и прекратился. Облачко в небе растаяло. Оборвались, исчезли блестящие паутинки, ивы на берегах Иньвы приподняли ветви, защелкали птицы, запрыгали лягушата на берегу, позеленела отава на лугах. И снова наступила тишина, но уже не такая напряженная и знойная, какая была перед дождем, а нежная, успокаивающая.

Переправа

Там, где светлый студеной безымянный ручеек выбегает из леса на луга и впадает в Иньву, слева стоят десятка два маленьких елочек и сосенок, а справа — целый лесочек. Летом на левом берегу ручейка под елочкой муравьиная семья принялась строить себе жилище.

Хлопотливые труженики быстро собрали в пирамидальную кучу всю сухую хвою, опавшую поблизости на земле. Собрали, да маловато оказалось. Вот-вот ударят осенние заморозки, а жилище свое муравьи не успели достроить. Строительного материала не хватило. Как быть? Не оставаться же на зиму без жилья.

По обоим берегам ручейка росли низкорослые черемухи. С одного берега нависла над ручьем толстая ветка, а с другой стороны к ней протянулась такая же, будто деревья с разных берегов протянули друг другу руки, здороваются. Муравьи эти ветви переправой сделали. Перебегают они по веткам, как по горбату воздушному мосту, на другую сторону ручья, из соседнего лесочка таскают через переправу сухую хвою, без усталости сплывают взад-вперед.

На дорогу...

В Тимшоре мы остановились в низеньком старом домике у очень разговорчивой и ласковой бабки Матрены. Жила она с двенадцатилетним внуком Павликом.

Перед уходом в лес рано утром хозяйка угощала нас только что испеченным домашним хлебом, жареными краснотелками, рыжиками да маслятами, молоком и смородиной. Из леса мы возвращались поздно вечером.

На третий день, когда мы собрались домой, бабушка Матрена вынесла из подполья березовый туесок, положила в него окуньков:

— Это вам, сыночки, на дорогу. Пашик вон чуть свет с речки притащил. В туеске-то оно удобнее...

— Зачем вы это, бабушка Матрена? — хотели было мы отказаться. — Не надо!

— Почто «не надо»? В дороге-то оно ведь, знаешь, как бывает. Пригодится, — настаивала хозяйка. — Ухи горячей с устатку поедите. Разве только упарятся. Вон какая жарина стоит. Да ведь что же это я?.. — Тут она вдруг спохватилась: — Пашик, родненький, сбегай за ледком.

Внук торопливо выбежал на улицу.

— Бабушка Матрена, а где вы лед в это время берете? — удивленно спросил я.

— В колодце нашем по бокам сруба за зиму столько льда намерзает, что к весне еле ведро проходит. Летом очень медленно тает, хватает его почти до осени, — пояснила хозяйка.

Вот и Павел с ведром показался на пороге. В туесок вместе с рыбой положили несколько кусочков льда. Хороший дорожный погребок получился.

Уральские якоря

Известно, что на горных заводах Урала в XVIII—XIX веках изготавливались якоря и прочее оснащение для судов, крепостей и портов. Такую продукцию отливали на Екатеринбургском, Серебрянском, Верхнетуринском, Нижнетуринском, Ижевском и Воткинском заводах. Многие старинные изделия сохранились до сих пор.

Во дворе историко-краеведческого музея, известного под названием «Поганкины палаты», в Пскове на деревянном помосте лежат два железных якоря. Один из них, большой четырехрогий, высотой около двух метров и весом 15 пудов и 10 фунтов, — с паспортом. Резной текст надписи гласит: «1787 г. мая 2 чи(сла) зделан при Серебрян(ском) казен(ном) заводе...»

В Одессе к самой стене здания морского музея приставлены два больших якоря. На двурогом большом якоря с упором есть такой текст: «(Строен на Нижне)Туринском заводе рядовыми мастерами...»

В Сочи на Приморской набережной в 1828 году был сооружен памятник в честь присоединения Причерноморья к России. На постаменте установлена небольшая чугунная пушка. К ней приставлен двурогий якорь, срезанный по стержню. Можно, однако, прочитать часть текста: «(779) года месяц май 23 дня весо(м) 180 (пуд) зделан при Воткинском заводе по...»

Еще один космический кратер

Знаменитая Аризонская впадина, или кратер, как известно, — космического происхождения. Она образовалась при столкновении с Землей метеорита.

В Индии также обнаружена впадина диаметром в два километра. На дне ее — мелкое озеро. Недавно ученые подтвердили, что и эта отметина на лике Земли — тоже космического происхождения. Пробы грунта, поднятые со дна озера и взятые из вала, опоясывающего кратер, содержат брекчии — породы, образованные в результате ударов колоссальной силы.

Бумага из пластика

К 1980 году Япония предполагает довести выпуск бумаги из пластмассы до одного миллиона тонн. Примерно такое же количество бумаги из древесины было израсходовано в Великобритании в 1970 году.

Однако маловероятно, что до конца XX века пластиковая бумага сможет серьезно соперничать с обычной. И дело не в цене, хотя сейчас производство синтетической бумаги обходится в 2,5—3 раза дороже.

У пластмассовой бумаги есть целый ряд достоинств: она отлично выглядит, не боится воды и масел, долговечна, печатный текст на ней выглядит четко. Только вот краска и чернила на ней сохнут очень долго.

Западные страны, уже сейчас страдающие от недостатка нефти — исходного сырья при производстве бумаги из пластика, — к концу века будут испытывать еще большую нужду в нефти. Запасы же древесины периодически возобновляются. А из пластиковой макулатуры пока научились делать лишь дешевые трубы для нужд сельского хозяйства, но не ту же бумагу.

МИР

НА ЛАДОНИ

Складной велосипед

Пермский велосипедный завод освоил производство универсального складного велосипеда «Кама». Его легко приспособить на любой рост и вкус — и для женщин, и для мужчин, и для подростков. Сложить его пополам — тоже дело минутное. В таком виде с велосипедом можно ездить в электричке, подниматься в лифте. И в квартире он займет немного места.

Через Атлантику за 30 часов

Специалисты из «Амери-кэн Рокуэлл Корпорейшн» утверждают, что это будет возможно в недалеком будущем благодаря гидравлическому двигателю или водной ракете.

Этот новый двигатель работает по принципу поливального шланга — тяга создается вследствие ускорения воды, вкачиваемой на борт и затем выбрасываемой с большой скоростью. За одну минуту можно вкачать 378 000 литров воды и выбрасывать ее в воздух со скоростью 240 км/час.

В настоящее время изучаются три варианта двигателей — для торговых судов, катеров и небольших паромов.

Чудо-магниты

Отполированные пластинки, кружочки, лежащие на металлической плите, привлекают внимание всех посетителей выставки. Однако никто не может взять в руки крохотные кружочки — сил не хватает оторвать их от плиты, они — будто заколдованные.

А и вправду заколдованные, но не сказочным чародеем, а учеными. Эти пластинки и кружочки, сделанные из самария и кобальта, обладают фантастической магнитной энергией — в 32 миллиона гаусс/эрстед. Один грамм сверхмагнита может удерживать килограмм железа.

Постоянные магниты с рекордной магнитной энергией найдут широкое применение в технике. Созданы такие чудо-магниты в лаборатории Института физики металлов Уральского научного центра Академии наук СССР.

Дейтерий в космосе?

Группа американских ученых сделала сенсационное открытие — обнаружила в туманности Орион много тяжелого водорода — дейтерия.

20 миллиардов лет назад, когда, как предполагают ученые, произошел так называемый большой взрыв в межзвездном пространстве, там должны были остаться ничтожные количества изотопа водорода, или дейтерия.

И вдруг в космосе обнаружен дейтерий! На Земле один атом его приходится на шесть тысяч атомов водорода, а в космосе, оказывается, его в десять раз больше!

Это, конечно, — сенсация. Водород — основной элемент Вселенной. И то, что в космосе обнаружен изотоп водорода, будет иметь, если это открытие подтвердится, огромное значение для разгадки тайн возникновения и развития Вселенной.

Бутерброд со дна океана

Около десяти месяцев пробыл на глубине 1500 метров контейнер со стандартным набором американского завтрака: пластиковый пакет с бульоном, бутерброды с копченой колбасой и майонезом и несколько яблок.

Когда контейнер подняли на поверхность, оказалось, что пища практически не испортилась. Бульон был вполне пригоден для питья. Хлеб, колбаса и майонез, хотя и пропитались морской водой, выглядели свежими. Яблоки приобрели вид маринованных, но их сок остался почти таким же, как у свежих.

Повторение опыта на значительно больших глубинах дало почти те же результаты. Разложение органических веществ шло от 100 до 600 раз медленнее, чем при нормальном атмосферном давлении у контрольных образцов, помещенных в ту же морскую воду.

Ценность опытов очевидна: поскольку процесс естественного разложения в морских глубинах практически близок к нулю, море нельзя считать подходящим местом для мусорных свалок, как это делают те же американцы.

Лишний «винтик»

По первым звукам, которые издает новорожденный, можно поставить диагноз. Так называемый кошачий крик издают дети, родившиеся с одной лишней хромосомой. Если нормаль-

ный человек имеет 46 хромосом, то присутствие 47-й хромосомы всегда сопровождается целым рядом уродств, в том числе и необычным криком новорожденного.

Двойник

знаменитой пещеры

Знаменитую наскальными рисунками пещеру Лако во Франции навсегда закрыли для туристов. Это вызвано необходимостью сохранить творчество доисторических художников от разрушения.

Однако название пещеры снова появилось в туристских проспектах. За год группа скульпторов и художников создала близ пещеры Лако ее копию.

Специальная отделка бетонных стен придала им вид зернистого гранита. Цветные фотографии помогли перенести на стены все детали уникальных рисунков. Все краски для них были изготовлены из местных глин. Вот только белой глины не нашлось, и пришлось взять белила.

Целебные уши

В уральских, сибирских и дальневосточных лесах растет бузина. С коры этих деревьев свисают дрожжалковые грибы, напоминающие уши хряка или буйвола. Лишь немногие собирают с бузины эти удивительные грибы.

В старинном «Лечебнике» говорится, что дрожжалковый гриб можно использовать в пищу и для целебных настоев.

В некоторых странах Востока один из видов аурикулярий — так называются в научной литературе дрожжалковые грибы — используется для приготовления различных целебных блюд.

Знатоки народной медицины применяют гриб против болезней верхних дыхательных путей. Высушив, его мелко толкут и заваривают как чай.

Собирают аурикулярии в сухую погоду, когда гриб затвердевает под солнцем.

На снимке: целебная аурикулярия на бузине.

Царские роли

Играть царей было амплуа артиста Михаила Названова. Теперь «царский скипетр» перешел к Владиславу Стржельчику.

Народный артист СССР В. Стржельчик шесть раз сыграл в кино Николая Первого, один раз Наполеона, два раза Александра Второго, кроме того, был фашистским генералом, атаманом Дутовым...

Был один раз артист русским царем на Свердловской киностудии.

В научно-популярном фильме «Пленительные образы» есть эпизод, когда русский царь Николай Первый беседует с княгиней Волконской перед ее отправлением в Сибирь. Режиссер уже давно смонтировал эту сцену и искал актера с «царской дикцией», чтобы ее озвучить.

— Вот такого бы, как Стржельчик...

И вдруг повезло — только на один день приехал в Свердловск Владислав Стржельчик на пробы в группу художественного фильма «Приваловские миллионы». Тогда и обратился режиссер к актеру с просьбой невидимо, за кадром, сыграть Николая Романова.

Стржельчик согласился, и в зале записи зазвучал неповторимый баритон замечательного актера: «Я получил, княгиня, Ваше письмо. Я считаю себя обязанным еще раз повторить...»

Музыка творит чудеса

Исследованиями ученых установлено, что музыка благотворно влияет на некоторые растения и птиц.

В одном из совхозов северо-западной зоны страны на птицеферме не умолкает магнитофон, воспроизводящий оркестровую музыку. И вот результат опытов: куры стали лучше нестись, а индюки — даже дважды в день.

Наслушавшись музыки, скворцы на дачном участке орнитолога стали петь чаще, звонче и продолжительнее.

Там, где мальчик ежедневно упражняется на скрипке возле клумбы, розовые и белые астры распустились раньше на десять дней, чем те, что были посажены возле другого дома.

Одна из участниц телевизионного конкурса «А ну-ка, девушки!» рассказывала о том, что веселые песни, исполняемые на молочной ферме, где она работает, повышают удои ее коров.

А в Индии, как известно, заклинатели змей игрой на народных музыкальных инструментах умиротворяют опасных пресмыкающихся.

На снимке: индийский укротитель змей.

Как стать вожаком

Когда впервые встречаются два хомяка, они пытаются установить свое превосходство друг над другом. Зверьки встают на задние лапки... и, спустя некоторое время, один из них покоряется, становится подчиненным.

Ученые заметили, что у хомяков при таком выборе вожака большую роль играет темное пятно на груди. Английские зоологи А. Пейн и Г. Суэнсон усилили этот

сигнал, увеличив его размеры. Результаты оказались поразительными. При встрече между животными, схожими по всем остальным признакам, хомяки с усиленным пятном на груди становились лидерами в два раза быстрее. Крашенные животные прибывали в весе быстрее остальных.

Меньше вируса

Раньше считалось, что самым крохотным паразитом растений, животных и человека является вирус. Совсем недавно ученые обнаружили, что существует молекула нуклеиновой кислоты, которая размножается за счет вируса некроза табака.

У НАС В ДОМЕ РУЧНОЙ ЛЕВ

КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ

МЫ ИГРАЛИ
В КОСМОНАВТОВ!

Сказочно богаты бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока. Лес, нефть, газ, уголь, руды, редкие и благородные металлы, рыба — чего только здесь нет! Подвиг людей, осваивающих богатства Сибири и Дальнего Востока — традиционная тема «Уральского следопыта». И в 1975 году журнал будет рассказывать читателям о покорителях сурового края.

Могучая ГЭС, новый город в тайге, гигантский лесопромышленный комплекс, который вырастет рядом, — об этом пойдет речь в очерке «ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УСТЬ-ИЛИМСК».

Наш корреспондент побывает и на Тюменском севере и на знаменитой стройке — на Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, расскажет о молодых ребятах, что идут сквозь таежные дебри.

Большую помощь покорителям тайги и тундры оказывают ученые Сибирского отделения Академии наук СССР и Дальневосточного научного центра. И о них будет наш рассказ в 1975 году на страницах «Уральского следопыта».

«...Впервые его увидели в столовой, когда все население интерната ужинало. Было шумно. Петька Малышев пустил Таню Сухужской за шиворот здоровенного черного жука, которого нашел в поленнице, когда ходил за дровами для кухни. Таня, визжа, соскочила с лавки и убежала. Петька чувствовал себя героем. Внезапно дверь открылась и вошел новый воспитатель вместе с Таней.

— Здравствуйте, дети, — сказал он. — Меня зовут Вениамином Витальевичем. Я буду с вами работать.

— И долго? — спросил кто-то.
Все засмеялись.

— Долго. Мне здесь нравится. Природа, река, жуки вон какие водятся. — Он засунул руку в карман и вытащил оттуда Петькиного жука.

— Это я его нашел! — не выдержал Петька. — В дровах!

Вениамин Витальевич подошел к Петьке и ловко пустил жука ему за шиворот. Петька криво улыбнулся и, не удержавшись, поехался.

Столовая грохнула хохотом.

— Приятно? — спросил Вениамин Витальевич.

Петька густо покраснел...»

Это — отрывок из небольшого рассказа «ВИТАМИНЫЧ» Бориса Никонова, талантливого юноши, который еще недавно жил в городе Дивногорске. Прикованный к постели, он писал удивительно светлые, поэтические, очень правдивые повести и рассказы о своих сверстниках-подростках, об учителях и рабочих, о строителях знаменитой Красноярской ГЭС.

Лучшие работы Никонова будут опубликованы у нас в 1975 г.

Мы познакомим читателей и с приключенческой повестью Юлия Файбышенко «В ОСАДЕ». В повести рассказывается о том, как во время гражданской войны горстка коммунистов и комсомольцев, среди которых и молодой следователь уголовного розыска недавно созданной рабоче-крестьянской милиции Владимир Гуляев, сумела отстоять городок Сухов от натиска многочисленных банд, раскрыть и ликвидировать белогвардейский заговор.

НАПОМИНАЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО НАШ ЖУРНАЛ В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ПОЧТИ НЕ ПОСТУПАЕТ. САМОЕ ВЕРНОЕ — ВЫПИСАТЬ ЕГО. ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМИСТНО И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП. НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413.